

Мария БАРЫКОВА

**КЛАУДИА
или
ДЕТИ ИСПАНИИ**

Мария Барыкова

**Клаудиа, или Дети
Испании. Книга первая**

«Автор»

2013

Барыкова М.

Клаудиа, или Дети Испании. Книга первая / М. Барыкова — «Автор», 2013

В предлагаемой трилогии читателю с совершенно новой и неожиданной стороны открываются европейские события в эпоху наполеоновских войн. Вместе с героиней, представительницей древнего, но разорившегося дворянского рода, на глазах читающего пробуждается к жизни и крепнет великая Испания. Искренность и страстность сближают юную Клаудию с такими героинями мировой литературы, как покорившая сердца множества читателей Анжелика. «Игра в жмурки» – первая часть трилогии – повествует о детских и подростковых годах прекрасной наследницы испанского рода де Гризальва. Клаудиа родилась на самом закате мрачного средневекового королевства, и принимавшая роды старая колдунья из Сарагосы предсказала ей великое будущее. Поначалу участь девочки кажется печальной и даже трагической, но черная полоса в ее жизни неожиданно сменяется светлой... Вторая часть «Бездельник Фердинанд» повествует о юношеских годах прекрасной Клаудии де Гризальва. Самый страшный и могущественный ее враг – испанский кардинал – стремится отправить юную героиню на костер инквизиции, но ему противостоят любовь и преданность верных друзей девушки. Здесь читателя ждут незабываемые сцены столкновения героини с принцем Фердинандом, знаменитой герцогиней Альба и многими другими лицами испанской истории. Третья часть «Душа Сарагосы» переносит читателя в годы молодости Клаудии. Здесь особенно ярко раскрываются характеры действующих лиц на фоне героической обороны Сарагосы, одной из ярчайших страниц мировой истории. Героиня создает саму себя, находит отца и познает трагическую любовь, родившуюся на развалинах города, в крови и смертях госпиталей...

© Барыкова М., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Часть первая. Игра в жмурки	7
Пролог. Рождение	7
Глава первая. Вечер у герцогини Осунской	12
Глава вторая. Падение дома дона Рамиреса	23
Глава третья. Двуликий Янус	39
Глава четвертая. Педро	52
Глава пятая. Козни Лоренсаны	66
Глава шестая. Королевские салески	80
Глава седьмая. Чудесное избавление	97
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Мария Барыкова
Клаудиа или Дети Испании. Книга первая

«Величие Испании зиждется на собачьей крови!»

Граф Монтихо¹

¹ Испанский аристократ, возглавивший в 1808 году Аранхуэское восстание под именем «дядя Педро».

Часть первая. Игра в жмурки

Пролог. Рождение

– Пресвятая богородица! Полдень! Ясно! Ясно!

Действительно в этот полуденный час небо над Бадалоной было по-летнему ярко-синим, и человек в черной треуголке чиновника, но в простых крестьянских альпаргатах², весело посмотрел на эту сверкающую синеву из-под приставленной ко лбу руки. Он бодро шел по дороге, повсюду замечая радостные приметы набирающего силу дня, начинающегося года. Весна вступила в свои права рано и бурно, стебли лоз повсюду уже наливались подземными соками, и можно было ожидать хорошего приплода от овец. А сегодня поутру и вообще произошло небывалое событие – с небес шел целый ливень из селедок. Событие редчайшее и невероятное. Теперь же время подходило к обеду, и при входе в предместье мужчина отчетливо ощутил, как со всех дворов тянет готовящейся под разными соусами и разными приправами рыбы. Человек широко улыбнулся, обнажив прекрасные ровные зубы на смуглом лице, и свернул в переулок Ахо, где едва нос к носу не столкнулся с дородной женщиной в темной фланелевой мантилье. Мелко перебирая ногами, почтенная донья явно куда-то спешила.

– Бо дио³, донья Гедета!

– Добрый день, добрый день, дон Рамирес! – жизнерадостно ответила пожилая женщина, сверкнув все еще выразительными черными глазами. Выговор ее выдавал явную уроженку Арагона, а тонкий профиль свидетельствовал о былой красоте. – Ах, как милостива ко мне Пресвятая Дева, – продолжала тараторить она, – А я уж думла, что мне придется теперь послать какого-нибудь мальчишку в Мурнету. Не слишком ли вы заработались, почтеннейший дон Рамирес?

– Надо же хорошенько подготовиться к новому сезону, – весело откликнулся дон Рамирес. – А что это за такие спешные новости, донья Гедета? – хотел было пошутить он, но наткнулся на такой полувозмущенный, полуторжественный взгляд, что сразу же осекся.

– И это вы у меня спрашиваете, почтенный дон Рамирес! Пропадаете целыми неделями неизвестно где и не знаете, что творится в вашем собственном доме!

– Что же творится в моем собственном доме, почтенная донья Гедета? – с расстановкой продолжил все же игру он, боясь спугнуть долгожданное событие. – Могу только предположить, что уже вдоволь насолили рыбы и теперь готовят дарованный Богом рыбный суп.

Дон Рамирес и в самом деле не был дома уже более недели. Сначала он отправился в горы присмотреть места летних пастбищ для увеличившейся за счет недавней выгодной сделки отары, а потом заглянул в свое маленькое поместье Мурнету, где на двух фанегах⁴ земли был разбит небольшой виноградник. Конечно, Мурнету вряд ли можно было назвать настоящим поместьем, ибо она представляла собой лишь небольшой каменный домик, единственной мебелью которого являлись старый стол да несколько табуретов, а единственным украшением – спрятанная в стенной нише резная фигурка Богоматери.

– Бог с ней с рыбой, хотя случай и в самом деле наичудеснейший. Однако у вас в доме произошло событие куда значительней! Ах, почтеннейший дон Рамирес! Неужели вы до сих пор не догадываетесь?

– Да, ну?! Уже?! Сын?! – все еще не веря себе едва выдохнул он.

² Альпаргаты – обувь из полотна с плетеной из шпагата подошвой.

³ Добрый день (*по-каталански*).

⁴ Фанега – земельная мера, равная приблизительно 55 арамам.

– Ну, вот еще, так вам сразу и сын! Дочь. Такая хорошенькая девочка, дон Рамирес, розовая, как новорожденный поросенок... Вот я и бегу в лавочку к Франсине, чтобы заказать альпухарский окорок. Надо бы, наверное, и крендель...

Но почтенный дон Рамирес уже не слушал, что еще говорила ему возбужденная от радостного события дуэнья. Он со всех ног бросился к молодой жене, горя желанием разделить с ней восторг и счастье их еще столь недолгой семейной жизни.

До дома было уже рукой подать, когда до слуха счастливого отца донесся звон колокольчика, и в следующее мгновение дон Рамирес увидел священника в сопровождении мальчика-служки со святыми дарами, явно торопившихся к умирающему. Неприличествующее моменту досадное чувство на мгновение охватило дону Рамиреса, когтистой лапой сжав сердце. Но выхода не было: он поспешно достал из кармана платок, расстелил его прямо на земле и преклонил колена, как того требовали обычай и инквизиция.

Многие знакомые дону Рамиреса давно уже перестали соблюдать этот обычай. Они оставили его после того как однажды апрельской ночью повсеместно были арестованы, посажены на корабли и высланы в Рим все иезуиты. Дон Рамирес прекрасно помнил те восторженные дни. Он был тогда уже молодым человеком, успевшим и повоевать, и многое повидать на свете. Однако торжество тех дней, когда народ на улицах его родного города устраивал настоящие карнавалы, распевая куплеты о проклятых «слугах Иуды», «черном воронье» и «прислужниках черта», наконец-то изгнанных поганой метлой из их благословенной Испании, оказалось незабываемым.

Тем не менее дон Рамирес был человеком глубоко верующим и, в отличие от многих своих знакомых, считал необходимым выполнение всех привитых ему с детства обычаев. Это было делом его личной совести и не имело ничего общего с изгнанием этой «шайки волков». Поэтому и сейчас он безропотно преклонил колена перед проходившим священником и помолился святой деве дель Пилар.

Но чувство досады все же не покидало его. Повстречать священника со святыми дарами, спешащего к умирающему – плохая примета. Что ждет его дома? Какое будущее уготовано его первенцу?

Дон Рамирес Хуан Хосе Пейраса де Гризальва был крепким среднего роста мужчиной с черными, как смоль, волосами и неожиданно мягким взглядом карих глаз. Он не относился к числу первых двенадцати грандов испанского королевства, таким, как герцоги Альба, Аркос, Бехар и другим, которые были друг с другом на «ты» и которым удалось пронести свое достоинство через все девять веков, протекшие со времен Санчо Великого. Не относился он и к числу ста девятнадцати грандов, числившихся при испанском дворе короля Карлоса Третьего. Его род разорился и потерял свое влияние вскоре после того, как отец ныне здравствующего короля, Филипп Пятый, осадил и захватил Барселону семьдесят лет назад. Тем не менее, дон Рамирес всегда гордился длинной чередой своих предков, происходивших от готских королей и даже находившихся в роду с королевской фамилией Стюартов. Кроме того, он был настоящим мужчиной, человеком, быть может, немногих, но сильных чувств, чуждым сомнений, истинным испанцем, который или любит или убивает, и не знает постепенных переходов от высшего счастья к отчаянному горю. «Но, – мысленно приободрил он сам себя, – все будет в порядке и с девочкой, и с наследником, который, храни нас всех Пресвятая дева, конечно же, последует за малышкой... Ведь все еще впереди...»

Всего лишь год назад, потратив семьдесят дурос⁵ и едва окончательно не разорившись, он сыграл скромную, но достойную свадьбу с юной красавицей Марией Сепера-и-Монтойя, чей род также уходил корнями в дом властителей древней Каталонии Беренгуэров, однако последние два столетия бедствовал, пожалуй, еще больше, чем род дону Рамиреса. Однако сам дон

⁵ Дуро – денежная единица =20 реалам = 5 песетам.

Рамирес был невероятно счастлив, ибо брак их был заключен совсем не по расчету, а по глубокому взаимному чувству, вспыхнувшему однажды, словно костер в сухом июльском лесу.

Дону Рамиресу снова невольно вспомнился тот жаркий день, когда во время одной из своих поездок по предместьям он после долгой разлуки вдруг встретил товарища по военной кампании, в которой их самонадеянный молодой король, переоценив силы и свои, и союзников, вынужден был уступить Флориду англичанам. Дон Мариано немедленно пригласил его к себе, в скромный дом на окраине Жероны. Под стакан агуардьенте⁶ они весело вспоминали боевую юность. Подумать только – в те годы им едва стукнуло по восемнадцать! И вдруг, когда они уже затянули свою любимую балладу

*Войска короля Родриго
Позиций не удержали,
В восьмой решительной битве
Дрогнули и побежали...⁷*

перед взором дона Рамиреса возникло божественное создание.

На каменный пол виноградной беседки ступила хрупкая юная газель с большими темными глазами и каштановыми локонами выбившихся из скромной прически волос. Щеки ее так и горели румянцем от быстрой ходьбы, а их нежная кожа казалась розовыми лепестками, сверкающими под хрустальными капельками росы.

– Что, нравится?! – рассмеялся приятель, глядя на потерявшего дар речи гостя.

– Не томи душу, дон Марьяно, скажи мне ради всего святого, кто это? – едва справившись с охватившим его волнением, произнес, наконец, пораженный дон Рамирес.

– Это моя дочь, дон Рамирес, моя прекрасная донья Мария...

И вот уже год живут они душа в душу, несмотря на то, что дон Рамирес более чем вдвое старше своей юной красавицы-жены. Счастливому отцу совсем недавно исполнилось сорок, в то время как Мария на днях должна была встретить лишь свой восемнадцатый день рождения.

Юная мать, прекрасно знавшая, что дон Рамирес мечтает о сыне, ждала мужа с легкой затаенной тревогой. Сколько раз он говорил ей о том, как будет воспитывать своего мальчика, чтобы сделать его настоящим испанским идальго. И вдруг – дочь. Как он воспримет эту новость? Как сказать ему об этом?

– О, моя дорогая Марита! – с порога выдохнул дон Рамирес и в следующее мгновение упал на колени перед низкой кроватью, на которой лежала бледная от недавно перенесенных страданий молодая женщина.

– Хуан... – начала она, но запнулась, и на ее щеках показались две прозрачных слезинки.

– Милая Марикилья, главное – ты жива и здорова! А от того, что у нас родилась дочь, а не сын, счастье мое ничуть не меньше!

– О, сердце мое... Душа моя... – только и выдохнула она и, уже не скрываясь, залилась радостными и чистыми слезами счастья. Все было ясно и без слов.

Да, дон Рамирес мечтал о сыне, но теперь, целуя руки жены, уже с нежностью думал о дочери. «Девочка! Моя прелестная маленькая дочурка! Пусть она будет столь же прекрасна, как ее мать, и столь же счастлива, как отец!» И, окрыленный, он забыл о том, что еще полчаса назад хотел не дочь, а сына. Более того, теперь, пожалуй, он мог бы поклясться даже перед костром Святой инквизиции в том, что в глубине души всегда и ждал именно рождения дочери.

Просидев у постели с четверть часа, дон Рамирес решил доверить еще слабым после родов юную мать и новорожденную всегда все знавшей донье Гедете. К тому же, приглашенная

⁶ Агуардьенте – виноградная водка.

⁷ Перевод Н. Горской.

дуэньей еще несколько дней назад повитуха сообщила, что никаких опасений за жизнь обеих нет. Эта новая радость так утешила дон Рамиреса, что он окончательно забыл то неприятное чувство, которое охватило его, когда дуэнья представила ему как опытную повитуху худую, с черными горящими глазами женщину без возраста. Однако на его недоверчивый взгляд Гедета, бывшая дуэньей еще у его тещи, ответила, что Пресентасионата – лучшая повитуха во всей округе, а уж ей ли, уроженке этих мест, того не знать. Дон Рамирес вздохнул и согласился. И теперь, оставив женщин обсуждать недавние роды и будущее малышки, он со всех ног помчался в церковь Сан Иеронимо де ла Муртра к священнику, с которым ему не терпелось поделиться своей радостью, а заодно и обговорить крещение, ибо выбор имени представлял теперь немалую проблему. Ведь даже если дон Рамирес и ждал в глубине души дочь, то на ее поверхности, то есть в мыслях, вовсе не имел представления о том, как назовет малышку. Сына он собирался назвать Хуан Мануэль Карлос Рамирес. А дочь? Об этом тоже надо было посоветоваться со святым отцом.

В старой церкви служба подходила к концу. Тихий свет лился сквозь разноцветные стекла витражей, за стенами звенели колокола, и им вторили маленькие колокольчики в руках молящихся.

– In nomine patris, et filii, et spiritus sancti. Amen.⁸ – торжественно заключил священник и плавно взмахнул рукой, отпуская паству. Кура⁹ Челестино был еще совсем не старым, а скорее, даже молодым человеком и пользовался в Бадалоне большим влиянием. Кроме того, что он был известен как весьма набожный и благочестивый священник, падре прекрасно играл на волынке и сочинял бесконечные поэмы на древнегреческом, которые беспощадно читал всем знакомым. Это хотя и не добавляло к нему почтения, зато позволяло многим смотреть на молодого падре с отеческой снисходительностью, что, в свою очередь, весьма располагало сердца прихожан в его пользу. Ведь простые люди всегда любят тех, кто не выставляет себя более достойными, чем они сами.

– Сейчас посмотрим, – после первых восторженных поздравлений сказал дону Рамиресу кура Челестино. – Что у нас сегодня? Двадцать второе марта, понедельник. Вот если бы родился мальчик, его можно было бы назвать Клавдием, в честь святого Клавдия. Но...

– Клавдий? Но я думал назвать сына иначе. Впрочем, о чем я, ведь Господь послал мне дочь. Клавдий?! А что если...

– Что?

– Что если мы назовем девочку Клаудиа? Возможно ли это, святой отец?

– Мужское имя?

– Но ведь Клаудиа, это уже будет не мужское имя, а женское. И звучит красиво. Клаудиа Рамирес де Гризальва! Как вы думаете, святой отец?

– Я думаю, дон Рамирес, это неплохая идея.

– Неужели, падре Челестино? Вы и в самом деле так думаете?

– В самом деле.

– В таком случае мы так и поступим...

– Погодите, куда же вы, дон Рамирес?! Я как раз хотел прочитать вам последние пять стихов о Гелиадах...

Но новоиспеченный сорокалетний отец, подпрыгивая, словно мальчик, уже мчался домой, сгорая от нетерпения поделиться еще одной новостью с домашними.

– Клаудиа... Клаудиа Хосе Рамирес де Гризальва... Клаудиа, – несколько озадаченно взвешивала на языке непривычное имя донья Гедета, пока счастливые супруги о чем-то радостно шептались. В комнате, несмотря на солнечный день, стоял полумрак, поскольку

⁸ Во имя отца, и сына и святого духа. Аминь. (лат.)

⁹ Кура – священник (исп.)

шторы были опущены, чтобы не беспокоить мать и новорожденную. И в этом сумраке никто не заметил, как повитуха, в чьи обязанности входило лишь приглядывать за родильницей и которые, собственно говоря, уже закончились, подошла вплотную к ребенку.

– Девчонка родилась в день весеннего равноденствия, – вдруг проговорила она, низко склонившись над издавшей виды колыбелью, принявшей многие поколения де Гризальва. – Ей предстоит нелегкая жизнь, но все ее неудачи и страдания будут уравниваться удачами и счастьем.

– Так, значит, жизнь нашей Клаудильи будет все-таки... уравновешенной? – с тайной надеждой на хорошее предзнаменование обратилась к ней дуэнья.

– Еще бы! Она многого добьется, ведь она родилась в понедельник. Этот день был отмечен самим Богом, пославшим людям пищу с небес, как день, приносящий множество невероятных событий. А, кроме того, девчонке угораздило явиться на этот свет тогда, когда на небосклоне созвездие Рыб переходит в созвездие Овна, то есть, когда вода переходит в огонь и...

– Замолчи, богохульница, да спасет нас святая дева дель Пилар! – в ужасе прошипела набожная донья Гедета, быстро перекрестившись на статую богоматери, тускло поблескивавшую в нише над изголовьем Марии. Молодая женщина вздрогнула, и даже дон Рамирес тревожно огляделся по сторонам. – Скажи лучше, что ей посчастливилось родиться в один год с инфантом!

На дворе стоял 1784 год.

В этот год в королевской семье у дона Карлоса де Бурбон и доньи Луизы Марии, принцессы Пармской родился наследник Фердинанд, будущий король Испании.

В этот год по исполнении семнадцати лет из Бадахоса прибыл в Мадрид и поступил в королевскую гвардию некий красавец по имени Мануэль Годой. Но о нем в этот год еще никому ничего не было известно.

Глава первая. Вечер у герцогини Осунской

Пуэрта дель Соль, парадную площадь Мадрида, пересекла ничем особо не примечательная карета. День уже клонился к вечеру, и в лучах заходящего солнца ярко сверкали белые колонны ротонды. Ветра не было, улицы в этот час уже опустели, и лишь со стороны королевского дворца доносились музыка, смех и гром фейерверков. Чуть больше месяца назад испанский королевский двор подписал спасительный мирный договор с республиканской Францией, и многочисленные торжества, устроенные по этому поводу, все еще продолжались. Однако в этот вечер в королевском саду гулял далеко не весь двор. Многие видные гранды и дамы испанского королевства собрались у герцогини Осунской. И таинственный экипаж, минуя королевскую резиденцию, тоже устремился по новокастильской дороге в место, называемое Аламедой, где в полутора лигах¹⁰ от Мадрида, находился роскошный загородный дворец герцогини с роскошным парком Каприччио. Именно перед решетчатыми воротами этого великолепного дворца, украшенного личным вензелем герцогов Осуна, и остановился таинственный экипаж.

Лакей, судя по всему, уже давно поджидавший гостя, тут же подскочил к карете, открыл дверцу и откинул выдвижную ступеньку. В следующее мгновение из кареты вышел довольно плотный мужчина среднего роста и неопределенного возраста. Он был в темном дорожном костюме, в то же время напоминавшем вечерний туалет.

– Как прикажете доложить, ваша светлость? – с учтивым поклоном осведомился лакей.

– Граф Херонимо де Милано, – мягким певучим голосом с легкой улыбкой на губах ответил приезжий и степенно направился вслед за лакеем к парадному входу во дворец.

* * *

Герцогиня Осуна считалась одной из самых образованных женщин Испании. В вопросах влияния на жизнь страны она соперничала не только с членами королевского дома, но и с другой, не менее знатной и не менее богатой грандессой – скандально известной герцогиней Альба. То, что происходило в стране после смерти прогрессивно настроенного короля Карлоса Третьего, очень не нравилось герцогине Осуне. Будучи женщиной чрезвычайно умной, она с искренним отвращением смотрела на царствующего ныне Карлоса Четвертого и его супругу, королеву Марию Луизу, пригревшую в своей постели временщика Мануэля Годоя. Испугавшись происходящих в соседней стране событий, приведших к казни родственников испанского королевского дома Бурбонов Людовика Шестнадцатого и Марии Антуанетты, они начали проводить политику прямо противоположную той, к которой стремился прежний король Испании.

В результате этого в стране вновь начала поднимать голову Святая инквизиция, усмиренная уже при предыдущем правлении. Своими жестокостями она снова заставляла стынуть кровь в жилах и публичными зверскими казнями, так называемыми аутодафе, вызывала естественное отвращение у всякого просвещенного человека. В университете было запрещено преподавание всех естественных наук. Вместо них принялись усиленно изучать тауромахию или искусство корриды. Стали вновь поощряться самые черные наклонности народа – доносительство, кровожадность, необразованность, пристрастие к азартным играм и дракам на навахках. В Мадриде была даже построена вторая фабрика, специализирующаяся на выпуске игральные карт. Таким образом, из четырнадцати существовавших тогда в Испании фабрик две занимались выпуском игральные карт, две производили одежду, и только десять можно было так или иначе отнести к промышленности.

¹⁰ Лига – испанская мера длины, равная примерно 5,5 км.

Но герцогине не нравился и тот путь, который избрала революционная Франция. У Испании должна быть своя история. И вульгарная Каэтана Альба, постоянно таскавшая за собой полоумного монаха и маленькую негрятенку, раздражала Осуну в первую очередь своей приверженностью к французской вседозволенности и простонародному разгулу. Таким образом, герцогиня Осуна со своими друзьями составляла третью влиятельную партию страны, укрывавшую под своей эгидой наиболее просвещенные силы ее народа. Она во всем равнялась на времена просвещенного абсолютизма во Франции, и ее загородный дворец с парком Каприччио не составлял исключения в этом отношении. Для графа не являлось секретом, что устройство парка было поручено одному из лучших французских мастеров паркового искусства того времени Жану Батисту Муло, прославившемуся своими работами в Малом Трианоне Версаля, и что одним из условий огромного гонорара было выставлено требование, согласно которому Муло отказывался от создания других парков в течение 20 лет! Каприччио можно считать одним из первых «тематических» парков, где было все, что душе угодно...

С одной стороны, он представлял собой несколько провинциальный вариант Версаля, с такими же мраморными балюстрадами, круглыми окнами, высокими колоннами, широкими зеркалами, бюстами Траяна и Каракаллы, нагими статуями, китайскими коврами, золочеными канделябрами, хрустальными люстрами, концертными залами, театрами, зимними садами, фонтанами, аккуратно по линейке разбитыми парками, аллеями, посыпанными шлифованной галькой, самшитовым кустарником, подстриженным в соответствии с критериями, изложенными в «Рассуждении о методе» знаменитого Рене Декарта. С другой – лабиринт уютных тропинок, вьющихся между тополями и акациями, огромные клетки для птиц, пруды, искусственные лужайки, зеленеющие как в Париже, бельведеры, амурчики, подъемные мосты, ловко устроенные каскады, розарии, качели, плакучие ивы, зонтики, фонтанчики, олеандры, александрийские лавры, пони, павлины, бумажные змеи и розовые фламинго.

По желанию герцогини здесь был устроен причал, салон-казино для увеселительных празднеств, модный тогда лабиринт из кустарников, даже был поселен отшельник. Последнему не только выплачивалось жалованье, но и было оплачено отращивание длинной бороды и волос. Другими словами, парк Каприччио был полон сюрпризов и открытий...

* * *

Прошествовав через все это великолепие, только что прибывший граф де Милано приблизился к парадному входу. Охватив дворец быстрым взглядом и прекрасно зная его прообраз, что позволяло ему сразу же представить себе все его внутреннее убранство, граф жестом отпустил лакея. Поднимаясь по величественной парадной лестнице, весьма недвусмысленно напоминающей парадную лестницу Версальского дворца, граф бросил рассеянный взгляд на висевшие вдоль всей верхней галереи портреты предков герцогини.

Герцогиня Осуна происходила из знаменитого рода Борджиа; в ее жилах текла кровь множества знатных семей Испании. Она имела право на два титула принцессы, семь или восемь герцогских и, благодаря ее талантам, достоинству и вкусу, считалась самой интересной женщиной в Мадриде. Внешняя хрупкость ее была обманчивой, очень энергичная и жизнеспособная герцогиня прекрасно ездил верхом и подолгу гуляла одна, не боясь ни усталости, ни проходивцев. Кроме того, граф слышал, что герцогиня была приятна в обращении, богато одарена от природы, блистала умом, красноречием и весельем.

Слуга проводил гостя в залу, где графа ожидало собравшееся по случаю его приезда изысканное общество. Пока хозяйка дома представляла вновь прибывшему гостю собравшихся, граф де Милано снова обратил внимание на украшавшие стены картины. Вся зала была увешана причудливыми большими полотнами, изображавшими шабаши ведьм и проделки дьявола. На одной из них огромный козел вещал сбившимся в кучку женщинам в черных одеяниях

вечные истины. Граф уже знал о том, что все эти полотна были написаны по специальному заказу герцогини первым придворным живописцем Франсиско Гойей, и, по мнению герцогини, вероятно, как нельзя более соответствовали предстоящему вечеру.

«Уж не представляет ли она меня чем-то вроде такого же козла?» – невольно подумал граф, учтиво улыбаясь чрезвычайно худой и несколько угловатой герцогине. «Единственное, чего ей действительно не достает, так это красоты», – вспомнились ему слова секретаря, готовившего для него материалы к этому посещению.

– Да, да, герцогиня, я тоже необычайно рад, – почти машинально ответил граф, учтиво кланяясь изысканно одетой Осуне, выразившей ему свое чрезвычайное приятие.

Затем началась череда представлений. Как графа и предупреждали, в числе гостей оказались не только или, скорее, даже не столько первые гранды королевства, сколько просто замечательные и чем-либо успевшие прославиться личности. Был здесь и знаменитый тореро Пепе Ильо или попросту Петушок.¹¹ С тех пор, как на парадной корриде, посвященной вступлению на престол нынешнего короля, другой тореадор, Педро Ромеро, вынес его окровавленного с арены и положил к ногам герцогини Осунской, Пепе постоянно присутствовал на всех званных вечерах этой грандессы, вновь поставившей его на ноги. Рядом с ним сидел его неразлучный друг, знаменитый актер сеньор Маркес. Именно ему, кладя к ногам Осуны лишившегося чувств тореадора, Педро Ромеро сказал тогда: «Здесь вам не театр, сеньор Маркес, здесь умирают по-настоящему».

Присутствовал на вечере и поэт Ириарте, сочинявший для герцогини всевозможные театральные комедии и пьесы. Герцогиня Осуна не только читала в былые годы в университете лекции по экономике, но и любила порой, презирая светские условности, выступить на подмостках в роли простой актрисы. Поэтому Ириарте никогда не оставался без работы; приготовил он изящную поделку и на предстоящую ночь.

Из более же видных людей королевства сегодня присутствовали бывший министр и переводчик Вольтера сеньор Уркихо, замечательный искусствовед и брат первого секретаря премьер-министра сеньор Сеан Бермудес с супругой доньей Лусией, а также виднейший философ и министр юстиции Мельчиор де Ховельянос.

Все дамы щеголяли длинными черными юбками, низко вырезанными лифами и тугими поясами. На плечах большинства красовались болеро – маленькие курточки с кисточками. Мужчины предпочитали белые рубашки, коротенькие курточки, туго обтягивающие ляжки короткие штаны, шелковые чулки и башмаки с огромными пряжками. Волосы они забирали в сетки, как у тореро или ярмарочных цыган. Это были костюмы так называемых мачо и мах или попросту испанского простонародья.

Впрочем, среди светских одежд виднелась здесь и фигура, одетая в традиционную монашескую одежду – дон Антонио Деспиг, архиепископ Сеговии. Считаясь другом семьи и постоянно бывая на всех званных вечерах герцогини, он в то же время был тайным личным осведомителем главного инквизитора Испании Лоренсаны. Именно с его помощью герцогиня надеялась свалить ненавистного ей первого человека в правительстве страны – фаворита королевы – бывшего гвардейца Годоя. В этот вечер бывший гвардеец, получивший необычный титул Князь мира, как раз был на вершине своей славы, и дело представляло собой необычайную трудность. Однако герцогиня успела обсудить с архиепископом темы для трех доносов, которые поступят к главному инквизитору от трех простых монахов, еще до начала этого торжественного обеда. Доносы были необходимы для возбуждения трибуналом Святой инквизиции тайного следствия. Осуна рассчитывала, что после делового разговора Деспиг уйдет, но он, узнав о прибытии откуда-то из Европы таинственного гостя, воспользовался формальным приглашением герцогини и задержался. Архиепископ не сомневался, что на обеде несомненно будет

¹¹ Один из наиболее знаменитых тореадоров тех лет Хосе Дельгадо Герра (1754-1801), прозванный Пепе Ильо – Петушок.

говориться многое из того, что заинтересует Лоренсану и что войдет в тайные досье, заведенные на всех бывающих у герцогини гостей.

– Сегодня здесь собрались только истинные друзья вашей светлости. Такие грандессы, как Мария Тересия герцогиня Альба, в жизни своей не прочитавшая ни одной книги и интересующаяся лишь боем быков да скандальными связями с мужчинами, или Мария Луиза принцесса Пармская, хотя и являющаяся ныне нашей всемилостивейшей королевой, но интересующаяся лишь украшениями и мужскими ласками, сегодня не будут оскорблять ни взора, ни слуха вашей светлости. Точно так же не удостоились чести быть зваными на наш сегодняшний вечер и Их Католическое Величество король Карлос Четвертый, кому важна лишь охота, да своя уникальная коллекция часов. Он непременно попросил бы вас потягаться с ним в леонской борьбе, ибо чрезвычайно гордится своей физической силой, в то время как умом не блещет совсем. Не зван нами также и фактически первый человек государства, наш досточтимый премьер-министр, получивший на днях титул Князя мира за очередную распродажу нашей страны. Этот мужлан, через постель королевы в несколько лет превратившийся из последнего человека страны в первого, с каждым днем все более заплывает жиром и не интересуется ничем, кроме собак и задиранья женских юбок, извините, граф, за столь плебейскую откровенность. Но наш премьер, похоже, и в самом деле поставил себе целью исследовать, что скрывается под юбками у всех лиц женского пола вверенного ему королевства...

Так щебетала герцогиня, сопровождая своего таинственного гостя к отведенному для него почетному месту во главе стола. Ее выразительные серые глаза, казавшиеся еще крупнее на сухом лице, так и сверкали.

– В таком случае приходится только удивляться, дорогая герцогиня, как при всем этом они еще умудряются управлять страной, – осторожно заметил де Милано.

– Удивляет, Ваша Светлость, не это, удивляет другое: что кто-то еще всерьез верит в действительность их управления страной, – тут же съязвила герцогиня.

– А вам палец в рот не клади, – прикрылся граф бесцветной фразой.

– Да, Ваша Светлость, это вы верно заметили, – подтвердил усаживавшийся по правую руку от почетного гостя маркиз Пеньяфьель герцог Осунский, двоюродный брат и супруг герцогини, бывший на три года моложе ее. Сама герцогиня села по левую руку от гостя. – Вы слышали анекдот о том, как Сант-Яго, попав к Богу, просил его о милости для нашего народа? – вдруг с усмешкой спросил графа маркиз.

– Нет, Ваше Сиятельство, не доводилось.

– Если изволите, я коротко расскажу вам, пока гости рассаживаются.

– Будьте так любезны, Ваше Сиятельство.

– Покровитель нашей благословенной страны Сант-Яго после смерти предстал перед Богом. Господь, довольный его подвигами, сказал, что исполнит все, о чем бы тот ни просил. Тогда Сант-Яго попросил, чтобы Бог даровал Испании богатство и изобилие. – Быть по сему, – ответил Бог. – Храбрость и мужество народу, – продолжал Сант-Яго, – славу его оружию. Быть по сему, – был ответ. Хорошее и мудрое правительство, – продолжал Сант-Яго. Но это невозможно, – вдруг ответил Господь. – Ведь если в Испании будет еще и хорошее и мудрое правительство, то все ангелы покинут рай и уйдут в Испанию.

Граф де Милано для вежливости посмеялся, но подумал при этом, что девятый герцог Осуна, в отличие от своей блистательной жены, пожалуй, все-таки не очень далек умом. Впрочем, герцогиня на самом деле тоже не знает, насколько близка она к истине в своем последнем замечании... Но этим людям таких вещей знать и не следует.

– У каждой эпохи есть своя золотая пора, – продолжала между тем весьма словоохотливая герцогиня, – У язычников были говорящие животные, которые загадывали загадки. У христиан – евангелическая пора чудес. Средневековье развлекалось колдовством и ведьминскими шабашами, на которых черти в человеческом обличье растлевают девиц. А в наши дни

единственной областью поистине необыкновенного является всемогущий разум. В наше время уже не место чудесам.

– А как же свобода, дорогая? – лукаво улыбнулся герцог. – Разве мы не верим в свободу больше, чем во всемогущий разум?

– Посмотрите, что сделали со свободой за Пиренеями, – вздохнула герцогиня. – Испугавшись такой свободы, наши помазанники Божии уже натворили немало чудес. Флорида-Бланка в изгнании, Аранда томится в далекой Памплоне. Нет, господа, что ни говорите, а потомственная монархия все же ведет к вырождению. Мало того, что наш королевский дом каждый год отправляет папе за специальные разрешения этих внутрисемейных династических браков сотни тысяч реалов, в результате еще и рождаются одни уроды. Вы только посмотрите, господа, на нашего короля. – В зале повисло тягостное молчание, но герцогиня, будто бы ничего не замечая, продолжила. – И вы заметите явные признаки вырождения. А что в результате? В результате у нас при дворе совсем не осталось настоящих мужчин, и на первые роли выходят такие мужланы, как Годой. Нет, что ни говорите, но управлять страной должны императоры, люди по-настоящему волевые и сильные.

– Но, Ваше Сиятельство, императоры всегда тираны, – осторожно заметил граф де Милано.

– Почему?

– Потому что они либо силой берут власть, либо силой удерживают ее.

– Возможно, вы правы, граф. Тогда остается американский вариант. Я слышала, там всенародно выбрали некоего Джорджа Вашингтона и назвали его президентом.

– У них нет иного пути, Ваше Сиятельство. Это пока еще страна без традиций, – сказал граф, делая легкий глоток из стоящего перед ним бокала шампанского.

– В таком случае, нам остается лишь сохранить Бурбонов на троне, – грустно сказала герцогиня, при этом почти неуловимым движением посмотрев на сидящего на другом конце длинного стола прямо напротив почетного гостя человека в таких же темных одеждах. Почти в то же самое мгновение граф де Милано спокойно окинул взглядом всех собравшихся и с удовлетворением отметил, что, похоже, никто не уловил этого осторожного движения герцогини. Впрочем, он остался не совсем уверен в святом отце, лицо которого выглядело холодно отстраненным.

Только тут герцогиня вдруг обратила внимание на то, что остальные гости так и продолжают напряженно молчать, слушая, о чем говорят они с графом, и практически не участвуя в разговоре.

– А что думаете вы, сеньоры? Не стесняйтесь. У нас всего лишь простая дружеская беседа. Например, как вы думаете, что если и у нас в Испании устроить всенародные выборы?

– А что мы можем об этом думать, Ваше Сиятельство? – хитро улыбнувшись, ответил за всех актер Маркес. – Я только представлю, что у нас в стране объявят всенародные выборы верховного владыки, так и вижу, как все сразу же побегут и выберут ныне здравствующих короля и королеву.

Гости засмеялись.

– Пожалуй, вы и в самом деле правы, сеньор Маркес, – серьезно заметила герцогиня.

– Я слышал, Ваше Сиятельство, что в молодости вы даже участвовали в военных действиях? – попробовал перевести разговор с серьезных тем на более приятные де Милано.

– О, да, граф, забавы молодости. Не стоит об этом и вспоминать, – отмахнулась герцогиня, засмеявшись.

– Почему же не стоит, дорогая? – Не удержался ее достойный супруг дон Педро Тельес Хирона. – Помнится, это было в самом конце семидесятых. Мы с герцогиней отправились завоевывать Менорку под предводительством французского адмирала герцога Крильона. Мария Хосефа переделалась тогда юнгой...

– Должно быть, вы были прекрасны в этом наряде, Ваше Сиятельство, – не удержался граф.

– Вы мне льстите, Ваша Светлость!

– Так вот, кроме меня никто не знал, что этот бравый юнга, никогда не покидающий переднюю линию огня, на самом деле – женщина...

– Это было, должно быть, восхитительно, – не удержался актер Маркес.

– Должно быть, господа, – поторопилась вмешаться герцогиня. – Но давайте оставим этот разговор обо мне. Право, у нас есть много других интересных тем.

– А вы уверены в том, что чудес вообще не бывает? – как бы следуя просьбе герцогини, вдруг решил оживить разговор поэт Ириарте. – Возможно, мы просто слепы. Такая слепота свойственна всем великим империям, особенно в период агонии. Вспомните, как Цезарь презрел предсказание и отправился в Сенат?

– Ах, славный мой Ириарте, сравнение ваше, к сожалению, никуда не годится. Нашему королю далеко до Цезаря, а Верховной палате Кастилии¹² до Сената, – улыбаясь своей равнодушной улыбкой, с легким вздохом заметил герцог, вновь тем самым возвращая разговор в прежнее русло.

– Воистину, мой дорогой Ириарте, не кощунствуйте, – подхватила герцогиня. – Я не верю в божественное право королей на власть. Это право должно быть только у императоров и, разумеется, у герцогов, а не у таких мужланов, что пытается нами управлять сейчас. Кстати, господа, я недавно перечитывала Хосе Иглесиаса де ла Каса, упокой Господи его душу, и вдруг встретила одну эпиграмму, которая в связи с событиями последних дней прозвучала для меня неожиданно по-новому.

– Что за эпиграмма, Ваше Сиятельство? – сразу же заинтересовался Ириарте.

– Что ж, она сразу же запала мне в память, и для меня теперь совсем несложно прочесть ее наизусть.

– Прочтите, прочтите, Ваше Сиятельство, – раздалось сразу несколько голосов.

Герцогиня, любившая выступать в роли актрисы и считавшая себя не бесталанной, с чувством продекламировала:

*Один хирург благочестивый,
От жизни ждавший новых благ,
Определить не мог никак,
Что больше принесет наживы:*

*Всеобщий мир иль пушек гром.
Но, рассудив, что в равной мере
Обязан Марсу и Венере,
Он успокоился на том.¹³*

Действительно, эпиграмма весьма живо нарисовала напыщенный вид ликующего в эти дни ненавистного премьера, и все засмеялись, даже суровый Пепе Ильо.

– В равной мере обязан Марсу и Венере, – со смехом подхватил он ключевую фразу, явно намекающую на вознесшегося через постель королевы гвардейца.

– Дорогая, – шепотом обратился к супруге герцог Осунский, – эта книга пару лет назад была запрещена Святой инквизицией. За одно ее хранение...

¹² Верховной палатой Кастилии в описываемое время назывался Верховный суд Испании.

¹³ Перевод В. Васильева.

– Ну что вы, дорогой, – с веселым смехом ответила герцогиня, заметившая напряженное ухо господина архиепископа, явно понимавшего содержание шепота ее супруга, – здесь у нас собрались только друзья. Не так ли, отец Антонио? – Архиепископ кивнул герцогине с легкой улыбкой признательности.

– Но, господа, я совсем не имел в виду ни Его величество, ни Верховную палату, ни, тем более, этого временщика, – вновь попытался свернуть на свое Ириарте. – Я говорю о серьезных и порядочных людях, вроде нас с вами. Увы, даже мы не замечаем чудес, и они проходят для нас впустую. Ведь все мы не раз слышали и о графе Сен-Жермене, и о графе Калиостро, однако никто из здесь собравшихся не верит в то, что бессмертие возможно. Не так ли, граф?

– Вы совершенно правы, господин поэт, – ответил де Милано. – Кстати, господа, я не хотел говорить вам об этом, однако в связи с последними словами уважаемого господина поэта не могу промолчать и вынужден сообщить вам это прискорбное известие. Три дня назад в Италии скончался граф Калиостро.

– Как?! Вот так новость! Неужели?! Не может быть! – понеслось со всех концов стола.

Граф де Милано словно окатил всех собравшихся ушатом холодной воды. По бросаемым на него то и дело украдкой взглядам и перешептыванию он легко догадался, что на его счет имеются у здешней публики некоторые довольно смелые предположения. Теперь же, столь неожиданно объявив всем эту печальную весть, он окончательно убедился в том, что здесь. Скорее всего, его приняли за Сен-Жермена.

– Вот вам и доказательства, дорогой мой Ириарте, – грустно улыбнулась герцогиня. – О каком же бессмертии можем мы вести речь, если умирают даже те, кто его декларирует?

– И все-таки, уважаемая герцогиня, сердце подсказывает мне, что это известие о смерти графа Калиостро ничего еще не доказывает, – не сдавался Ириарте. – Известно ведь, что люди, постигшие секрет бессмертия, не умирают на самом деле, а только лишь имитируют свою смерть для всего мира, чтобы не привлекать излишнего внимания к своим персонам. А потом появляются где-нибудь в другой стране под другим именем и, как ни в чем не бывало, живут далее.

– А как же люди, которые знали их при так называемой прежней жизни? Они ведь могут опознать их? – спросил герцог.

– Но кто из нас, много раз слышавших о Калиостро, хотя бы раз вживую видел его самого или хотя бы портрет? Я слышал, например, что граф Сен-Жермен никогда нигде не останавливался более чем на одну ночь. Поэтому хорошо знаком он может быть только очень узкому кругу людей. И все они при этом могут быть и без того посвящены в его тайну, – ответил Ириарте. – Кто из вас, встретившись однажды с тем же графом Калиостро, который представился бы другим именем, согласно одним лишь слышанным описаниям с полной уверенностью мог бы утверждать, что это на самом деле и есть таинственный чародей?

– Уж не хотите ли вы сказать, дорогой господин поэт, что я и есть граф Калиостро, представившийся другим именем? – лукаво усмехнулся граф Херонимо де Милано.

– Ну, что вы, граф! Я не берусь взять на себя такую смелость или наглость, если угодно, – ответил Ириарте. – Да я даже и описаний-то Калиостро никогда не слышал. Так что, убейте меня, не представляю, как он выглядел. Все же, как многого мы не знаем даже из того, чего знать не только очень хочется, но и следовало бы!

– А мне вот, например, доводилось читать описание графа Сен-Жермена в записках известного путешественника Казановы.

– Того самого Казановы, что служит сейчас библиотекарем в замке Дукс в Богемии? – оживился Ириарте.

– Да, мой дорогой поэт.

– Но, Ваше Сиятельство, извините за нескромность, – не выдержал поэт, – откуда у вас его записки, которые еще даже не вышли из печати и, насколько я слышал, пока гуляют только в рукописных копиях, а посему мало кому доступны.

– Как, мой дорогой поэт, вы разве еще не знаете, что один хороший французский друг регулярно снабжает меня всем наиболее интересным из того, что появляется в Европе.

– И какова же внешность графа Сен-Жермена, судя по описаниям господина Казановы?

– Представьте себе, господа, но, как это ни странно, ничего кроме слов вроде «приятной наружности» и «с весьма учтивыми манерами» мне там найти не удалось. Все внимание господина Казановы уходит на описание необычайных способностей графа как замечательного собеседника и человека, искушенного во всех видах наук. За столом он обычно почти ничего не ел, прямо, как вы, граф, – улыбнулась герцогиня своему почетному гостю, несколько задетая его невниманием к изысканным блюдам ее кухни.

– Однако, насколько я помню, по всем рассказам очевидцев – и думаю, то же самое должно быть написано и у Казановы, – Сен-Жермен обычно не закрывал рта. Не так ли, Ваше Сиятельство?

– Да, да, именно так и пишет Казанова. Граф Сен-Жермен был очень остроумным и словоохотливым собеседником. В частности в своих записках сеньор Казанова рассказывает о том, что граф Сен-Жермен умел изготавливать драгоценные камни.

– Насколько я слышал, граф Сен-Жермен умел изготавливать не только драгоценные камни, но владел жизненным эликсиром. А это означает, что для него чудо было настоящей реальностью, – все еще не сдавался Ириарте. – Мы же, по сравнению с ним, живем, как слепцы!

– Да, дорогой Ириарте, несмотря на все наши глубочайшие познания, мы еще ужасно невежественны, и никто не знает толком даже того, что творится у нас внутри. Вслепую живем и умираем вслепую, – неожиданно философски вздохнул герцог.

– И даже наш глубокоуважаемый, прославившийся своей ученостью на всю Европу доктор Пераль, пользующий королеву и герцогиню Альбу, далеко не так всемогущ, как представляется, – вставила герцогиня. – Но и с вашей слепой верой в чудеса, дорогой мой Ириарте, мы тоже далеко не уедем. Подумать только, что делает с верой простой народ, если даже уважаемая герцогиня Медина-Коэли лечила своего сына истолченным в порошок пальцем святого Игнасия, давая ему половину в супе и половину в клистире. Извините, господа, за такую вульгарную подробность.

– А я слышал, монашки в монастырях играют священными изображениями, словно куклами, – вдруг со смехом подхватил Пепе Ильо. – Они одевают младенца Иисуса в разные одежды, потом раздевают, купают, укладывают спать... – но тут всегда сидящий с ним рядом актер Маркес незаметно дернул тореро за рукав, и бесстрашный истребитель быков замолчал.

– А, между тем, всякого, кто посмеет усомниться в вере или в силе подобных целебных средств, жестоко и неумолимо преследует инквизиция, – грустно заметил Ириарте, но, вдруг немного повеселев, заявил. – А хотите, я прочитаю вам один медицинский рецепт, составленный моим батюшкой, да упокой Господи его душу.

Герцогиня уже заранее начала смеяться.

– Да-да, расскажите, дорогой Ириарте, господину графу этот рецепт несомненно понравится.

И Ириарте с легкой, змеящейся на губах, улыбкой продекламировал:

*Для твоего, голубчик, исцеленья
От хворости, не знаю сам, какой,
Не знаю как, свари себе настой.
Бог весть какие тут нужны коренья,
А может быть польнь иль череда?*

*Не знаю, доля их нужна какая.
По сколько раз, не знаю, принимая,
Излечишься, не ведаю когда.¹⁴*

– Ну, что скажете, граф? – все еще продолжала смеяться герцогиня. – Не правда ли, весьма метко подмечены возможности наших ученых мужей от медицины?

– Да. Поделка весьма прелестна. Ваш батюшка был достойным человеком, господин поэт.

– Спасибо, граф. Извините, а доктор Пераль и в самом деле известен на всю Европу, как у нас здесь утверждают?

– Да, я действительно слышал о нем. В Европе он считается чистейшей воды вольнодумцем, учеником Ламетри, Гольбаха и Гельвеция. Насколько мне известно, доктор Пераль глубоко убежден в том, что чувства и мысли – такие же продукты тела, как моча и пот. Также, по его мнению, нет никакой разницы между ощущениями быка, покрывающего корову и самого утонченного мужчины, любящего женщину. Его считают гедонистом и называют «свинкой из Эпикурова стада». Благодаря своей большой учености он неплохо практикует. Однако, например, Парацельса он понял вполне превратно, и это сильно ограничивает его возможности.

– Однако у нас в Испании он врач номер один. Сама королева доверяет свое драгоценное здоровье только ему, – заметил бывший министр Уркихо.

– И герцогиня Альба, конечно, не удержалась и не пожалела денег для того, чтобы также пользоваться его услугами. Представляете, любезный граф, наша неугомонная герцогиня пытается перещеголять королеву буквально во всем. Она добилась того, что их пользует один и тот же парикмахер и один и тот же костюмер. Причем платья, доставляемые из Парижа, обычно оказываются у герцогини Альбы на пару дней раньше, чем у Ее Величества. Представляю чувства нашей королевы, когда она получает очередное модное и столь долгожданное платье, и вдруг видит, что точно в таком же уже пару дней щеголяет повсюду ее самая ярая соперница, – герцогиня Осуна даже рассмеялась. – Ах, господин граф, а вы слышали о последней шутке, которую отчудила наша своевольная красавица?

– Нет, Ваше Сиятельство, сделайте одолжение, – с учтивым наклоном головы ответил граф де Милано.

– Она, гуляя по улице одна в своем обычном черном платье, которое так любит, и, встретив какого-то бедного студента, представилась ему простой служанкой и попросила сводить в кафе. Там она заказывала кучу самых дорогих блюд, навеселилась вдоволь, а когда перед уходом выяснилось, что студенту нечем расплатиться, посоветовала ему оставить в залог трактирщику штаны и убежала.

Эта история была уже хорошо знакома присутствующим, поскольку герцогиня Альба все-где сама охотно рассказывала о своих проделках, поэтому гости молча продолжали есть, и только один граф вынужден был что-то ответить.

– Судя по таким историям, ваша герцогиня Альба совсем еще ребенок, – с легкой улыбкой сказал он.

– Да, граф, и такой же жестокий, как все дети, – подхватила герцогиня.

После этого наступила небольшая пауза. По повисшей над столом тишине граф вдруг почувствовал, что всем хотелось бы все-таки побольше узнать о том, кого они с таким нетерпением ожидали. Ведь, должно быть, им говорили о графе, как о человеке исключительной учености, представляющем надежду не только для возрождения Испании, но и всей Европы. Недаром этот молодой поэт Ириарте даже заподозрил, что он либо Калиостро, либо даже сам Сен-Жермен. И вот обед уже клонится к завершению, а таинственный гость все еще так и не проявил никаких особенных дарований. Однако человек в архиепископских одеяниях отнюдь

¹⁴ Перевод В. Васильева.

не располагал к откровенности. Тем не менее, граф решил подхватить одну из нитей затеваемого за столом разговора и вновь обратился к поэту Ириарте:

– Что же касается вашей веры в бессмертие и чудеса, я хотел бы заметить следующее. Главная беда человеческая заключается даже не в незнании. Заметьте, господа, в Священном Писании истина открыта для всех. Однако, прекрасно зная, как поступать не надо, человек все равно поступает во вред себе. Мы даже не потрудимся особо для того, чтобы прожить свои положенные сто лет, что уж там говорить о бессмертии, требующем гораздо больше целеустремленности, не правда ли, господа?

– Так вы считаете, граф, что никакого особого рецепта бессмертия на самом деле не существует? И все эти рассказы об эликсирах и волшебных порошках – простая выдумка? – едва ли не обиделся Ириарте.

– И да, и нет, – уклончиво ответил граф. – Но вот вам хотя бы один рецепт – почаще мойте руки перед едой – и упасете свой организм от множества недугов.

– Ну, что вы, граф, – вдруг рассмеялась герцогиня. – Я вижу, вы еще очень плохо знаете страну, в которую попали. За слишком частое мытье рук здесь вы быстренько угодите прямо в подвалы Святой инквизиции.

– И уж оттуда-то вы с легким дымком костра непременно вознесетесь прямо в бессмертие уже без особых дополнительных усилий с вашей стороны, – мрачно пошутил герцог.

Граф понял, что, не заметив ничего экстраординарного, все уже разочаровались в нем окончательно. Что же касается учености, то этого большинству присутствующих было не занимать. Однако граф отнюдь не расстроился таким результатом своего первого появления в столице Испании.

Наконец, торжественный обед закончился, и все подняли бокалы за здоровье герцогини Осунской. Однако празднество грозило затянуться до утра. Де Милано, отличавшийся во всем необычайной умеренностью, перед тем как выйти из-за стола, достаточно громко заявил, что очень рад был познакомиться со столь блистательным обществом, однако, просит его извинить, поскольку очень устал после долгой дороги и был бы всем чрезвычайно признателен, если бы его отпустили в приготовленные для него апартаменты.

Гости разочарованно вздохнули, но поскольку всех уже влекло продолжение веселого гулянья с фейерверками, играми и театральными шутками в саду, возразили только для приличия. Больше всего досадовал на столь стремительное исчезновение графа де Милано, почти никак не проявившего себя и за весь обед не сказавшего ни одной неосторожной фразы, архиепископ Антонио Деспиг. Архиепископ тоже немедленно откланялся и отправился домой, даже несмотря на столь поздний час. А потому он не стал свидетелем непродолжительной беседы, которую вели с глазу на глаз и вполголоса герцогиня с графом де Милано по пути в его апартаменты.

– Граф, так мы надеемся на вас, – сказала герцогиня под конец этой таинственной беседы полушепотом.

– Сделаю все, что в моих силах, дорогая герцогиня.

– Спокойной ночи, граф!

– Приятно повеселиться, Ваше Сиятельство.

После этого граф вошел в приготовленные для него покои, а герцогиня Осуна отправилась в сад, где на открытой и освещенной факелами площадке ей предстояло блеснуть в очередном творении Ириарте. Все гости уже ждали ее там. Только архиепископ Деспиг, устроившись поудобней в своей карете, сказал вознице: «Пошел», и задумался о том, как завтра он будет убеждать духовника королевы дома¹⁵ Рафаэля де Мускиса в необходимости начать кам-

¹⁵ Звание святого отца.

панию против несносного временщика именно сейчас, пока тот пребывает на самой вершине своей славы и, должно быть, утратил обычную бдительность...

Впрочем, присутствовал на этом блистательном вечере и еще один персонаж. Некий таинственный человек в темном сидел во время обеда прямо напротив графа де Милано и тоже практически не принимал участия в разговоре. Он также не принял участия и в ночных увеселениях, а направился никем не замеченным в покои загадочного итальянского гостя. Это был человек средних лет, невысокого роста, сухой и с аккуратной бородкой клинышком. Он намеревался еще до рассвета отбыть вместе с графом де Милано в свой уединенный замок, расположенный на севере Испании, неподалеку от Памплоны, едва ли не у самого подножия Пиренеев.

* * *

Двор герцогини Осунской всю ночь продолжал веселиться, так же как и двор Их Католических Величеств. Когда же все, нагулявшись вдоволь, уснули, никто не заметил, как два экипажа в сопровождении небольшого конного эскорта, состоявшего из людей в черных одеждах, покинули дворец герцогини и неспешно направились по арагонской дороге.

Где-то далеко на востоке еще только едва намечался розовый рассвет, но птицы уже щебетали несметным хором, едва не заглушая стук копыт по разбитой и грязной проселочной дороге.

Глава вторая. Падение дома дон Рамиреса

О, Каталония, страна сурового сердца и дикой ласки! Четыре реки, одна из которых дает название всему полуострову, прорезают твою грудь и несут свои воды в великое море. Твои виноградники в Пенедасе и Ла Риохе поят вином половину Испании, с вершин твоих гор видна Франция, в твоих ущельях до сих пор слышен отзвук Роландова рога. Ты стоишь на границе, как страж, вспоминая великие времена своего могущества, и твое дыхание расширяет грудь твоих дочерей и сынов.

Впрочем, вряд ли именно такими словами думала о том, что ее окружает, маленькая русоволосая девочка, которая часами играла на крутых склонах Мурнеты. Она просто наслаждалась густыми зарослями крушины, ладанника, дрока и боярышника, в которых было так славно прятаться от доброй, но строгой доньи Гедеты. Она радовалась тишине, прерываемой лишь криком совы, треском бесчисленных цикад и какими-то неясными звуками, отголосками тайной жизни леса. Порой по вечерам она пугалась мертвенно-голубого света луны, от которого кроны миндаля высились огромными, переливчатыми очертаний башнями, но чаще наслаждалась теплым солнцем, дававшим жизнь всему вокруг.

По утрам она вместе с матерью вставала чуть свет и отправлялась к ранней обедне, ела каждый день одно и то же: яичницу, суп, шоколад, салат и жаркое. Потом отдыхала, гуляла, снова в сумерках шла в церковь, на этот раз уже с дуэньей, и ложилась спать в неприятно холодную постель еще до того, как на улицах раздастся сигнал тушить огни. Но, несмотря на такую занятую и размеренную жизнь, маленькая Клаудита большую часть времени проводила в одиночестве, растя, как полевой цветок. Мать, хрупкая по природе, после ее рожденья, вопреки заверениям повитухи, стала очень болезненной и порой часами не вставала с кровати. Бледная и грустная, лежала она под фигуркой приснодевы, а отец выбивался из сил, стараясь любыми средствами поддержать разваливающееся хозяйство. Однако это не очень ему удавалось, ведь прежде всего он был все-таки солдатом, а не помещиком. И только донья Гедета, казалось, не знала ни усталости, ни болезней, ни сна. Она успевала всюду; работала за кухарку, прачку, швею, умудряясь даже иногда баловать малышку то самодельными оладьями, то пирожным из лавки своей давней подруги Франсины.

Мир улыбался ясноглазой девочке, и ей пока не было никакого дела до того, что где-то там, на западе, в далекой столице подходило к концу правление Карлоса Третьего – короля, о котором немало судачили по всем рынкам и спальням. Вокруг девочки приглушенными голосами поговаривали, будто его религиозная ревность не мешает монарху предаваться бесстыдному разврату, странным образом сочетаемому с трогательной преданностью скончавшейся четверть века тому назад супруге Марии-Амалии Саксонской. И уж совсем еле слышно передавали друг другу то, что Карлос считает себя милостью Божией абсолютно непогрешимым и потому, хотя и умеет подбирать талантливых министров и окружать себя полезными молодыми людьми, все же скорее тиран, чем просто абсолютный монарх.

И смену престола, которую праздновала вся страна, Клаудита смутно запомнила лишь потому, что в тот день матери особенно нездоровилось, Гедета приготовила превкусные сдобные хлебцы, которые можно было есть засахаренными, а отец надел невиданный ею доселе саржевый камзол цвета горлицы, с вышитыми гладью зелеными веточками, а к нему короткие черные шелковые штаны и замшевые перчатки соломенного цвета.

– Ах, папочка, какой ты красивый! – не выдержала Клаудита и бросилась на шею отцу, от которого непривычно пахло не кошарой и молодым вином, а незнакомыми духами.

Дон Рамирес взял ее на руки и крепко прижал к себе. Чем больше не ладились его дела, чем более угрюмым представлялось будущее, тем отчаяннее наслаждался он дочерью, и тем чаще начинало ему казаться, что все остальное в этом мире не имеет никакого значения, и

только эта маленькая девочка заключает в себе весь мир и весь смысл его жизни. Только в ней все его надежды и все чаяния. Его оправдание и его бессмертие. Словом, стареющий дон Рамирес души не чаял в малышке, и девочка, всем своим существом чувствуя эту всепоглощающую любовь, дарила его таким же искренним и радостным ответным чувством. Мать, юная Мария, часто с грустной улыбкой наблюдала, как возятся около ее кровати не знающая устали Клаудита и пришедший далеко после захода солнца муж, и видела, как разглаживаются его морщины, как он весь оттаивает и смягчается, каким неподдельным счастьем светятся обычно печальные во все последние годы глаза.

И как же горько страдал теперь в душе дон Рамирес от того, что в такой праздничный день ему нечем порадовать свою любимицу. Дела в хозяйстве шли все хуже. Годы один за другим стояли неурожайные, а доктора Марикильи требовали все больше дуру. С мечтой о сыне, видимо, приходилось распрощаться.

И потому, когда дочери исполнилось шесть, он решился на дело неслыханное в этом захолустье и для человека такого скромного достатка: он договорился с падре Челестино о том, что тот будет учить девочку грамоте. Причем, не только родной, но и греческой. Гедета попробовала было защитить свою питомицу от подобного надругательства, но дон Рамирес, когда надо, мог быть крутым хозяином. Он метнул в сторону дуэньи взгляд, не обещавший ничего хорошего.

– Не желаете ли вы отдать мне ключи от всех погребов и Мурнеты? – только и сказал он, чего, впрочем, оказалось достаточно.

Мария же, с затаенной грустью понимая, чем продиктовано это решение мужа, только вытерла слезы и отвернулась.

И теперь Клаудита каждый день, кроме воскресенья, после заутрени оставалась в полутемной каморке падре Челестино, которая укромно таилась за левым приделом церкви. Вся каморка была буквально заполонена книгами, в которые девочка погрузилась с каким-то таинственным, необъяснимым ожиданием чуда. Как ни странно, греческий понравился ей больше испанского, и уже через пару лет она бойко читала Гомера. Учение сократило ее одинокие игры в зарослях Мурнеты, но, по удивительной прихоти судьбы, дало больше свободного времени, чем раньше. Отец, ревниво и строго следивший за ее успехами, сам приносил ей книги и приказал Гедете освободить девочку не только от уроков шитья, но и от дневных молитв, занимавших, по испанским традициям, не меньше двух часов в день. И окружающий мир неожиданно открылся восьмилетней девочке не с одной, а сразу со множества сторон. Она читала все подряд: смеялась над баснями Ириарте, плакала с героями Уэрте, а порой, заглядевшись на одинокое облако в утреннем небе, шептала печальные строчки Вальдеса. Вместе с этими книгами в однообразную атмосферу дома врвался мир необузданных страстей, унося ее из четырех стен в бескрайние дали. Она по-иному увидела природу, ежедневно учась находить в ней великие законы жизни, по-иному стала вслушиваться и в разговоры взрослых.

А разговоры день ото дня становились все более тяжкими. Пастухи на пастбище, отец в долгих беседах с кура Челестино, Гедета, каждый раз прибегавшая с рынка возбужденной, и даже мать, почти не выходящая из дома, но иногда принимавшая нескольких местных подруг, все чаще и уже не стесняясь, говорили об их богоданном короле удивительные вещи. По этим разговорам выходило, что Карлос Четвертый не отличается умом и потому гораздо более охотно играет на скрипке и коллекционирует часы, чем управляет государством; и что его супруга итальянка Мария Луиза, эрцгерцогиня Австрийская, герцогиня Бургундская, графиня Габсбургская, Фландрская и Тирольская вполне охотно восполняет недостатки своего царствующего мужа при помощи любвеобильных фаворитов. Упоминался некий дон Мариано-Луис де Уркихо, прославивший либералом, благодаря тому, что долго жил во Франции, где общался с французскими философами. Он переводил на испанский наиболее интересные французские книги. Поговаривали, что этот вельможа даже не боялся цитировать вольнодумца Вольтера,

от одного упоминания имени которого испанская святая инквизиция приходила в бешенство. Потом появился дон Хосе-Антонио де Кабальеро, ярый приверженец мрачного средневековья и власти Папы. И, наконец, бравый гвардеец дон Мануэль Годой.

Последнее имя Клаудита слышала уже не впервые. Благодаря ему еще большее влияние на прихожан получил кура Челестино, который в детстве, будучи сыном управляющего Эухенио Годоя, иногда играл с сыном последнего – Мануэлем. Теперь же молодой Годой служил в гвардии, в столице, и о нем начинали доходить до Бадалоны странные, интригующие слухи. Не раз добрейший отец Челестино в награду за отлично сделанный урок, рассказывал девочке о прекрасном золотоволосом мальчике, с которым в детстве вместе пас овец в Эстремадуре, неподалеку от своего родного Бадахоса. В этих рассказах дон Мануэль выглядел настоящим Сидом, рыцарем без страха и упрека, полным всех мыслимых и немыслимых достоинств.

– Ах, милая Клаудита, никогда я не забуду тот день, когда к нашей отаре подкрался волк. Мы с Мануэлитом как раз обсуждали, кем лучше всего стать, когда вырастем. И вдруг на краю стада послышался шум, овцы отчаянно заблеяли, как обычно всегда бывало, когда они чуяли какую-то опасность. И тогда, как сейчас помню, Мануэлитом молнией вскочил на коня и во весь опор помчался к отаре, даже понятия не имея, что там происходит; отчаянный он был парень! Я кричал вслед, что там, наверняка, волки, что лучше ему не лезть туда, но он, похоже, меня даже не слышал. Уже в следующее мгновение я увидел, как конь его, которого Мануэлитом называл – мой Бабьека¹⁶, заржал и в свечку, а с губ так и летит пена – от ужаса, значит. Я упал на колени и стал молиться Господу, чтобы он защитил Мануэлитом. И так я стою на коленях, молюсь, а одним глазом все смотрю и вижу, как отчаянно рвется Бабьека, и как упрямо Мануэлитом все подает и подает его вперед на ощерившегося волка, а сам раскатисто стреляет в воздухе кнутом, – тут падре Челестино на мгновение отвлекся от повествования, и лицо его на мгновение озарила устремленная в какую-то бездонную глубину прошлого улыбка. – Это было у нас тогда особым шиком, пускать волну на длинном пастушьем кнуте, из-за чего кончик смыкался с таким звуком, будто кто-то неподалеку стрелял из пистолы. Словом, там разгорелась настоящая битва, и мне было ужасно страшно и за Мануэлитом, и за коня. Не знаю, чем бы все это и закончилось, но с другого конца поля со страшным лаем примчались два наших волкодава. Тоже, надо сказать, были собаки! Сущие звери! Волк дал деру, да так, что псам и не догнать. Они скоро вернулись, языки на боку, но целехонькие, без всяких следов битвы. Мануэлитом еще даже не успел успокоить своего Бабьеку и все стоял и гладил его, обняв за шею. А я бросился к нашим собачкам и стал обнимать и благодарить их.

И потом я еще долго спрашивал у Мануэлитом:

– Неужели тебе совсем не было страшно?

А он мне все время твердил:

– Нет. Я и не думал об этом. Ведь надо было поскорее прогнать наглеца. Только потом, когда я уже стоял, обнимая коня, меня так заколотило, что я успокаивал скорее себя, чем Бабьеку.

А вскоре после этого случая Мануэлитом вслед за старшим братом уехал в Мадрид и там поступил в королевскую гвардию, а я отправился учиться к святым отцам в монастырь тринитариев¹⁷...

Маленькая Клаудита, подперев тонкой ручонкой голову, слушала рассказ святого отца, смотрела, как пляшут пылинки в мутных лучах каморки церкви Иеронима и представляла себе сказочного принца. Она часто мечтала о том, что однажды он каким-нибудь чудом узнает о существовании бедной маленькой девочки и на своем горячем Бабьеке приедет за ней в их

¹⁶ Бабьека – имя легендарного коня национального героя Испании – Сиды Компредора.

¹⁷ Тринитарии – монашеский орден, основанный в 1199 г. для выкупа пленных у мусульман Иваном де Мафа и пустынноиком Феликсом де Валуа.

нищую Бадалону. Но урок заканчивался, чары рассеивались, и девочка снова возвращалась в размеренную жизнь глухой провинции, где царили тишь да гладь, да божья благодать, а также святая инквизиция и могущественный коррехидор¹⁸.

* * *

В то зимнее утро Клаудита проснулась от холода раньше обычного. Донья Гедета еще спала, выводя носом почти чарующую мелодию. За ставнями синел призрачный рассвет, и девочка подумала, что успеет сама сбегать к Франсине, чтобы дать своей бедной наставнице поспать еще хотя бы лишние полчаса. Бесшумно одевшись, Клаудита выскользнула на улицу, но, к ее удивлению, улицы, несмотря на столь ранний час, оказались полны народа. На каждом углу собирались кучки людей, мелькали пестрые юбки женщин и голые икры мужчин. По воздуху плыл невнятный гул, скоро сменившийся колокольным перезвоном с обеих церквей. Запыхавшаяся девочка вбежала в лавку, набитую покупателями до отказа.

– Вот до чего довела этих французов склонность к болтовне! Мы, испанцы, молчим, зато уж никогда не позволим себе подобного! – громче всех разглагольствовал сапожник Реквехо, потрясая номером «Газеты», которая раз в неделю прибывала в Бадалону из столицы. – Вы только послушайте, до чего дошли эти лягушатники! – С негодованием в голосе обращался к стоящим в очереди людям умевший читать сапожник. – Казнили своего короля!

– Поднять руку на помазанника Божия! Само небо покарает их, – в суеверном страхе крестилась старая донья Марианна, работавшая на монастырской кухне.

– Что там небо, я слышал, наш новый фельдмаршал собирается объявить Франции войну, – вступил в разговор какой-то заезжий ремесленник.

– Да, ну?!

– Провалиться мне на этом месте! Да разве их католические величества потерпят такое надругательство над своими родственниками?! Ведь эти безбожники вот-вот казнят и королеву!

– Неужели они и на королеву поднимут руку? – с еще большим рвением принялась креститься донья Марианна.

– С этих извергов все станется. Они и дофина запросто казнят.

– Да что ты! Он ведь совсем еще мальчик!

– А им то что? С этой своей теткой гильотиной они совсем озверели. Скоро друг другу начнут головы рубить.

– Воистину, воистину Бог покарает их! – молилась донья Марианна.

– Ну, наши им теперь зададут трепку, – довольно загудели молодые парни, которые вошли в лавку, привлеченные возбужденными голосами.

– Куда там, зададут, – презрительно буркнул грамотный сапожник. – Воевать-то у нас уж некому. Все вояки, поди, давно подались в Америку. Ну-ка, несколько миллионов уехало. А из тех, что остались, половина уже сидит сами знаете, где...

– Тише, тише! Или соскучился по зеленому посланцу? Попридержи-ка язык, дон Реквехо!

– Да ладно вам! Недаром пословица-то говорит, «Испания – родина великих мужей, Испания – их могила».

– Вот уж тебе будет «ладно»!

– А как же королевская гвардия?! – не унимались парни.

– Ха-ха, вспомнили, гвардия, – вновь оживился насупившийся было сапожник. – Да кто этой гвардией командует? Вчерашний лейтенантишка, которого за одну ночь произвели в

¹⁸ Коррехидор – глава администрации и судебного аппарата в небольших городах.

фельдмаршалы?! Да этот молокосос ни в тактике, ни в стратегии не имеет никакого понятия. Я, дорогие мои, достаточно повоевал в свое время и знаю, – кипятился сапожник, выставляя на всеобщее обозрение свою наполовину деревянную левую ногу, – прекрасно знаю, сколькими талантами должен обладать настоящий полководец. И уж поверьте мне, эти таланты приобретаются отнюдь не в постели, даже если эта постель и...

– Тише, тише! – зашипели все на сапожника.

– А я слышал, – снова вступил в разговор незнакомый ремесленник, – что какой-то монах в Сарагосе предложил всем священникам собраться и пойти на Францию войной.

– Во-во-во! – в восторге завопил сапожник. – Воистину это было бы замечательно. Попов-то у нас раз в десять больше, чем солдат! Да и вся эта черная братия – сущие черти...

– Да тише ты, тише, черт! тьфу, проклятый! Совсем голову потерял, – все крестилась и крестилась старая Марианна.

Только тут Клаудита вдруг заметила, что один из парней смотрит на нее каким-то странным взглядом. Она уже не в первый раз ловила на себе такие непонятные взгляды мужчин, и взгляды эти изрядно ее пугали, даже несмотря на то, что мужчины обычно при этом сладко ей улыбались. Однако от этих улыбок все где-то там глубоко внутри у нее холодело и сжималось, а по спине пробегал легкий озноб. Поэтому, воспользовавшись тем, что все забыли о покупках, девочка быстро протолкалась к прилавку и, купив фунт кофе, помчалась обратно, испуганная не на шутку. Так вот чем кончились все эти ведущиеся уже пару лет глухие разговоры отца и Гедеты о зверствах, происходящих в соседней Франции! Клаудита, слышавшая их краем уха, всячески старалась не думать об этом, но живое воображение то и дело рисовало ей какие-то толпы, волосы в крови и осиротевших детей, бродящих по улицам. А самым ужасным, должно быть в силу своей непонятности и неизбежности, представлялась девочке таинственная *тетка Гильотина*, казавшаяся толстой страшной старухой с рынка, но с львиной головой на могучих плечах.

Все эти разговоры про лейтенанта, фельдмаршала и постель она совсем не поняла, зато новая весть о таинственной тетке сильно подействовала на ее детское воображение, и так, благодаря книгам, развитое не по годам. Неужели эта страшная старуха съела теперь самого короля Людовика?! Значит, уже никому и нигде нет от нее спасения! И Клаудита неслась к дому так, словно ужасная тетка уже гналась за ней под все нараставший звон колоколов.

В доме, однако, царил покойствие и даже некое оживление, сразу же почувствованное восприимчивой девочкой.

– Папа, на улицах говорят, что французы...

– Тихо, Клаудита, девочка моя. Бог с ними, с французами, у меня для тебя есть известие гораздо более важное. – Клаудита совсем испугалась, ибо тон отца был непривычно торжествен и громок. Он поставил ее себе между колен и положил тяжелую руку на русую голову. – Небо услышало мои молитвы – скоро у меня будет сын, а у тебя – брат.

– Ах, недаром я три раза возила Марикилью в Солан-де-Кабрас! – вздохнула подросшая донья Гедета и прижала к груди покрасневшее, как у девушки, лицо Марии.

– Но, папа, во-первых, откуда ты знаешь, что это будет мальчик, а во-вторых, как же мы прокормим его, если Гедета только и говорит, что скоро мы все и так положим зубы на полку?

– Замолчи, негодница! – вспыхнула дуэнья. – Вот что делают ваши книги, дон Рамирес! Девчонке и десяти еще нет, а разговаривает с вами, как и я не посмею!

Дон Рамирес закрыл лицо руками.

– К сожалению, Клаудита права, донья Гедета. На небесах не заботятся о том, как примут их дары на земле. Но, черт побери, я сделаю все, что в моих силах! – И крупная слеза выкатилась из-под смуглых пальцев, охвативших высокий лоб.

Ах, как девочке стало жаль этого сильного доброго человека! Она прижалась к нему всем телом, словно стараясь спасти, оградить от всех несчастий и забот, спрятать от этой страшной тетки Гильотины.

– Папа, папочка, милый, не расстраивайся, у нас все будет хорошо, вот родится брат, и я расскажу ему все-все о нашем роде, – пыталась она успокоить отца, невольно поглядывая на висевший над очагом древний герб де Гризальва, являвший собой две скрещенные шпаги в лазоревом поле с двумя золотыми звездами.

– Да, моя малышка, все будет хорошо, у тебя будет прекрасная светлая жизнь, и у твоего брата...

– И у тебя, и у тебя, папочка...

И они, обнявшись, закружились по комнате, а потом бросились целовать и обнимать Марию, которая тоже светила тихим счастьем, глядя на радость мужа и дочери.

С того дня жизнь маленькой Клаудильи сильно изменилась.

Отец, словно безумный, дневал и ночевал на зимних пастбищах, пытаясь выжать все, что возможно из остатков отары, мать вообще перестала вставать, подолгу молилась и лишь порой, глядя Клаудилью по выющимся волосам, грустно прижимала ее к вновь расцветшей груди. В результате Гедете пришлось заниматься и виноградником в Мурнете, и продажей сыров, присылаемых хозяином, и изготовлением одеял из овечьей шерсти. А вся работа по дому легла на узкие плечики Клаудильи.

Но все эти подметания полов, стирка, готовка, глаженье, чистка до блеска медной посуды и прочие хозяйственные работы, занимая руки девочки, оставляли широкий простор ее воображению, чувствам и мыслям. С чувствами дело обстояло проще: к матери, болезненной и всеми помыслами сосредоточенной только на супруге и Боге, Клаудиа давно привыкла относиться лишь с уважением и почти материнской заботой. Отца, которого девочка боготворила, последнее время почти не бывало дома, но тем сильнее выплескивались навстречу ему чувства девочки в редкие мгновения их свиданий. И только с одной старой доньей Гедетой были у девочки вполне ровные сердечные отношения, какие бывают в семье между детьми и родителями. Дуэнья ее бабушки и вправду была настоящим кладом всевозможных знаний и нерасстраченных чувств. В юности она не захотела выйти замуж за нелюбимого и состарилась в девичестве, зато голос ее до сих пор сохранил серебристую звонкость, напоминавшую благовест в пасхальную ночь. Она знала, какое и когда дать питье больному, как определить, кого в первый раз принесет овца, какая погода будет на Рождество, если в день Святого Иоанна пойти послушать воду на берегу Риу де Мезы, и многое другое, казавшееся маленькой Клаудите воистину волшебством. И девочка даже хотела стать не красавицей, как мать, а именно такой же строгой, доброй, всезнающей Гедетой. Таковы были чувства Клаудильи, еще ни разу никем не смущенные, если не считать все чаще бросаемых на нее странных взглядов мужчин да таинственной гильотины. И девочка порой окуналась в них, как в тихие нежные воды крошечного прудика в Мурнете, и находила в этом отдохновение и покой.

Гораздо сложнее было с мыслями, роившимися в ее головке со слегка выющимися русыми волосами., высоко посаженной на смуглую шейку. Вопросы, на которые не находилось ответов ни в книгах, ни в разговорах с отцом, ни даже в проповедях отца Челестино, гудели в ней, словно рой растревоженных пчел, причиняя почти ощутимую боль. Куда исчезает на ночь солнце? Почему альгвасил¹⁹ дон Руис, которого все ненавидят, богат, а ее отец, всеми любимый, беден? Почему родители никогда не пускают ее ночевать с ними? Почему гороховый суп в гостях всегда вкуснее, чем дома, и как виноград превращается в вино? И еще тысячи подобных вопросов мучили девочку, замкнутую в пяти комнатах дома в старом переулке Ахо.

¹⁹ Альгвасил – судебный пристав.

* * *

Зима медленно поворачивала на тепло. Овечья шерсть перестала быть шелковистой и длинной, сваливаясь в неопрятные космы. Лозы стали менее хрупкими, а если прижать ухо к округлившемуся, как каравай, материнскому животу, то теперь можно было услышать какую-то неясную возню, которая смущала и пугала Клаудилью, тем более что лицо Марии по мере того, как рос ее живот, становилось все худее и блее, напоминая застывшую маску. Затем, как всегда, ранней весной, начались сложности с едой и деньгами, но Клаудита пока не замечала, что в этом году вино разбавляется водой в два раза больше обычного, а кофе подается почти совсем несладкий. Но, воспринимая физические трудности с легкостью ребенка, она, однако, слышала глухие намеки отца о том, что эта проклятая революция за горами погубит и их, и видела, как украдкой вытирает черной накидкой слезы никогда неунывающая Гедета. Более того, девочка едва не потеряла дар речи, как-то утром увидев, что мать, одетая в перешитое дуэньей еще девичье платье, тяжелой походкой направилась в церковь святого Иеронима, где не бывала уже много месяцев, и отходила туда всю новену²⁰, несмотря на то, что обратно Гедета приводела ее почти без чувств. Однако еды в доме не прибавлялось.

Но что было Клаудилье до какой-то еды, когда весна безоглядно вступала в свои права по берегам ручьев и речек, взрываясь в щебете птиц и лиловых корзиночках крокусов! Девочка возвращалась домой с расцарапанными руками, в запачканной юбке, с распутившимися от лазанья по лесу волосами, в который уже раз теряя платок. Впрочем, Гедета, поглощенная все возрастающими заботами, уже не ругала ее, а лишь бросала на питомицу долгий, полный печали взгляд.

Утро того дня сияло так ярко, что скрадывало и убогость обстановки, и скудость завтрака. Отец быстро съел остатки вчерашнего жаркого, однако почему-то не спешил подняться и уйти, как обычно. Клаудиа поставила перед ним вторую чашку уже остывшего пустого кофе и осторожно заглянула в черные прекрасные глаза под насупленными, седеющими бровями.

– Сегодня я никуда не пойду, Клаудита. Хочешь, мы весь этот день проведем втроем, вместе с мамой?

Клаудиа еще с вечера собиралась убежать далеко за Мурнету, где росли вкусные съедобные луковицы саранки, но голос отца был так тих, а его предложение так непривычно, что она только кивнула.

У матери в комнате, как всегда, радостный свет едва пробивался сквозь тяжелые шторы, отчего на всем лежал оттенок старины и грусти. Она, громко дыша, лежала на высоких подушках и тревожно повернула к ним свою уже с утра красиво причесанную голову.

– Ты, Пепе? Что случилось?

– Ничего. Просто я так мало бываю с тобой в последнее время, а тебе сейчас, как никогда, нужна поддержка... – Дон Рамирес опустился в ногах кровати и посадил Клаудиту на колено. – Мы пришли развлечь тебя. Хочешь, поиграем втроем в биску или тутэ²¹?

Но Мария вспыхнула и нервно сжала руку мужа.

– Ты обманываешь меня, Пепе! Что случилось? Ты не продал тех овец?

– Все продано, моя дорогая, и продано вполне удачно. Завтра я закуплю провизии и заплачу за прошлую осень всю десятину. Кстати, наверное, пора подыскивать и повитуху?

– Можно подождать еще месяц, Пепе... – Марикилья слабо улыбнулась, но тут же снова беспокойно взглядела в лицо Рамиреса. – Нет, прости, но я не верю тебе! Что-то произошло... Ужасное... Погибли все лозы, да? Мы совсем разорены?

²⁰ Новена – девятидневная парадная служба у католиков.

²¹ Биска и тутэ – карточные игры.

Дон Рамирес отвернулся и вместо ответа качнул на колене дочь.

– Спой-ка нам эту замечательную песню, которой научил тебя падре Челестино. Ну, эту, про милую смуглянку...

– Нет, я лучше спою вам ту, что поют в лавочке у Франсины. – И, лукаво склонив голову набок, Клаудиа запела глуховатым, но верным голоском:

*Сын единственный у графа,
Сын один во всем роду.
Он отправлен был в ученье
К господину королю.
Он в чести у короля,
Он в чести у королевы...*

– Замолчи-ка, малышка, – вдруг остановил ее дон Рамирес и потупился. – Ты замечательно поешь, но маме, наверное, нездоровится и раз она не хочет играть с нами... Знаешь, а что если ты отправишься сегодня в Мурнету и пробудешь там до утра? У Гедеты заболел какой-то родственник в Матаро, я ее отпустил, а у нас как раз овца должна объгниться... Правда, там Перикито, да в этом деле, скорее, нужна женская рука. А ты у нас уже взрослая и отличная хозяйка... и на тебя можно положиться? Я прав, Клаудита? – В голосе Рамиреса звучали гордость и странная тоска.

– О, конечно, папа! – Клаудита была бесконечно счастлива, что ей доверят такое ответственное дело.

– Тогда поцелуй меня покрепче... Еще крепче. И ступай с Богом... Пока, Клаудита!

Клаудию не пришлось просить дважды, и уже вскоре после этого она шагала по дороге, меся грязь каблучками стоптанных туфель и распевая не дослушанную родителями песенку:

*Дал король ему одежду,
Целый город – госпожа...²²*

* * *

Поначалу, сидя в кошаре и ожидая ответственного момента, она мечтала о том, как овца, благодаря ее заботе и помощи, принесет сразу много здоровых ягнят, и как потом она их сама вырастит, и они с папой их продадут, получат за них много денег и как они, наконец, станут богаты и счастливы. Но день тянулся, а овца все не ягнилась. И вскоре девочка уже забыла, зачем пришла сюда, и остаток дня провела в играх, в которых ей не был нужен никто. Сидя на полуразвалившихся ступенях, в заброшенном саду, она чувствовала себя не бедной девочкой в полотняном платьице, а сказочно-прекрасной доньей Бланкой, заточенной в башне жестоким королем. Смешивая времена и персонажи, Клаудита то громко декламировала монолог Андромахи, то шептала молитвы, то пела старинные романсеро... И только одного не доставало ей в этой игре – того смелого неведомого рыцаря, который бросил бы королевский дворец и, вспомнив детство, примчался в Мурнету на своем взмыленном, покрытом хлопьями белой пены Бабьеке...

Незаметно спустилась ночь. Подул свежий морской ветер, густая лунная тень от дома легла на пробившуюся недавно траву, и белесоватые полутона деревьев слились вдали в одно неясное пятно. Какое-то странное полугрустное-полумечтательное настроение охватило

²² Перевод Д. Самойлова.

девочку. Все ее мысли и чувства приобрели особенную мягкость и гармоничность, тоже переходящие в полутона. Ее вновь охватило стремление к чему-то хорошему, в голове забродили мечты о будущем, и беспричинные слезы подступили к глазам. Незаметно для самой себя она даже начала тихонько всхлипывать... Но вдруг сквозь эти легкие, девические слезы она увидела, что на каменных плитах двора, словно из-под земли появились два кролика. Появились и мгновенно исчезли, словно испарились. Потом затрещала и сорвалась с петли дверь старого сарая, и там что-то шевельнулось. Девочке показалось, что она нечаянно стала участницей какого-то волшебного представления, и, поднявшись со ступеней, Клаудита смело направилась к сараю, в котором, как ей показалось, скрылись кролики, никогда раньше здесь ею не замечаемые. Внутри стоял зеленый сумрак от плюща, заполонившего весь сарай. В углу что-то вздохнуло, Клаудиа сделала шаг и... рухнула на колченогую кровать, густо поросшую влажным мхом. Руки ее коснулись чего-то теплого.

– Кто здесь? – прошептала она, не испытывая, впрочем, особого страха, хотя и отпрянула от неожиданности.

– Простите меня, сенья²³. Это я, Педро. Я...

– Но я не знаю никакого Педро! А впрочем, папа мне что-то говорил. Но что вы здесь делаете?

– Да разве вы не знаете!? Я уже не первый год служу у вашего отца, а с осени дон Рамирес стал платить мне по десять реалов в месяц. Только я скоро ему сказал, что за такую работу можно и одними харчами – с овцами-то не густо... – Ломающийся мальчишеский голос вдруг сбился. – Дон Рамирес, сенья, он такой хороший, ему служить – уже честь...

– Я, представьте себе, и сама хорошо знаю своего отца. Но что вы делаете здесь? И откуда здесь кролики? – задала, наконец, Клаудита наиболее волнующий ее вопрос.

– Кролики? Да я, вот...

– И выйдите, пожалуйста, на свет, а то можно подумать, что я разговариваю с привидением!

Кровать заскрипела и зашаталась, и в проеме, залитом лунным светом, показалась фигура худого, но широкоплечего мальчика лет тринадцати с белым кроликом на руках.

– Педро Сьерпес к вашим услугам, сенья. А это, – указал он на кролика, к которому Клаудиа уже в восторге протягивала руки, – Фатма. Или нет? – Он бесцеремонно поднял кролика за уши, вглядываясь в серое брюшко. – Нет, это – Редуан.²⁴

– Дайте мне его! И для чего вы шастаете тут ночью, когда отец приказал вам следить за овцами?

Мальчик ссутулил широкие плечи.

– Вы сидели такая грустная, бормотали невзвесть что, вот я и подумал: надо бы вас развлечь и выпустил их. Вы такая необыкновенная, сенья...

– Ах, называйте меня лучше просто Клаудита! А вы умеете скакать на лошади?

Но не успел Педро ответить, как из загона послышалось жалобное блеяние.

– Скорее, это она ягнится! – И оба побежали внутрь, перебегая из темной полосы в светлую.

К несчастью, несмотря на все их старания, двойня, принесенная овцой, к рассвету погибла, из хорошеньких шелковых комочков превратившись в осклизлые холодные трупки. Клаудита поначалу была необычайно расстроена. Но проведенная ими вместе ночь – время, убирающее так много наносного и ненужного – и совместные усилия так объединили детей за эти несколько часов, что под утро Педро уже говорил Клаудите «ты» и как самый настоящий

²³ Сенья – простонародное обращение к знатной женщине в Испании.

²⁴ Фатма и Редуан – пара постоянно ссорящихся влюбленных, герои испанской народной баллады.

гранд сопровождал свою даму, не отнимая руки от сердца, и только изо всех сил стараясь не смотреть на крошечные бугорки груди, слегка приподнимавшие скромное платье.

– До свидания, дорогая Клаудита, – тихо сказал он, прощаясь у старых городских ворот. – Я никогда не забуду этой ночи. И чтобы я поверил в то, что она действительно была, дай мне что-нибудь на память.

– Ты говоришь прямо как настоящий кабальеро взрослой даме! – рассмеялась девочка. – Что же я тебе дам, у меня ничего нет. Впрочем, вот что, – И Клаудита одним решительным рывком разорвала пополам свою простую желтую косынку. – На, бери, – и весело рассмеялась своей проделке.

Педро благоговейно прижал камку к губам и спрятал за пазуху.

– Я готов быть тебе, кем захочешь. Не хочешь – новью²⁵, буду другом, не хочешь другом – значит, братом, если не нужен брат – стану тенью! Если я тебе понадобится, только позови – я сделаю для тебя все на свете!

– Даже станешь королевским гвардейцем?! – бросила ему в лицо Клаудита и, продолжая все так же звонко хохотать, побежала к воротам.

– Меня всегда можно найти у торговца горшками Лукаро, что живет за дорогой в Сабандель! – уже в спину ей успел прокричать мальчик, который даже и не думал никогда становиться каким-то там гвардейцем и постарался не придавать значения этой шутке девочки. Взгляд его неотступно следил за ее удаляющейся такой влекущей фигуркой.

За разговорами и похоронами ягнят, зарытых за сараем с пением неизбежного «De profundis» время пролетело так незаметно, что Клаудита отправилась обратно в город, когда солнце стояло уже высоко над башней церкви святого Иеронима.

Только расставшись с этим странным и забавным мальчишкой и пройдя уже полдороги к дому, маленькая Клаудита вдруг снова вспомнила все, что произошло, и только теперь по-настоящему осознала, что похороны ягнят были совсем не игрушечными. Все с большим и большим ужасом представляла она себе, как сейчас должна будет сказать об этом отцу. Он доверил ей, впервые в жизни доверил такое важное дело, а она не справилась! Бедные маленькие ягнятки! Папа так надеялся, что они вырастут, и у них будет еще целых две овцы, а теперь... Клаудиа еле-еле переставляла ноги, не зная, как войти домой и как взглянуть в глаза своему любимому папе.

К ее удивлению, дома никого не оказалось, а вся кладовая, как и обещал отец, была завалена провизией, свежей дичью, мешками с орехами и бутылками с вином. Не раздумывая долго о том, как и откуда появились эти богатства, девочка набила рот черносливом и выскочила на улицу, подозрительно тихую и пустынную для этого часа. Вдалеке на другом конце городка звенел колокол монастыря Сан-Росарио. Не зная, что и подумать, Клаудиа остановилась на углу, глядя, как редкие прохожие идут по направлению к монастырю. Неожиданно жесткая рука прижала ее голову к пахнущему корицей переднику.

– Ах ты, бедняжка! – вздохнула лавочница. – И куда он на старости-то лет! И на кого он тебя оставил? Гедета уже не молода, а про Марию и говорить нечего!..

– Нас никто не оставлял! – возмущилась, вырвавшись, девочка. – Наоборот, папа купил много еды и...

– А на что купил – знаешь? – ничуть не обиделась лавочница.

– Он продал овец.

– Овец... В армию он записался, к генералу Каро. Нынче мы отправляемся наказывать этих французов за их делишки, вот твой отец и решил тряхнуть стариной. А вернее – получить двести песет, что выдают каждому офицеру. Да и то сказать, другого выхода у него не было...

²⁵ Новью – предполагаемый жених.

– Но как же мама... Брат?... И я? Он ведь даже не попрощался... – Клаудиа вдруг осеклась, вспомнив вчерашнее утро в родительской спальне.

– Слышишь колокола? Так беги быстрее, может, еще успеешь его увидеть, пока они не построились и не ушли. – И Франсина легонько подтолкнула девочку в спину.

Но, как ни торопилась Клаудиа, у ворот монастыря она увидела только осевшую пыль и Гедету с несколькими женщинами, хлопотавшими над безжизненно лежавшей прямо на земле матерью. Мария, не успокоенная разговорами мужа, но несколько обманутая его горячими ласками и заснувшая под утро, проснулась от какого-то предчувствия и, не обнаружив Рамиреса рядом, бросилась искать его по дому. Не найдя ни его, ни Гедеты, которой дон Рамирес позволил проводить себя до места назначенного сбора, Мария обезумела, выбежала на улицу, где, увидев спешащих с оружием мужчин, все поняла и, забыв о своем положении и здоровье, отправилась за ними. Она застала мужа уже сидящим на лошади, но, как только пропела труба, нашла в себе силы молча прижаться к стремям и спокойно взмахнуть кружевным платком, когда отряд тронулся рысью. Однако едва только последний всадник скрылся за воротами, несчастная рухнула, потеряв сознание, у нее хлынула горлом кровь, а к вечеру начались схватки.

Вечером, ложась в постель, Клаудиа обнаружила под одеялом куклу, на пышное платье которой скромной булавкой с пурпурным стразом была приколоты записка:

«Девочка моя! Дорогая моя! Прости! Долгие проводы – лишние слезы. У меня нет иного выхода. Ты – моя единственная надежда. Позаботься, как можешь, о маме и будущем малыше. Я обязательно вернусь. Твой отец, который любит тебя больше всего на свете, больше жизни».

Обняв куклу, она долго плакала и заснула далеко за полночь, а через несколько часов ее разбудили страшные крики из спальни. За дверью то и дело слышались торопливые шаги доньи Гедеты и причитания соседок.

– Пресвятая дева, что за беда! Помню, свекровь ее, донья Домингвита, восемь раз рожала и все с улыбками!

– Да у бедной Марикильи и так в чем душа держится! Вспомни, что они в последнее-то время и не ели как следует!

– А ведь какая красавица была!

– Помоги ей, младенец Иисус!

В каморку Клаудии зашла Гедета и, увидев, что девочка не спит, сухо сказала:

– Оденься и встань у материнской двери. Когда позову – войдешь. И чтобы никаких слез.

Но, торопясь, испуганная Клаудита не стала одеваться, а лишь накинула на полотняную рубашку большой платок и встала около дверей в спальню, поджимая время от времени мерзнувшие на каменном полу голые ступни. От захлебывающегося крика матери она совсем перестала что-либо соображать и боялась только не услышать зова Гедеты, от чего с тоской и страхом все отчаянней вслушивалась в происходящее в спальне. Наконец, стоны затихли, и раздались три удара в дверь. Клаудиа переступила порог, не чувствуя ничего, кроме блаженства тепла – комната была жарко натоплена.

– Подойди поближе, – Гедета за плечо подвела девочку к кровати. На Клаудию смотрели прекрасные, ничего не видевшие безумные глаза на пунцовом, какого никогда не было у матери, лице. – Наклонись.

Девочка послушно наклонилась, поразившись шедшему от постели жару.

– Ты иди... Приведи ее... – послышалось из спекшихся губ матери.

– Она здесь, Мария.

– Ах, не ее – ее! Пусть она найдет... Тогда все было так хорошо... Если ее найдут, я не умру... О, Пепе, достань мне ее!

– Бредит, – отрезала донья Гедета и уже хотела вывести Клаудию прочь, как мать плающей рукой схватила девочку за руку. На мгновение взгляд ее стал ясным и осознанным.

– Найди мне ее, Клаудита, спаси меня!

– Кого, мама?

– Ту Пресентасионату из Сарагосы, что приняла тебя, что предсказала тебе несчастья и славу! Умоляю тебя, я должна жить, я должна подарить твоему отцу сына!

– Возьми себя в руки, Мария, и замолчи, – остановила ее дуэнья. – Хватит пугать ребенка, да и силы тебе еще понадобятся. А ты иди к себе и ложись. И забудь обо всем, что здесь увидела и услышала. Это может продолжаться еще долго, – прикрикнула она на Клаудиту и стала нетерпеливо подталкивать ее к выходу.

Едва не споткнувшись о высокий порог, девочка вылетела в темный коридор и сразу же забежала в свою комнатку. Вся дрожа, села она на постели, туго обхватив колени. В голове у нее мутилось от страха и жалости. Ей хотелось теперь только одного – скорее заснуть, и она уже даже залезла под одеяло, однако какое-то смутное чувство все не давало ей сомкнуть глаз. Сарагоса далеко, за горами, за широким Эбро, десятилетней девочке не добраться туда и за много дней. И кого там искать? Где? Глаза Клаудии потихоньку стали слипаться. А если мама умрет, пока меня нет? Но отец так просил позаботиться о них... И хорошо бы вправду иметь брата... Брата? О брате говорила мать и кто-то еще... – уже совсем засыпая думала Клаудита. – Кто-то говорил совсем недавно... Педро! – Это неожиданно возникшее в ее сознании имя вдруг словно подбросило ее. Клаудиа вскочила, снова набросила платок, туго перетянув его на поясе, и выскользнула в темноту. Во всем переулке были освещены только два окна – у них в спальне. Мчась по темным улицам, на которых монахи снова перебили все фонари, поскольку, как известно, ночью свет на улицах нужен только слугам дьявола, в голове у нее вдруг промелькнул странный вопрос: «Но почему Гедета не может сама позвать эту Пресентасионату?» Неожиданная простота вопроса настолько поразила Клаудию, что она едва не вернулась домой, однако, вспомнив ту мрачную решительность, с которой дуэнья вытолкала ее из комнаты, едва речь зашла о повитухе, побоялась еще больше прогневить дуэнью своей настойчивостью, и побежала еще быстрее.

Дорога на Сабадель считалась самым дурным местом в городе. Ее с давних пор населяли изгой и нищие, ночами там в открытую пошаливали грабители, и если улицы в центре Бадалоны Клаудиа знала хорошо, то на окраинах начиналась для нее неведомая страна. Темные косогоры окружили девочку, и с их верхушек прямо на нее летели огромные птицы, чьи силуэты зловеще вырисовывались на фоне неба, освещенного луной. Клаудиа прикрыла голову руками и бежала вперед, почти не видя дороги. Где-то стучали копыта, ревел осел, в ноги впивались колючки, ветер с моря рвал рубашку, но ничего этого она не замечала, пока не увидела, что все дома закончились, и она стоит у жалкой лачуги на краю поля. Клаудиа, не помня себя, громко стукнула в плетеную из циновки дверь. В ответ послышалось глухое ворчание, похожее на рычание потревоженной собаки, и прямо ей в ноги выкатилось нечто, изрыгающее чудовищные ругательства.

– А, песья голова! Чтоб не видать тебе святого причастия! – Начало было длинную тираду проклятий это чудовище, но при виде платка, из под которого виднелась белая ткань явно ночной рубашки, тут же сменило ее направленность. – Ах, ты, потаскуха! Мало вам парней, так лезете в дом к честному калеке!

Клаудиа, застывшая от ужаса, рассмотрела, наконец, некое подобие человеческого существа, за полным неимением ног возлежавшего на самодельной тележке, бушевавшего, как сам дьявол, и не собиравшегося останавливаться. Но Клаудиа как воспитанная девочка, в ответ на эту ругань машинально присела в реверансе и пролепетала:

– Да хранит вас святая дева дель Пилар! Я – Клаудиа де Гризальва.

Старик даже не сумел закрыть рта, и только все скреб и скреб жилистой рукой по грязным волосам на груди.

– Гризальва! Святой Антоний Падуанский! Сержант Рамирес! Что с ним?

Но сломленная перипетиями последнего дня девочка только судорожно разрыдалась в ответ и упала на сырую ледяную траву.

Она пришла в себя уже в хижине сидящей на какой-то подставке. Под ногами у ней был обернутый в шерсть горячий кирпич, на плечах рваный капа²⁶, по правую сторону изуродованное шрамами, но вполне дружелюбное лицо старика, а по левую... По левую стоял Педро, взволнованно кусавший нижнюю губу и не сводивший с девочки огромных черных глаз.

Клаудиа покраснела и поспешно постаралась прикрыть свисающими полами плаща старенькую ночную рубашку и голые ноги.

– Ты мне нужен, Педро. – Она низко опустила голову.

– Неужели небо услышало мои молитвы! – с жаром воскликнул мальчик. – Говори, говори, сенья, что нужно сделать?!

– Но этот... старик...

– Говори смело. Лукаро или, как все его здесь зовут, Локвакс²⁷, верный человек, он воевал вместе с доном Рамиресом. – Педро крепко взял руки Клаудии в свои. – Говори же.

– Я могу сказать очень мало, Педро, очень. Нужно добраться до Сарагосы, найти там женщину по имени Пресентасионата и привести ее сюда.

– Всего-то? – облегченно рассмеялся мальчик. – А я-то думал, надо прямо сейчас поступить в королевскую гвардию!

– Но это надо сделать быстро, очень быстро... Иначе мама умрет.

– Так, значит, прекрасная Марикилья решила подарить дону Рамиресу еще такую же смелую дочку! – присвистнул Локвакс и в восторге, словно кастаньетами, пристукнул деревяшками, которыми отталкивался.

– Так эта Пресентасионата – просто повитуха? – подхватил Педро.

– Да, – сгорая от стыда, прошептала Клаудиа, только теперь осознав, в каком виде бежала по ночному городу, а теперь еще и сидит перед двумя мужчинами – в одной ночной рубашке и с небритыми волосами.

Словно поняв это, старик и мальчик отошли в угол и о чем-то зашептались. Затем Педро натянул высокие кожаные чулки и, поймав связку каких-то железок, брошенных ему Локваксом, беззвучно исчез в ночи.

– А ты спи, спи, сенья, куда ж теперь. Да и днем в таком наряде тебя не выпустишь, – бормотал старик, озабоченно качая головой и почти силой укладывая девочку на застеленную попоной солому. – Да уж это моя забота.

Клаудиа проснулась только к вечеру. Перед ней стоял кувшин с козьим молоком, и лежали... ее собственное платье и косынка. Рядом неумолимая Фатьма грызла сухую травинку, кося в сторону девочки влажным глазом. Безногий копошился у маленького окна, чиня ее туфли.

– Вот и славно, сенья Клаудита, вот и замечательно, – пробормотал он, увидев, что девочка проснулась. – Вот и хорошо. – Но голос у него был нерадостным.

– Мама! Она... жива?

Старик нахмурился.

– Жива-то жива... Ступай-ка поскорее домой, девочка моя.

– А Педро?

– Перикито знает свое дело. Давай, поднимайся.

И Клаудиа, обнадеженная Локваксом, пустилась в обратный путь. Закатное солнце румянило стекла и шпильки, и в холодеющем к ночи воздухе особенно ярко краснела черепица крыш.

²⁶ Капа – длинный и широкий плащ простонародья.

²⁷ Локвакс – болтун (искаж. лат.)

До поворота в переулок Ахо оставалось уже совсем немного, как девочка вдруг столкнулась с куре Челестино, который, казалось, поджидал ее на маленькой площади у лавки.

– Добрый вечер, малышка, ты-то мне и нужна. Пойдем-ка, поговорим немного, – поспешно сказал он, даже не протянув, как обычно, руки для поцелуя.

– Мама?!

– При чем тут донья Мария? Впрочем... – И падре положил мягкую руку в шелке сутаны на плечо Клаудии.

В знакомой комнате умиротворяюще пахло ладаном и пылью. Падре Челестино усадил девочку на привычное место под томами древних и принес чашку шоколада.

– Подкрепись сначала. – Клаудиа, ничего не евшая со вчерашнего вечера, в один прием проглотила горячий напиток. – А теперь, скажи мне: что ты делала на улице вчера ночью?

– Я? – Клаудиа отвернулась. – Ничего. Маме было плохо, я помогала Гедете.

– Это было бы замечательно, и я, конечно, поверил бы тебе, если б... Если б под утро тебя не видела Марианна, монастырская кухарка. Хуже того: она видела тебя полуголую, в развешиваемых одеждах, несущуюся на черных крыльях. А за тобой летели совы...

– Я бежала... Мама просила... – Девочка совсем сбилась. – Мне надо было найти... горшечника Лукаро, – вдруг устало закончила она.

– Час от часу не легче. Зачем он тебе понадобился?

Клаудиа совсем уже было собралась ответить, но внезапно всплывшее в ее сознании гневное лицо доньи Гедеты неожиданно остановило ее. Смутное беспокойство забрезжило в сознании девочки. Она вдруг вспомнила ужасное зрелище последнего аутодафе, каковые инквизиция устраивала повсеместно и ежегодно в качестве назидания. Клаудита тогда все никак не могла понять, зачем эти взрослые люди в черных одеждах мучили такую молоденькую девочку, а затем при всем народе сожгли ее на костре. Все вокруг говорили, что несчастной всего лишь семнадцать лет и что она ведьма. Страшный вопль этой девушки вдруг снова, казалось, со всей силой зазвучал в ушах Клаудильи.

– Нет, нет, ничего. Я не знаю. Ничего не было. Я ничего не скажу, – испуганно затараторила она.

– Ладно, ладно, успокойся, – неожиданно, по-видимому, все поняв, смягчился куре Челестино. – Все это, разумеется, детские бредни, и они меня не интересуют, но, к сожалению, о том, что она тебя видела, старая Марианна сообщит не только мне.

– Кому же это еще может быть интересно? – все еще боясь окончательно признаться себе в том, что правильно понимает куре Челестино, осторожно спросила девочка.

– А ты разве не знаешь, кто у нас бегают под утро по улицам в таком виде? – Клаудиа опустила голову: она слишком хорошо помнила многочисленные рассказы доньи Гедеты о ведьмах и колдунах, которые спешат возвратиться домой до первого удара колокола, чтобы никто не увидел их в дьявольском обличье. – Ну, вот что. Ничего никому не рассказывай. С горшечником я поговорю сам. Больше ты никого не видела?

– Нет, – ясно глядя падре в глаза, ответила Клаудиа. – Никого. Я побегу, мама ждет.

Дома ее встретила все та же настороженная тишина, прерываемая иногда стонами Марии, но уже гораздо более слабыми и редкими. Гедета вышла к девочке с каменным лицом.

– Дом не убран уже вторые сутки. Я тебя не ругаю, Клаудита, ты правильно сделала, что ушла – это не для твоих ушей, но отправиться в лес и заблудиться, чтобы тебя подобрали посторонние – это уже слишком. И лишних песо в благодарность у меня нет. А теперь бери метлу – и за дело.

– А мама? – в третий раз за этот вечер спросила девочка, надеясь получить хоть какой-то вразумительный ответ.

Сухими пальцами дуэнья подняла питомице подбородок.

– Она жива. Но молись, чтобы дожила до утра.

– А брат?

Гедета только отвернулась.

Соседок уже не было, и Клаудиа покорно взялась за уборку, бормоча сквозь слезы молитвы святой деве дель Пилар. Она работала всю ночь, опасаясь заснуть и перестать молиться. На рассвете Гедета приказала ей вскипятить воды, и, едва волоча ноги, девочка вышла во двор наполнить ведра. От бессонной ночи в ушах звенело, и сквозь этот тягучий звон она даже не сразу расслышала гулкие удары копыт по пустым улицам.

– Перикито! – ахнула она и выронила ведро. Ледяная вода обожгла ее ноги, но девочка даже не сдвинулась с места.

В воротах, вся в хлопьях пены, показалась рослая игренева лошадь, с которой действительно прыгнул Педро, а за ним не менее ловко – высокая сухая фигура в черном, по глаза закутанная в мантилью. Бросив на девочку обжигающий взгляд черных, почти без белков глаз, женщина направилась к дверям, словно жила здесь век.

Педро вытер со лба смешанный с грязью пот.

– Я успел?

– Не знаю. Как будто бы да. Кажется, мама еще жива. Пойдем в сад, мне страшно.

Они сели на полусгнившую скамью, и Клаудиа прислонилась растрепанной головой к широкому плечу. Из дома не доносилось ни звука. Солнце уже высушило листья маслин, и Клаудиа готова была почти задремать, как многоголосый хор проснувшегося переулка прорезал дикий вопль нечеловеческого страдания. Дети в ужасе переглянулись и бросились в дом.

Клаудиа вбежала в спальню и сквозь золотой свет штор увидела распростертую на полу перед статуей девы Марии дуэнью и на постели в окровавленных тряпках чистое, как мрамор, тело матери. Женщины в черном нигде не было видно.

Педро запоздало закрыл ладонью глаза доньи Марии и силой вывел Клаудилью на кухню.

Через полчаса по дому опять сновали соседки, плыл дым от ладана, шуршали вытаскиваемые из сундуков погребальные ткани. Клаудиа сидела на низкой скамье у очага, где любила сидеть с детства, слушая нескончаемые рассказы Гедеты и новости вернувшегося с пастбищ отца. Педро развел огонь, и она, не мигая, смотрела на прихотливый танец пламени, ничего не чувствуя и ни о чем не думая. Ее позы не изменило даже появление дуэньи, которую качало, словно миндаль на ветру.

– Теперь мы только вдвоем, девочка моя, – пробормотала она и опустилась на табурет. Девочку поразило, что из молодежавшей пожилой дамы дуэнья вдруг в одночасье превратилась в настоящую старуху.

– Втроем, – твердо прервал ее Педро. – Я не оставлю Клаудилью. Я буду ей как брат.

– Брат? – на мгновение лицо девочки оживилось. – А мой брат? Где мой брат? Что я скажу папе?

– Твой брат убил твою мать. Он оказался слишком крупным и не смог покинуть ее лона. Их похоронят вместе. – На мгновение перед глазами Клаудии встала растерзанная кровать и лежащее поперек нее белое и стройное тело в крови, но она усилием воли отогнала страшное видение. – Я сама сообщу дону Рамиресу.

Пришедший после вечерни падре Челестино о чем-то долго говорил с доньей Гедетой, а потом зашел в кухню, где Клаудиа по-прежнему сидела, глядя в огонь, а Педро стоял за ее спиной, готовый броситься на первого, кто захочет ее хотя бы чем-нибудь обидеть.

Вошел куре Челестино.

– Нам предстоит с тобой серьезный разговор, дочь моя, – печально произнес падре. – И наедине. А тебе, пикаро²⁸, здесь не место – по тебе и по твоему приятелю давно плачет кнут, если не что-нибудь похуже. Можешь считать это предупреждением.

²⁸ Пикаро – плут (исп.)

– Я не оставляю ее, – дерзко заявил Педро и, несмотря на присутствие священника, подбоченился, как и полагается настоящему мачо.

– Так, значит, она оставит тебя, – невозмутимо ответил падре и, мягко обняв Клаудию за плечи, вышел с ней в бывший кабинет дона Рамиреса. Педро дернул плечом и подумал, что придет сюда после обеда.

* * *

Донью Марию Сепера-и-Монтойя Хуан Хосе Пейраса де Гризальва, двадцати шести лет от роду, похоронили на краю кладбища монастыря Сан-Росарио, совсем недалеко от того места, где она в последний раз поцеловала своего мужа, так и не увидевшего больше ни жены, ни долгожданного сына. На похоронах матери не присутствовала даже ее единственная дочь.

Глава третья. Двуликий Янус

Мадридский закат освещал вечернее небо, расплавляя его на горизонте в тусклый пурпур, а над головой черня старым серебром. День терял краски, и эти приглушенные тона были полны покоя. В то же время внизу, под балконом, начиналась оживленная ночная жизнь. Дон Мануэль вздохнул и нехотя вернулся в свой кабинет.

Он лениво окинул взглядом огромный стол, заваленный так и не тронутыми бумагами, сдвинутые в беспорядке кресла и мавританский ковер, еще дымившийся ирисовыми духами и жаром любви... Как жаль, что эта малышка Росарита просила так мало! Мануэль потянулся, словно гончая, втянул остывающий запах недавней страсти, поплотнее запахнулся в шелковый халат и, не торопясь, подошел к зеркалу. На него глянул мускулистый молодой человек с голубыми ласковыми глазами и кожей, бело-розовой, как у девушки. Что и говорить, он был весьма хорош собой! Таких мужчин еще поискать в этом королевстве! Мануэль оскалился в улыбке, и отражение в зеркале показало все тридцать два его жемчужных зуба, которые он не поленился в десятый раз на дню придирчиво осмотреть. Перспектива челюстей из алмазов, недавно заказанных себе королевой, его решительно не устраивала.

При воспоминании о королеве улыбка сбежала с холеного избалованного лица, сменившись выражением докучной обязанности. Черт бы побрал ту глупую шутку, когда несколько лет назад, сопровождая принцев из дворца Ла-Гранха в Сеговию, он ловко симитировал падение с верного Бабьеки, а потом, как ни в чем не бывало, легко поднялся в седло и догнал эскорт. Это была только мальчишеская шалость, и он никак не мог себе представить, что это безобидное удалство кончится постелью принцессы и будет иметь такое серьезное продолжение. Разумеется, эта связь дала ему все, что только может захотеть смертный, но... Ведь предупредил же его еще старший брат Луис, тоже не миновавший этой спальни, что Мария Луиза страшна, как смертный грех, вульгарна и... ненасытна.

Словно желая отвлечься от неприятных мыслей, Мануэль взъерошил свои густые золотистые волосы и отправился вниз кормить собак.

Он вовсе не был тем злым, корыстолюбивым и развратным сатиром, каким уже начала рисовать его всеиспанская молва – скорее, просто безалаберным и жадным до всяких удовольствий малым, в котором королевское баловство и вседозволенность породили упрямство и равнодушие. Поначалу, став фактически первым человеком в королевстве, Мануэль Годой Альварес де Фариа еще пытался проводить некоторые прогрессивные реформы в системе образования и других областях государственной жизни, ибо, как и большинство испанцев, еще с юности устал от тяжелых нелепостей жизни в их благословенной стране. Однако вскоре естественные сложности, возникавшие на этом пути и раздражавшие его все больше и больше, а – главное – равнодушие ко всем его начинаниям королевской четы, очень быстро охладили государственнический пыл молодого человека. И постепенно Годой перестал видеть в людях людей, предпочитая им общество собак, лошадей и детей, в отличие от первых отвечавших ему трогательной взаимностью.

С неприязнью вдруг вспомнил юный премьер-министр недавний разговор с королем, не интересовавшимся фактически ничем, кроме охоты и коллекции часов. Ему было даже наплевать на то, что творится в спальне его жены, куда он сам старался заглядывать как можно реже, дабы Святая инквизиция не обвинила его в сношениях с женщиной не только ради рождения потомства. Что ж, даже такой прекрасный министр, как Флорида-Бланка, слетел со своего поста только за попытку открыть глаза короля на интимную связь молодого гвардейца с королевой. И вот недавно этот дурацкий разговор, из-за которого опять все шишки посыплются не на Их Католических Величеств, а на него, ревностного исполнителя их монаршей воли.

– Мы уже не раз говорили с вами на эту тему, – привычно громким безапелляционным голосом наседавал на своего первого министра король, – что всем крестьянам, живущим в окрестностях Мадрида давно следует разъяснить, что хватит им засеивать эти бесконечные посеивы. Эти чертовы пашни, куда бы я ни направился, постоянно у меня на пути, – уже всю кипятился Его Величество Карлос Четвертый. – Мне приходится постоянно объезжать проклятые поля и тратить чертову уйму времени, вместо того, чтобы провести его на охоте.

– Да, да, я понимаю вас, Ваше Величество, – только и оставалось твердить Годой.

– Пусть все эти крестьяне на этот год даже и не думают приступать к работе. Да и в будущем тоже. Да и вообще никогда больше пусть не пахут землю. Скоро они и сами забудут о том, что когда-то делали это, – продолжал развивать блестящие перспективы Его Католическое Величество, возвышаясь над своим министром едва ли не на целую голову.

– Конечно, крестьянам от этого станет только легче, – вторил ему Годой.

– Вот именно. Знаете, мой дорогой, – уже спокойнее продолжал король, – я и вообще установил, что вся эта постоянная обработка земли железом ужасно вредит размножению зайцев. К тому же, бедные животные лишаются естественных условий существования и становятся чрезмерно трусливыми.

– Да, Ваше Величество, если крестьяне перестанут пахать землю, дичь действительно сильно расплодится.

– Вот именно! Вот именно! Вы представляете, какое у нас начнется изобилие?! Конечно же, я понимаю, что народ думает прокормиться этими жалкими своими посеивами. Но что за ерунда! Им нужно просто оплатить убытки из казны – вот и все.

– Да, Ваше Величество, вы совершенно правы, оплатить убытки придется.

– И Бог с ними! И Бог с ними! И хорошо. Вы представляете, что это будет для народа! Разве какой мужик откажется от того, чтобы вместо возни на своем клочке земли, просто положить деньги в карман?

– Да это прямо реформа сельского хозяйства, Ваше Величество.

– Да, если хотите. Земля начнет приносить доход мужикам без всякого труда. А нам-то какие охотничьи угодыя, Годой! Какие угодыя!

– Но, Ваше Величество, об этом необходимо представить доклад министру финансов.

– Вы полагаете, это нужно?

– Я думаю, необходимо, Ваше Величество.

– В таком случае, подготовьте необходимые бумаги, Годой, – сказал король и довольный собой удалился.

Дон Мануэль вспомнил, как на следующий день этот самодовольный битюг размашисто подписал под указом министру финансов «Мы, король», и брезгливо передернул плечами.

Какие реформы, какая к черту государственная политика! Лучше заниматься собаками. Разве не прелестный разнос он устроил олухам из военной тюрьмы? Идиоты, схватили ни в чем не повинную собачонку, которой какие-то негодяи повесили на шею табличку «Я – собака Годоя. Ничего не боюсь!» Что ж, собакам, пока он жив, действительно опасаться нечего! Один только раз он ничего не смог сделать, когда сын этого уроды короля не меньший ублюдок Фердинанд, принц Астурийский, этот недоносок с грудями, как у девицы, в отместку за то, что мать запретила ему поехать на охоту, повесил на лестнице ее полугодовалого пуделенка. Но это Годой запомнил ему навсегда.

Дон Мануэль хлопнул в ладоши, и комната миглом наполнилась его любимцами. Он тщательно выбирал кусочки мяса с блюда, которое держал один из егерей, и с ласковыми шутками скармливал их своре разношерстных псов, среди которых перемешались и кровные с королевских псарен, и бастарды с мадридских улиц. Он не торопился – королева, если что, подождет.

Затем Годой неспешно переоделся и по тайным внутренним лестницам отправился в покои Франсиско де Паулы – младшего инфанта. В том, что это был его сын, ни у кого, даже

у иностранных дипломатов, сомнений не возникало, как не возникало их, к несчастью, и у самого Годоя. Выросший в большой семье, Мануэль всегда умел обращаться с любыми детьми, но этот малыш, со «скандальным сходством» на миловидном личике вызывал у него какое-то физически тяжелое чувство. Вероятно, это происходило оттого, что ребенок постоянно напоминал ему жадные, как у торговки рыбой, ласки его матери, ее желтое, крючконосое, с окончательно выпавшими во время беременности зубами, лицо. В результате даже полученные за этого мальчика титулы герцога Алькудиа, гранда высшего ранга и маркиза Альвареса не могли перевесить в нем желание видаться с сыном как можно реже.

Франсиско еще не спал и, сидя в кровати, методично разбивал тяжелым подсвечником деревянную лошадку. Пищалка, находящаяся внутри игрушки, издавала пронзительные звуки. Камердинер и наставник инфанта граф Айяла стояли рядом и почтительно взирали на это варварство.

– Чего добивается Ваше Высочество? – улыбнулся Годой. – Чтобы животное замолчало? – И он непринужденным движением вырвал сломанную игрушку из рук мальчика.

Ребенок смерил его цепким и сумрачным взглядом, необъяснимо злобным для такого, еще совсем детского лица.

– Ты ответишь за это перед королем.

– Безусловно, – тут же согласился Мануэль и поспешил поцеловать и перекрестить инфанта на ночь, чего требовала и за чем неукоснительно, глазами графа Айяла, следила королева.

Оставалось еще два часа до полуночи, когда Мария Луиза ждала его, будто ей не хватало дневных ласк, на которые было отведено время с двух до четырех по полудни. Годой снова спустился, переоделся в шестой раз за этот день и, закрывшись до бровей капой, выскользнул на кипящие ночной жизнью весенние улицы.

Путь его лежал в простонародный квартал Маравильяс, где мужчины здоровы и крепки, а женщины носят кружевные мантильи. Но на этот раз герцога Алькудиа вели не удовольствия обоих сортов. Под темными коваными балконами – в неприметном доме ростовщика Клабьеро жила его единственная любовь – Хосефа Тудо, дочь давно покойного старого артиллериста. Мануэль познакомился с ней еще во времена своей юности в Кастуэре, перетащил по смерти ее отца за собой в столицу и теперь, несмотря на испанского инфанта и других многочисленных незаконных отпрысков, с горячим нетерпением подлинного чувства ждал от нее ребенка.

Он не хотел перевозить ее во дворец Аранхуэса²⁹, да Пепи и сама никогда не просила об этом. Сероглазая женщина с лицом, подобным навахе, она была настоящей махой и любила дону Мануэля не за герцогство и сказочные богатства, а за веселый нрав, доброе сердце и неутомимость в постели.

Дверь открыла сестра ростовщика и, угодливо хихикая, проводила несомненно известного ей господина премьер-министра в просторную комнату второго этажа.

Хосефа со здоровым румянцем на чуть пополневших щеках бросила на диван вышиванье и стремительно обняла своего возлюбленного, прижимаясь тугим животом.

– Все в порядке? – получая удовольствие от одного вида Пепи, улыбнулся дон Мануэль. – Сколько тебе дать денег?

– Зачем мне твои деньги, хабладор³⁰, если я не могу отдаться тебе прямо сейчас? – усмехнулась эстремадурка.

– Возьми хотя бы это пока, – все же не выдержал Мануэль и в порыве признательности снял с пальца роскошный перстень с рубином. – Когда...?

²⁹ Аранхуэс – загородная резиденция испанских королей примерно в 50 км. к югу от Мадрида.

³⁰ Хабладор – говорун (исп.)

Пепа задумчиво посчитала разогнутые смуглые пальцы, мимоходом любуясь своим новым подарком.

– Приходи через две недели. Да не забудь забрать волосы сеткой и надеть штаны покороче.

– Смотри, мне нужен мальчишка, истинный чисперо³¹! А родишь девочку – отправлю тебя обратно в Бадахос! – рассмеялся Мануэль и не удержался, чтобы не стиснуть ее пышную грудь.

Пепа шлепнула его по выхоленной руке и прижалась к ней лицом.

– Ступай, ступай, Мануэль! И принеси мне жемчужной пудры, слышишь?

– Слушаюсь. А ты, как начнется, тотчас меня извести. Я пришлю дворцового акушера.

– Еще чего! – дернула плечом Пепа. – Пусть его услугами пользуются твои дворцовые недотроги. Настоящая женщина и сама всегда справится. – И она надменно вновь склонилась над вышиваньем.

На темной лестнице Годой сунул ее дуэнье увесистый кошелек.

– Чтобы немедленно и где бы я ни был.

И вскоре после этого, срывая свою неудовлетворенность, Мануэль долго насилывал королеву, стараясь увернуться от ее плотно сжатых, присасывающихся, как пиявки, губ, и царапая свое зефирное лицо бриллиантами, не снимаемыми Марией Луизой даже в постели.

Наутро герцог Алькудиа был зол, отказался от помощи короля, как обычно пришедшего помочь ему при одевании, и вместо того, чтобы отправиться гулять по дворцовому парку, заперся у себя в кабинете. Дела в Испании шли плохо.

Можно сказать, дела шли все хуже и хуже. Революция во Франции продолжала бушевать, за казнь короля последовала казнь королевы, а теперь приходилось ожидать и умерщвления наследников. Дон Мануэль был совершенно равнодушен к судьбе неизвестных ему детей, но двор требовал вмешательства и спасения дофина. Порой Годой проклинал свое назначение премьер-министром в такое время. Что стоило королеве оставить этого безобидного старца Аранду – по крайней мере, пока не уляжется вся эта возня?! Герцог рвался к богатству, но отнюдь не к власти, и многочисленные посты: генерала валлонской лейб-гвардии, адмирала Кастилии, личного секретаря королевы, члена Государственного совета, председателя Королевского совета, кавалера ордена Золотого руна и, наконец, премьер-министра, мало интересовали его сами по себе. Он, младший сын разорившихся дворян, получивший вполне приличное образование и до сих пор с благодарностью вспоминая своих учителей, среди рассеянной жизни двора до сих пор не утратил вкуса к изящной литературе и произведениям искусства. Какую прекрасную галерею начал он собирать из картин мастеров мировой живописи! Чего стоит одна «Венера перед зеркалом» Веласкеса! И вновь, как всегда при воспоминании об этой замечательной картине, Годой мечтательно втянул воздух, словно в воздухе пахло любимым хорошими духами и женским телом.

Однако бывший простой гвардеец был не только утонченным ценителем искусств. Благодаря неусыпной заботе отца он отлично владел и оружием, и гитарой, и собственным бархатным голосом. В общем, Годой был бравым малым и предпочитал роскошь и женщин, а на худой случай – лихую кавалерийскую атаку, которую он с удовольствием возглавил бы лично. Однако выскочить из установившегося распорядка жизни теперь было уже немислимо, и потому герцог Алькудиа, как и во все предыдущие дни, в час поднялся в апартаменты королевы, где, скрестив красивые ноги и грызя ногти, развалился в кресле у окна.

Мария Луиза даже не повернула головы при его появлении.

³¹ Чисперо – обитатели квартала Маравильяс – настоящие мачо.

– Если я вам не нужен, то у меня есть дела и поинтересней, – процедил сквозь зубы Годой и, не дождавшись ответа, с облегчением поднялся. Пронзительный голос королевы с так и не исчезнувшим итальянским акцентом вонзился ему в спину уже у самых дверей.

– Доколе это будет продолжаться, я вас спрашиваю?!

– Доколе – что? – лениво обернулся он.

– Эти ваши девки, камеристки, актриски, лавочницы, всякое отребье, которым вы не брезгуете даже теперь!

Мануэль невинно улыбнулся, поведя глазами с поволокой.

– Не понимаю вопроса, Ваше Величество. Я и не собирался ничего прекращать. А ваших шпионов можете уволить за плохую работу – в их перечне не хватает еще множества профессий. – Эти сцены повторялись довольно часто, и Мануэль уже давно понял, что они ему ничем не грозят. Больше того, со временем он начал находить в них определенное удовольствие, заключающееся в том, чтобы наговорить королеве как можно больше дерзостей. Когда же она заходила слишком далеко, то он позволял себе порой даже стукнуть ее, чтобы опомнилась. – Неужели вы думаете, что меня устроит одна-единственная связь с сорокалетней женщиной? Нет, воистину ваше требование нелепо, смешно и, я сказал бы, даже противоестественно.

Мария Луиза взвизгнула.

– Подонок! Я подарила тебе всю страну, а ты бегаешь по Лавапьес³² и Маравильяс!

Упоминание о Маравильяс насторожило Годоя, и он подлил масла в огонь, чтобы спровоцировать королеву на дальнейшие откровения.

– Что же делать, девчонки в Лавапьес любят открыто, при свете – им стесняться нечего.

Королева покраснела до корней волос: Мануэль бил по самому больному.

– Даже своего нагулянного брюха?! Посмотрим, как она взвывает, когда я прикажу швырнуть ее в Буэн-Сукес³³!

– Заткни свой гнилой рот! – рявкнул Мануэль и прыжком оказался лицом к лицу с королевой. – И не забывай: я нужен тебе больше, чем ты мне! Думаешь, я сплю с тобой ради твоих прелестей? Ты, должно быть, не знаешь, что мне приходится перед тем, как идти к тебе, ставить с десяток шпанских мух!?

Не помня себя от обиды и ярости, королева топнула ногой.

– Ты низложен! Разжалован! Лишен всего! Вон отсюда!

– Ах, вот как?! – Огрызнулся Годой, но быстро взял себя в руки и, придвинувшись едва не вплотную к трясущейся Марии Луизе, расправил плечи и дрогнул туго обтянутой лосинами ногой. – Прекрасно, я уйду и посмотрю, как тебя смогут ублажать все эти жалкие придворные выродки, среди которых нет ни одного настоящего мужчины. Сама живо побежишь в Лавапьес.

И с ухмылкой на капризных губах герцог Алькудиа покинул королеву.

Однако уже в приемной лицо его приняло серьезное выражение. Он быстро распорядился перевести Хосефу Тудо, несмотря ни на какие ее возражения, на другую квартиру. Местом ее пребывания он выбрал незаметный дом на площади Альмиранте вблизи монастыря святого Иосифа, тот самый, где однажды впервые остановился, приехав в столицу, никому еще неизвестный кандидат в королевскую гвардию из Эстремадуры... Отдав это приказание, Мануэль поспешил на другую половину дворца.

Его королевское величество не отрывало глаз от золотых карманных часов, сверяя по ним остальные. Всем было известно, что Карлос Четвертый страшно гордился тем, что ему впервые в истории удалось добиться невероятного: все двадцать пять уникальных часов его коллекции шли с удивительной точностью, всегда показывая одно и то же время.

Годой без предупреждения вошел в кабинет.

³² Лавапьес – квартал в Мадриде, населенный криминальными элементами.

³³ Буэн-Сукес – одна из трех тюрем в Мадриде.

– Я пришел к вам по весьма неприятному делу, Ваше Величество. Речь идет о Ее Величестве и... обо мне.

В глазах королевских глаз собрались веселые морщинки.

– Неприятное дело, Мануэль? Вы поссорились? – Годой виновато опустил голову. – С королевой или с Марией Луизой?

– Ее Величество сказала мне, что я недостойн занимаемых должностей. Я же вспылил, наговорил дерзостей и, можно сказать, оскорбил испанскую корону. Словом, я достоин ареста. – Карлос понимающе усмехнулся, и его красное лоснящееся лицо на мгновение помолодело. – Во избежание публичного скандала можете арестовать меня тайно, можете отправить в Африку и запретить газетам даже упоминать мое имя, можете...

Карл закашлялся, скрывая душивший его смех.

– Но что вам делать в Африке, друг мой? Мне приятнее видеть вас здесь. Новый премьер потребует столько хлопот и расходов. Мы же с вами отлично понимаем друг друга, не так ли? А с королевой вы скоро помиритесь... – Король посмотрел на часы. – Еще и полдня не пройдет. Впрочем, надо бы и вам сделать шаг навстречу, придумать для ее величества что-нибудь приятное. Кстати, чем закончились разговоры о возмездии этим якобинцам?

– Вы мой единственный друг, ваше величество, – улыбнулся Мануэль. – Итак, именем народа и короля война объявлена?

* * *

Первый месяц объявленной испанским королевским домом военной кампании оказался блестящим. Не вводя в действие основную армию, только силами каталонских полков и добровольцев испанцы перешли Пиренеи, взяли Руссильон и во имя христианского милосердия сожгли его. Затем наступила очередь Перпиньяна, Кольюра и Баньюльса, откуда были изгнаны все, от кого лишь припахивало республиканским духом, и где набожные каталонские солдаты насиловали всех женщин, невзирая на возраст. В Мадрид летели победные реляции, и двор развлекался, как мог. Премьер-министр лично возглавлял все празднества и даже затеял настоящий конный турнир, в котором приняли участие триста отпрысков благородных домов в офицерских мундирах времен Филиппа Второго, специально для этого изготовленных за счет казны. Для них также были выделены триста лучших лошадей из королевских конюшен.

Турнир был в самом разгаре, и наступал уже самый интересный и впечатляющий момент – бурхарт – финальный поединок сторон, когда Браулио, преданный валет Годоя и его товарищ по ночным похождениям, неслышно возник на балконе и коснулся плеча своего господина. Мануэль недовольно сбросил руку, но ко всему привыкший слуга положил руку снова.

– Какого черта, Браулио?

– Пепа рожает, – одними губами ответил валет.

Разумеется, внезапно покинуть турнир на глазах всего двора и столпившегося за решеткой дворца простонародья было невозможно и еще более невозможно было в такой ситуации отделаться от службы наблюдения королевы.

– Беги немедленно, – дон Мануэль вспомнил, сколько раз дворцовый акушер, принимавший самого инфанта, выручал его в самых щекотливых случаях, и добавил, продолжая изображать на лице полную заинтересованность поединком. – Да прихвати с собой этого старикашку Авельяноса.

Браулио исчез столь же неслышно, как и появился. Однако турнир был для Годоя испорчен. Он то и дело представлял себе Хосефу то бьющуюся в крике, то, наоборот, отдающую ему свое здоровое крепкое тело и даже забыл поздравить юного победителя турнира – графа Аланхэ. Последнему, впрочем, это пошло на пользу, поскольку премьер так и не заметил откровенно презрительного взгляда юноши, брошенного им на выскочку-«колбасника».

В новом жилище Пепы Годой оказался лишь далеко за полночь, особенно старательно в этот раз выполнив перед этим свои обязанности в отношении Марии Луизы, дабы она не вздумала оставить его до утра. К его радости, Хосефа, хотя еще и бледная восковой бледностью роженицы, но уже пережившая страдания, полулежала в постели, прикрытая лишь до пояса. В комнате было душно и жарко.

– Можешь отослать своего старикашку, – было ее первыми словами. – Я же говорила тебе, что он не понадобится. Ты принес жемчужной пудры?

– А, черт! – Мануэль шутливо хлопнул себя по лбу. – И костюм не тот, – он обвел рукой свой небесно-голубой камзол, так выгодно оттенявший золото волос. – Ну, что, как? Сын?!

– Я всегда говорила, что ты настоящий хабладорито! В отличие от тебя, я умею держать слово – да, мальчик. – И Пепа повела роскошным плечом в сторону второй кровати, на которой, туго запеленутый, лежал крупный младенец.

Мануэль склонился над свертком – на него бессмысленно смотрели иссиня-черные глаза на бело-розовом, как у отца, личике.

– Какой красавец! – восхищенно выдохнул Мануэль, вспомнив красное, сморщенное лицо инфанта, показанного ему через час после рождения. – Лучшей награды мне от тебя и не надо!

– А мне надо, – серьезно ответила Пепа. – Во-первых, мне надо денег. И много.

Мануэль удивился: Пепа никогда не просила у него денег, довольствуясь многочисленными роскошными подарками, на которые он не скупился. Но, в конце концов, у женщины должны быть прихоти. Тем более, после родов.

– Пять тысяч дуро хватит?

Женщина задумалась, нахмутив белый лоб, а потом беспокойно огляделась.

– Нет, шесть... Да-да, шесть! Подойди ко мне, Мануэлито! – вдруг позвала она тем жарким дурманящим голосом, от которого у Годоя всегда туманило голову. – Я так давно тебя не видела! Отпусти же скорей этих, – она махнула в сторону соседней комнаты, – давай останемся одни.

За стеной вокруг колченогого стола Мануэль обнаружил троих: Браулио, Авельяноса и какую-то женщину в черном, вероятно, хозяйку, присматривавшую за Хосефой последние дни после того, как она покинула дом ростовщика. Троица упоенно играла в тресильо³⁴ и даже не поднялась при появлении Годоя.

– Бросай карты, ребята! – весело приказал он. – Вы здесь больше не нужны.

В ответ Браулио жестом фокусника очистил стол, акушер принялся суетливо протирать очки, а женщина певучим мелодичным голосом, совершенно не ввязавшись с ее сутулой худой фигурой, и с какой-то странной улыбкой на губах пропела:

– С сыном вас, Ваше Сиятельство!

Он бросил ей несколько монет, но, к его удивлению, соседка или хозяйка дома и не подумала их поймать. Браулио быстро поднял деньги и потащил прочь обоих партнеров.

Хосефа лежала, отвернувшись к стене, и лихорадочными глазами глядела в пустоту.

– Они ушли. Мы вдвоем. Вернее, втроем, – рассмеялся Мануэль и, обняв Пепу, присел на край кровати. Где-то наверху, вероятно, в мансарде, надрывно заплакал ребенок. Пепа сжалась, как от удара. – Ты, что, Пепита? Нашему малышу плакать не с чего, правда?

– Мы назовем его Игнасио, – устало сказала Хосефа и прижала бледное лицо к вышитому шелку камзола.

³⁴ Тресильо – карточная игра.

* * *

Несмотря на радости отцовства, Годой в последующие дни появлялся у Пепы Тудо редко, ибо война с молодой республиканской армией Франции после первых триумфов вдруг обернулась обидными поражениями. Французы неожиданно заняли Ирун, Сан-Себастьян, Бильбао и Виторию. Королева все чаще закатывала ему истерики, требуя каким угодно способом сохранить честь испанской короны, а король смотрел на молодого друга глазами загнанного оленя.

Годой послал на переговоры в Базель своего верного секретаря и помощника, весьма ловкого дипломата дона Мигеля Бермудеса, велел ему намекнуть французской стороне, что Испания не прочь заключить мир с французами, если они отдадут им детей казненного Людовика.

Но Франция наотрез отказывалась выдать сына и дочь покойного короля. Испания же считала их освобождение делом чести, и Бермудес не шел в этом пункте ни на какие уступки. Переговоры надолго зашли в тупик.

Тем временем, секретарь главного инквизитора, жестокого и фанатичного кардинала архиепископа Толедского, аббат дон Диего начал распускать слухи о том, что фаворит настаивает на выдаче королевских детей лишь потому, что носит с тайной мыслью жениться на освобожденной французской принцессе и сделать ее королевой Наварры. Мануэлю донесли об этом немедленно. Он рассмеялся и приказал доставить ему портрет дофины.

На него глянуло унылое не по возрасту лицо, с висячим бурбонским носом, который уже изрядно надоел Годой и у собственного монарха со всеми его родственниками. «Кому она и вообще теперь интересна? – подумал он. – Этой крысе самое место в монастыре». Вздохнув и в который раз подивившись тому, от чего может зависеть человеческая судьба, двадцатипятилетний премьер спрятал портрет подальше и не стал предпринимать никаких мер ни по поводу слухов, ни по поводу зашедших в тупик переговоров. Но Мария Луиза, до которой, конечно же, тоже дошли отголоски этих нелепых слухов, все больше стала склоняться к тому, чтобы отказаться от спасения дофина и его сестры ради скорейшего заключения мира.

Однако Франция по-прежнему категорически отказывалась выдать наследников, а испанская сторона из соображений чести никак не могла найти возможности отказаться от этого требования. Поэтому переговоры о мире так и продолжали стоять на мертвой точке до тех пор, пока всех не поразило неожиданное известие – королевский отрок, так и не став Людовиком Семнадцатым, скончался.

Испанский двор втайне вздохнул с облегчением: спорный вопрос отпадал сам собой, без ущерба для испанской чести.

Однако, против всех ожиданий, переговоры о мире опять не сдвинулись с мертвой точки, ибо теперь гордая своими победами Французская республика потребовала уступки провинции Гипускоа с главным городом Сан-Себастьяном и возмещения военных издержек в размере четырехсот миллионов. Королева и слышать об этом не хотела.

– Мы желаем, чтобы заключение мира позволило нам вести более широкую жизнь, – холодно ответила Мария Луиза принесшему ей это известие Годой. – Я же, кроме того, надеюсь, – более мягко добавила она затем, – что вашими трудами, дон Мануэль, Испания выйдет из войны великой державой.

Выйдя от королевы и проклиная в душе ненасытность своей августейшей любовницы, распространявшуюся даже на вопросы войны и мира, Мануэль тут же вызвал секретаря и, изобразив на лице мрачную гордость, заявил:

– Я испанец! Я не могу уступать Сан-Себастьян и платить французам такую огромную дань.

– В таком случае, позвольте, Ваше Сиятельство, высказать вам некоторые соображения, – против всех ожиданий не растерялся ловкий дипломат. – В результате некоторых личных кон-

тактов во время переговоров мне удалось нащупать одну интересную возможность, которая может позволить нам с честью выйти из этого затруднительного положения.

– И что же это за возможность? – сразу же оживился Годой, всегда стремившийся к полюбовному решению любых конфликтов, кроме конфликтов с королевой.

– Мы можем заключить с Францией военный союз!

– Военный союз?! Но весь здравомыслящий мир отвернулся от этих смутьянов!

– Да, Ваше Сиятельство. Но нам достаточно лишь просто пообещать им это, даже не внося в условия договора. На самом деле им самим сейчас очень нужна передышка, а более того, надежда хотя бы на одного потенциального союзника. И если мы даже пока только просто пообещаем Директории в будущем заключить такой союз, она согласится значительно смягчить условия заключения мира.

– А вы уверены, дон Мигель, что Париж удовольствуется одним только обещанием?

– Да, Ваше Сиятельство, – уверенно ответил секретарь. – Если вы, Ваше Сиятельство, направите собственноручно заверенное послание кому-нибудь из видных членов Директории, например... Сиейесу.

– И в этом случае республика перестанет настаивать на двух этих неприятных пунктах?

– Да, Ваше Сиятельство.

Годой, не раздумывая больше, вновь бросился к королеве.

– Что вы имеете нам сообщить, мой дорогой личный секретарь? – искренне удивилась Мария Луиза.

Королева Испании сидела за туалетным столиком, и ей церемонно прислуживали высококоротные фрейлины. Движения фрейлин были строго определены этикетом, жесты округлы и плавны, лица-маски набелены и нарумянены. Дамы плавали по апартаментам легко и меланхолично, словно заведенные куклы. Годой смотрел на все это и никак не мог решить – смешон или величествен этот извечный обряд.

– Ваше Величество, я добьюсь от Франции не только вполне приемлемого, но даже почетного мира, если только Ваши Католические Величества дадут мне полномочия вступить в личные неофициальные переговоры с членами Директории.

– А не кажется ли тебе, мой чико, что ты слишком переоцениваешь свои возможности? – язвительно спросила Мария Луиза. Впрочем, язвительность ее была предназначена, скорее, для фрейлин, ибо главные свои возможности чико два часа назад доказал как можно лучше.

– В таком случае сами спасайте свое королевство, – вспыхнул Годой и вышел, по-простонародному хлопнув дверью. – Проклятая баба! – прошептал он уже в приемной и отправился на псарню проверить, дал ли главный псарь серы заболевшим собакам.

Ни королева, ни фрейлины даже не подали вида, что произошло нечто из ряда вон выходящее, хотя в душе каждой вспыхнул целый костер эмоций. Королеву охватила страшная досада; пожилая обер-гофмейстерина, весь смысл жизни которой заключался в том, чтобы неукоснительно поддерживать дворцовый этикет, негодовала на недостойное поведение невоспитанного мужлана; а самая молоденькая фрейлина, недавно вступившая в эту должность сеньорита Лусия де Бермудес, едва сдерживала рвущийся наружу лукавый смех. Она прекрасно понимала, как переворачивается все внутри у старой обер-гофмейстерины, и по этому поводу ей вспомнился услышанный на днях от подруг анекдот, давно уже гулявший по двору. «Говорят, наша старая обер-гофмейстерина никогда не меняет себе белье. – Почему? – Потому что дворцовый церемониал не дает на этот счет никаких указаний».

Тем не менее, ритуал продолжался все также легко и непринужденно до тех пор, пока не было произведено последнее положенное движение.

Мария Луиза отпустила фрейлин и стала играть с ручной обезьянкой, раздумывая, не позвать ли Годоя и не успокоить ли его. А не то, не приведи Бог, он снова пустится по всем злачным кварталам или, того хуже, уйдет на всю ночь к этой шлюхе Тудо. Однако даже эти

предположения не могли унять ее досаду. Мария Луиза в который уже раз взглянула на себя в зеркало и отвернулась. В сорок лет красивыми у королевы остались только руки да осанка. И Мария-Луиза не стала звать своего личного секретаря.

Размолвка неожиданно оказалась долгой. Королева заупрямилась, а Годой, у которого и так голова шла кругом, обрадовался счастливой передышке. Для виду погрузившись едва не в траур из-за размолвки с ее величеством, он отменил вечерние приемы просительниц, прогулки с королем, посещения инфанта и в полном упоении проводил время на охоте и в неостывающих объятиях Пепы. В результате переговоры в Базеле окончательно зашли в тупик. Потерявшая терпение Директория дала приказ генералу Периньону перейти в общее наступление, и стремительным броском французы захватили Фигерас и крепость Сан-Себастьян уже в самой Каталонии. В Мадриде поднялась паника, двор засобирался в Андалусию.

Мария Луиза, приложив к телу святые мощи и отхлестав по щекам двух горничных, вызвала, наконец, своего личного секретаря.

При его появлении, которого пришлось немало подождать, она против обыкновения, не встала ему навстречу, но продолжала столь царственно восседать в своем широком роброне, что ни одно перо в ее прическе не дрогнуло.

– Перестань дуться, чико, – начала она без обиняков, однако, стараясь сохранить в голосе твердость, – сделай же что-нибудь.

– Ах, вот как... – протянул Мануэль, пытаясь сообразить, куда на этот раз дует ветер. – Вы, собственно, о чем, Ваше Величество?

Мария Луиза скривилась от невольного предположения вариантов.

– О спасении родины, дон Мануэль.

– В таком случае не вижу никаких сложностей – я спасу Испанию... и вас! – сразу же оживился он. – Так вы дадите мне полномочия?

– Оставь эти ненужные церемонии, все полномочия и так давно в твоих руках.

– Надеюсь, сейчас больше вам от меня ничего не нужно, Ваше Величество? – все же сузил глаза Годой.

Королева вспыхнула и отвернулась, отпустив его жестом.

– Давно бы так! – фыркнул премьер. Грядущий мир сулил ему неслыханные доходы и славу.

* * *

Эммануэлю Жозефу Сиейесу, бывшему аббату, прославившемуся на всю Францию брошюрой «Что есть третье сословие», написанной в форме катехизиса, а теперь серому кардиналу Директории, было уже далеко за сорок. На этот момент он был единственным оставшимся в живых знаменитым деятелем уже бесконечно далекой предреволюционной поры. Из всех, кто вместе с ним начинал пять лет назад политический переворот, не осталось в живых никого. Выжил лишь молчаливый Сиейес, перешедши кипящий поток, даже не замочив ног. Когда впоследствии его спрашивали, что он делал в те годы, когда старые товарищи один за другим отправлялись на гильотину, как всегда немногословный Сиейес ответил просто: «Я оставался жив».

И вот этот Сиейес, самый знаменитый член Директории, получил витиеватое послание испанского фаворита дона Мануэля Годоя, в котором председатель Королевского совета Испании предлагал Франции возможность заключения военного союза. Прочитав это послание, верный себе Сиейес молча передал его главнокомандующему всеми вооруженными силами Франции Баррасу. В торжественном молчании Сиейеса было столько значительности, что Баррас воспринял его жест, как руководство к незамедлительному действию.

При всех неисчислимых пороках и недостатках Барраса ему нельзя было отказать ни в энергии, ни в решительности. Аристократ по рождению, он начинал свой жизненный путь традиционной для дворянина службой в армии. Получив чин лейтенанта, он участвовал в индийской экспедиции. Однако сами военные действия и все, что с ними связано, ему не понравились. Гораздо более привлекали его всевозможные интриги и возможность безоглядного прожигания жизни. Поэтому, бросив службу в армии, он предпочел окунуться в гущу парижских событий, став, в конце концов, одним из наиболее видных вождей революционного движения.

Баррас немедленно вызвал к себе генерала Периньона, как раз ожидавшего аудиенции у военного министра.

– Генерал, что можете вы сообщить мне о доне Мануэле Годое? Что это за птица?

– Ах, гражданин Баррас, Годой, попросту говоря, любовник испанской королевы – и в качестве такового сейчас является едва ли не главным человеком в испанском государстве.

– Небось, красавчик, – хмыкнул Баррас, всегда очень трепетно относившийся к своей внешности и постоянно сравнивавший себя с другими.

– Да, ничего не скажешь, хорош. И совсем еще мальчишка. Всего пару лет назад он был только лейтенантом королевских гвардейцев. Королева очень быстро сделала из него фельдмаршала и своего личного секретаря. А при идиотизме ныне здравствующего испанского короля оказалось недалеко и до председателя Королевского совета.

– Так значит, христианнейший король по сравнению с этим молодчиком ничто не только в постели?

– Вы угадали, гражданин Баррас. Дело зашло даже дальше: говорят, что младший инфант – вылитая копия красавчика-премьера.

– И сколько же лет этому счастливому отцу?

– Двадцать семь.

– Славный возраст.

– Я слышал, он прекрасно играет на гитаре, поет и ловко выделяет двадцать два коленца в каком-то старинном испанском танце.

– Любопытно. А как, генерал, можно ли доверять этому ферту? Не игрушка ли он в чьих-либо умелых руках?

– Нет, гражданин Баррас, этот молодой человек – не игрушка. Я бы даже сказал, что сейчас это единственное лицо в Испании, которое обладает реальной властью. Я уже давно варюсь в этом испанском котле и точно знаю, что все в Мадриде делается только через Годоя. Именно поэтому на этого молодого человека у меня уже готово досье. Желаете ознакомиться, гражданин Баррас? – и генерал протянул Баррасу изящно исписанный лист.

Баррас тут же с жадностью принялся читать.

«Дон Мануэль Годой, герцог Алькудиа, личный секретарь королевы и председатель Королевского совета Испании невысок ростом, строен, красив, волосы светлые вьющиеся, глаза голубые, вспыльчив, любвеобилен.

Граф встает рано и с утра отдает приказания италмейстерам и слугам на весь день. В восемь часов он отправляется в манеж своего загородного дома; каждое утро в девять часов он принимает там королеву, с которой совершает верховую прогулку. Герцог Алькудиа прекрасный наездник. Если король успевает возвратиться с охоты, он присоединяется к ним. В одиннадцать часов герцога Алькудиа ожидают многочисленные посетители по самым разнообразным вопросам. За четверть часа он успевает отпустить всех, после чего начинается официальный туалет в присутствии десятка благородных дам и лучших музыкантов. В час дня герцог отправляется в королевский дворец, где у него имеется особая квартира со столовой,

кабинетом и спальней. Он присутствует на официальном обеде короля в качестве камергера. После обеда удаляется в свои личные апартаменты, расположенные непосредственно под покоем королевы. У себя герцог Алькудиа обедает в присутствии королевы, спускающейся к нему по потайной лестнице. Король тем временем вновь выезжает на охоту.

Около семи часов вечера герцог Алькудиа отправляется с докладом к королю. В восемь часов он уже снова возвращается к себе домой, где его ждут многочисленные просительницы всех званий и состояний. Вечером на аудиенцию к Годой допускают только женщин. За женскую ласку через него можно получить любой пост в Испании. Салоны, передняя и коридоры бывают полны женщинами всех возрастов и сословий, обычно от 200 до 300. Выходят дамы, как правило, с помятыми прическами и другими неаккуратностями в туалете. Дипломатам Годой охотно рассказывает об этих приемах, не утаивая ни имен, ни подробностей. Разбор подобных прошений отнимает у него обычно около двух часов. Своих советников он приглашает к десяти, и только в это время начинается настоящая работа. Все текущие дела он разрешает быстро и без задержки. На письма, не требующие особого разбирательства, отвечает в тот же день. Ум у него быстрый и точный. Долго заниматься делами не любит, но меткость суждений смягчает зло, происходящее из-за недостатка времени, отведенного на работу.

Жалованье Годой превышает жалованье всех юристов Испании вместе взятых, а таковых сегодня в Испании более пятнадцати тысяч».

– Ну что же, этот дон Мануэль Годой, несмотря на молодость, справляется со своими тяжелыми обязанностями весьма неплохо, – улыбнулся Баррас.

– Да, гражданин Баррас. Такому управляющему мог бы позавидовать любой королевский дом в Европе.

– Судя по этому досье, у вас стоящие осведомители в Эскуриале.

– Осведомитель. И стоит он действительно немало. Золотая голова, хотя и сущий ракалья.

Он...

– Так о чем вы собирались поговорить со мной, генерал?

– Гражданин Баррас, как вы сами изволили убедиться, этот Годой не такой легкий орешек, как может показаться человеку поверхностному. Боюсь, он так и не отступит в своих условиях, а потому не вижу смысла еще чего-то ждать...

– Уж не намереваетесь ли вы взять Мадрид, генерал?

– А почему бы и нет, черт возьми?!

– Что ж, с нашими войсками это вполне возможно, чему свидетельство Италия и Голландия. На суше у нас противников нет. Однако не слишком ли много наберется у нас врагов, генерал?

– Вы думаете, гражданин Баррас, что если мы возьмем Мадрид, Испания...

– Именно так, дорогой генерал. У нас в бою будет ужасная язва. Поэтому сейчас я предлагаю вам пойти на уступки. Франция нуждается в мире...

* * *

Неделю спустя уже был подписан предварительный мирный договор. Франция возвращала все занятые испанские крепости, довольствуясь уступкой части острова Сан-Доминго из Антильского архипелага, и отказалась от притязаний на провинцию басков. Военные

издержки, которые Испания должна была по первоначальному предложению выплатить Франции, решено было распределить на десять лет и, кроме того, выплачивать их натурой – андалузским скотом. Более того, Франция даже согласилась отпустить дочь Людовика Шестнадцатого принцессу Марию-Терезу, правда, не в Испанию, а в Австрию.

Испания ликовала, хотя для всех и оставалось загадкой, каким образом первый министр смог буквально в мгновение ока превратить проигранную войну в едва ли не почетный мир. На председателя Королевского совета посыпались бесконечные почести. Он получил в дар имение под Гранадой, звание генералиссимуса всех испанских войск и почетный титул Князя мира.

Карлос в порыве восторга не знал, чем еще можно убажить своего юного друга.

Гуляя с ним по аллеям королевского парка, разбитым, словно по линейке и посыпанным шлифованной галькой, король в десятый раз обратился к Мануэлю:

– Чего бы вам хотелось более всего, дон Мануэль?

«Послать к чертям вашу разлюбезную супругу!» – вертелось на языке Годоя, но он лишь лукаво улыбнулся.

– Обладая милостями королевских величеств, чего можно желать более? Впрочем, если бы Вы, Ваше Величество сооблаговолили подарить мне щенка от вашей борзой...

– Какие мелочи, дон Мануэль! Я придумал гораздо лучше! Представляете, при вашем появлении герольд всегда будет нести перед вами голову двуликого Януса!

– Вы считаете меня...

– Боже упаси, дон Мануэль, Боже упаси! Это всего лишь знак того, что вам дано верно судить о прошлом и будущем. Двуликий Янус – это символ осторожности и мудрости!

И король действительно распорядился на этот счет. В ближайшие же дни герцог Алькудиа испытал бремя этой новой милости короля – при церемонии открытия Академии наук перед ним торжественно шествовал герольд и нес голову двуликого Януса, на что все собравшиеся взирали в полном недоумении. Злясь в душе на своего монаршего друга, но не имея возможности сразу же отменить эту «почетную привелегию», новоиспеченный Князь мира решил еще одним способом подтвердить эту почесть и впервые за много месяцев в установленный час поднялся в покои королевы.

На следующий вечер двор давал невиданный в последние годы праздник. Над деревьями взлетали ракеты, огненные фонтаны, похожие на огромные водометы, рассыпали звездный дождь. По прудам, выбрасывая светящиеся пули, скользили лодки, и ливень шутих обрушивался на королевский дворец с грохотом взорванных пороховых складов. Потом в воздух полетели бесчисленные ракеты. А когда из дыма и пламени возник гигантский, вычерченный пурпурными линиями и медленно гаснущий вензель королевской четы – К. М. Л. – в несмолкающие рукоплескания вплелось задорное перешептывание толпы, по-своему расшифровывающей этот вензель: «Карл – Мануэль – Луиза».

Глава четвертая. Педро

В то холодное утро, когда Педро вышел из дома дона Рамиреса и оставил Клаудилью наедине с падре, сердце не предвещало ему ничего дурного. Челестино был известен всей Бадальоне как человек добрый и не берущий подношений, да и хозяин всегда говорил о нем как о своем давнем друге. Может быть, Клаудии сейчас действительно нужнее всего божье утешение, а не его неуклюжие ухаживанья. К тому же, Педро отчаянно хотел спать. Две бессонные ночи в седле измотали его изрядно, и он едва доплелся до развалюхи Локвакса. Дон Рамирес давно предлагал мальчику перебраться жить в Мурнету, но Педро хорошо понимал разницу между тем, чтобы работать – и получать за это кров и кусок хлеба или жить где-либо из милости. Домик же в квартале, известном контрабандистами и веселыми девками, устраивал его тем, что здесь он чувствовал себя независимым и взрослым, считая, что мало чем уступает остальным обитателям предместья. Локвакс уважал его за самостоятельность и храбрость и учил многому, что так необходимо в той жизни, которую они вели.

Вот и сейчас старик по обыкновению ни о чем не стал его расспрашивать, щедро налил стакан вина и поставил перед мальчиком миску с ольей. Однако заснуть Педро удалось не сразу, поскольку Лукаро, выпив заодно с ним, пустился в свои извечные рассуждения. На этот раз его возмутило, что французы бросили на Испанию отнюдь не самые лучшие свои силы.

– Что ж, или они думают, что мы какой-нибудь сброд? Да ведь мы умеем гордиться своими лишениями так, как иные и богатством-то не умеют! Мы – прирожденные солдаты, ибо никто, как испанец, не может быть жесток и равнодушен, добр и беспощаден в одно и то же время! Пусть мы ленивы, зато неутомимы, и если уж взялись за что-нибудь, доведем это дело до конца, да хранят нас ангелы Господни! Эй, малыш, да ты совсем спишь! Нет, стой! Ты когда-нибудь слышал об испанце-дезертире, а?..

Но Педро, с трудом заставивший себя поесть, едва удерживая тяжелеющую голову, все же не выдержал, перевернулся на своей соломенной лежанке, из которой тут же с писком выскочили Фатьма и Редуан, и, укрывшись с головой, погрузился в сон.

– На жаркое бы вас, окаянные! – пригрозил старик и, заботливо укутав мальчику ноги, задернул тряпицу на окне.

Горшечник, потерявший в злополучной для Испании Семилетней войне не только обе ноги, но и уважение к власти предержавшим, по-своему трогательно любил посланного ему судьбой паренька. Сорок лет назад он сам был таким же никому не нужным созданием, считавшим, однако, что ему безраздельно принадлежит весь мир. Теперь же вся его любовь и забота сконцентрировались на этом мирно сопящем сейчас на соломе подростке, которому слишком рано пришлось осиротеть.

Детство Педро, как детство большинства его сверстников на побережье, начиналось в бухтах и заливах, где, играя и бездельничая, они думали, что вся человеческая жизнь заключается в повседневном кувырканье в нежных морских волнах да ловле крабов, которых потом можно либо продать, либо сварить и вдоволь наесться нежным и вкусным мясом. Целыми днями носился он с полуодетыми сорванцами, развлекаясь в играх и шумных потасовках с соседними бандами таких же мальчишек. Сколько раз приходилось ему обгарять песок и своей, и чужой кровью, то сгорая при этом от досады, то преисполняясь невероятной гордостью великого героя и победителя. С каким затаенным любопытством бегал он тогда за городские ворота, чтобы из кустов наблюдать, как парни с навахами выходят на отчаянные поединки, как он сгорал при этом от нетерпения поскорее вырасти, чтобы обзавестись собственной навахой и так же гордо и дерзко одергивать своих противников.

Близость Барселоны, крупного торгового порта, придавала детству Педро еще одну краску: романтику морских путешествий. Всевозможные флаги постоянно реяли над приста-

нями, и Педро навсегда запомнил тот восторг, который вызывали у него заходящие в гавань корабли. С каким упоением потом мастерил он кораблики из коры пиний, с парусами из утащенных у матери тряпок, а потом устраивал в ручьях и больших лужах настоящие морские сражения с другими такими же, как он, сорванцами.

Кораблики Педро всегда получались самыми лучшими, ибо отец его был молодым флотским офицером, не устоявшим перед сумрачной красотой его матери – поденницы Роситы Серпьес. Он искренне любил ее, как полюбил и родившегося через год жизнерадостного крепкого малыша. Однако дон Алонсо был беден и, наделав много долгов, ушел с военной эскадрой в какую-то далекую экспедицию, где по воле злополучной судьбы погиб, так и не успев ни поправить свои финансовые дела, ни устроить судьбу маленького Перикито. Счастливые годы, выпавшие на долю красавицы-поденницы и ее сына, когда молодой моряк привозил им блестящие ткани, звонкие бусы и арробы³⁵ пастилы, прошли мимо сознания Педро. Он помнил отца лишь как зыбкое светящееся марево, похожее на то, которое порой струится перед изображениями пресвятой девы, а мать вспоминалась уже замученной нуждой и несчастьями, хотя все еще необыкновенно красивой женщиной. Росита без памяти любила своего сына и маленькую дочь, родившуюся уже после роковой разлуки с возлюбленным, однако стирка и штопка белья матросам, отнимавшие все время, не давали ей возможности как следует заниматься ни дочкой, ни малышом.

А скоро закончилась и эта, хотя и полная лишений, но все же еще беззаботная жизнь Педро. Сначала умерла сестра, которую унесла ужасная болезнь, взявшаяся непонятно откуда и унесшая тогда немало детских жизней по восточному побережью. Начиналась она с того, что заболело горло и становилось невозможно глотать, потом слабел пульс, затухало биение сердца, а из носа начинала сочиться зловонная сероватая жидкость. Некоторых детей все же удавалось вылечить, но у Роситы едва хватало денег на пропитание, а настоящий врач стоил десятки реалов. Местный же коновал, согласившийся помочь ей за уборку в его доме, стирку и, возможно, однажды вечером ожидаемый наклон гордой головы, добросовестно ставил клистиры, пускал кровь, давал малышке горячее питье для облегчения горла и устраивал холодные ванны, чтобы сбить жар.

Педро на всю жизнь запомнил ту печаль в глазах малышки и то старание, с каким выполняла его маленькая сестра все эти нелепые предписания неуклюжего доктора. Однако ни труды коновала, ни бесконечные молитвы перед иконкой Божьей матери не привели ни к чему, и малышка, еще почти не умевшая говорить, умерла. С тех пор, пожалуй, не было дня, когда бы перед ним не вставали ее глаза, полные невыразимой тоски и отчаянного желания жить, хотя имя несчастной сестренки Педро забывал уже все чаще.

Вскоре после смерти девочки тяжелая, но не дававшая ни радости, ни средств работа окончательно подорвали и здоровье матери. А, может быть, просто гордая Росита не перенесла разлуки с возлюбленным, после ласк которого все остальные ухажеры казались ей сухой пылью в сравнении с благоуханной розой.

Роситу Серпьес любили в предместье и хоронили, собрав по сентимо, всей окраиной. Педро не проронил ни слезинки и только поклялся никогда не забыть ни толстые желтые свечи, горящие среди бела дня в темной с завешенными окнами комнате, ни старух в черном, ни запах ладана, ни бесконечные молитвы. Тогда, стоя на коленях на холодном каменном полу церкви, он много молился о том, чтобы маме было хорошо хотя бы на том свете, и чтобы она непременно встретила там с отцом и сестренкой, и чтобы все они были счастливы.

После похорон осиротевшего Педро забрал к себе его родной дядя, брат матери, бывший моряк, человек, искалеченный не только телесно, но и душевно. Дядя этот был невероятно жесток и груб, постоянно напивался и нещадно бил мальчика за каждую провинность.

³⁵ Арроба – мера веса в 11,5 кг.

Не выдержав такой ужасной жизни, Педро, привыкший свободно болтаться целыми днями по улицам, однажды утром ушел из дома и больше не вернулся. Боясь, что дядя может кинуться на поиски и вернуть его домой силой, поскольку с помощью мальчика ему было все же намного легче вести свое незатейливое домашнее хозяйство, Педро, которому тогда не исполнилось еще и десяти, решил навсегда покинуть Барселонетту³⁶.

Он направился на север, где, как уже много раз слышал, возвышались укрытые снегом Пиренеи, через которые шла в Испанию контрабанда из всей Европы. Втайне мальчик надеялся отыскать там кого-нибудь из контрабандистов и предложить свои услуги этим отважным и, по его глубокому убеждению, самым достойным в мире людям. В своих способностях Педро не сомневался. И, шагая полями под раскаленным солнцем, он уже видел себя с туго заплетенной косичкой, в белой рубашке и коротенькой курточке мачо. Но, не отойдя за город и несколько лиг, Педро вдруг увидел человека, бегущего вслед за небольшой кучкой овец. Сразу же догадавшись в чем дело, мальчик решительно преградил путь кудрявым беглянкам.

– Ох, спасибо, парень, – поблагодарил его запыхавшийся черноволосый мужчина лет под пятьдесят, весьма благородной наружности. – Совсем сбился с ног с этими проказницами. В мои годы не больно побегаешь.

– А что же вы, сеньор, пастуха не наймете? – с легким оттенком презрения спросил Педро, полагая, что перед ним обычный сельский скупердяй, экономящий даже на посыльных и чаевых.

– Да кто же согласится работать за те харчи, которые я самому-то себе не всегда могу позволить? – простодушно вздохнул грустный незнакомец. Во всем его облике была такая душевность, а в манере держаться – такая неподдельная простота, что в груди у Педро, никогда не знавшего отца, вдруг вспыхнуло чувство сострадания и какой-то незнакомой ему до сих пор симпатии.

– А хотите, я буду вашим пастухом? – вдруг просто и неожиданно даже для самого себя предложил мальчик. – Просто так, за кусок хлеба... ну, и миски бобов иногда, – честно добавил он.

Странный владелец отары серьезно и задумчиво посмотрел на мальчика и затем, после непродолжительного молчания сказал:

– Как тебя зовут, парень?

– Педро.

– А меня – дон Рамирес де Гризальва. Вот что, Педро, я скажу тебе откровенно. Твое предложение выглядит очень заманчиво, однако, совесть не позволяет мне нанять тебя на работу на таких условиях. Я ведь даже не могу делить с тобой свой хлеб пополам, поскольку у меня еще есть жена и маленькая дочь. И не могу обещать тебе ничего в будущем, поскольку будущее наше день ото дня становится все прискорбнее. Но если тебе негде жить, то я готов с радостью приютить тебя. И если тебе нечего есть, накормлю, чем Бог послал. Но за это я не могу требовать с тебя никакой работы.

– Тем веселее я буду следить за вашими овцами, дон Рамирес, – улыбнулся Педро, обрадованный, что так быстро нашел место, да еще и в доме у благородного господина, обещающего ему полную свободу и достойное обращение. – Вот только жить мне с вами под одной крышей негоже, так что, может быть, вы найдете мне какой-нибудь сарайчик поблизости... – С этой неожиданной просьбой Педро обратился вовсе не из скромности, а ради того, чтобы иметь возможность проводить ночи, как ему заблагорассудится.

И дон Рамирес, не долго думая, направил мальчика к своему бывшему боевому товарищу, безногому Лукарро. Считалось, что этот Лукарро работал горшечником, однако основным его занятием было тайное пособничество темным делишкам, творившимся по всему побере-

³⁶ Барселонетта – рабочий район на окраине Барселоны.

жью, от Тортосы до французской границы. Там Педро ночевал, когда был свободен от дел в Мурнете, и оттачивал язык, дерзость, умение владеть навахой и трудную контрабандистскую науку скрывать товар.

Три года, проведенные Педро в обществе дона Рамиреса, еще более привязали мальчика к новому хозяину, который занял в его сердце место погибшего отца. Да и дон Рамирес во время совместных путешествий на пастбища и рынки разговаривал с мальчиком, как с сыном, которого уже отчаялся дожидаться. Педро узнал от него множество неизвестных ему ранее вещей о мире вообще и об их родине в частности. О чем только они ни беседовали! Мальчику очень нравилось, как мягко и уважительно этот благородный человек всегда отвечает на все вопросы, не издеваясь при этом над его незнанием.

– Дон Рамирес, а вот я слышал, будто во Франции появился какой-то генерал... Буона... Бона... Словом, вроде и не француз вовсе. Говорят, отчаянный кабальеро. Мальчишки рассказывали, что он самый крутой контрабандист.

– Контрабандист?! – рассмеялся дон Рамирес.

– Ну, а кто же? Разве бывают люди смелее и отчаяннее контрабандистов?

– И как же ты его себе представляешь?

– Думаю, что он ходит в гетрах, фетровой шляпе, черном плаще, с навахой и мушкетом за поясом.

Дон Рамирес смеялся все сильнее.

– На сей раз воображение тебя подвело, – наконец успокоился он. – Это совсем еще молодой человек, с Корсики, маленького роста и ходит в обыкновенном офицерском мундире.

– Так о чем тогда речь! – воскликнул Педро, душа которого, как душа всякого испанца, была всегда приправлена изрядной долей честолюбия и презрения к людям, не знающим, что такое «вероника» и «капео де эспалдас»³⁷.

– А вот хотя бы о том, что совсем недавно он со своей артиллерийской батареей взял Тулон и, говорят, потом проявил ужасную жестокость – согнал всех пленных на центральную площадь и запросто расстрелял из пушек несколько тысяч безоружных человек.

Педро поежился, будто от холодного ветра, в конце зимы дующего с гор.

– Вот каналья!

– Тем не менее, правительство за этот штурм сразу же произвело его из простых лейтенантов артиллерии в генералы.

– Ого! А за пленных... значит, ничего ему и не было?

– Нет.

– Почему?

– Потому что во Франции народ отрекся от Бога. А тот, кто не боится Бога, может пойти на все, что угодно, и не остановится ни перед каким злодеянием.

– А правда, что там потерпела поражение наша эскадра?

– Увы. Наша эскадра под командованием Масарредо действительно была разбита, чем лишь увеличила бедствия нашей несчастной страны, а вместе с ней и моего маленького семейства.

– Но почему получается так, что люди, отвергнувшие Бога, побеждают тех, кто в Бога верует, а вы, человек добрый и справедливый, страдаете от событий, к которым не имеете никакого отношения?

– Ах, дорогой мой Педро, порой ты задаешь такие вопросы, на которые тебе не сможет ответить и сам Господь Бог. Но что касается моего отношения к этим далеким событиям, тут ты не совсем прав. Все мы в этом мире тесно связаны друг с другом. И если где-то в одном месте творится несправедливость, то это не может не касаться всех и каждого, кто живет в

³⁷ Вероника, капео де эспалдас – особо сложные приемы корриды, требующие большого хладнокровия.

это время на земле. И в частности наша большая вина заключается в том, что мы терпим над собой бездарных и несправедливых правителей, заботящихся лишь о своих удовольствиях и выгоде. Но... это опасный разговор, мой мальчик. И тебе не следовало бы пока забивать голову такими вещами. Меня же при воспоминании обо всех этих делах начинает мучить совесть. Как я могу в такие ужасные для нашей страны и для всего мира дни столь мелочно заниматься своими домашними заботами и закрывать глаза на все те ужасы, что происходят сегодня вокруг?! Поэтому давай сменим тему и поговорим о делах насущных.

– Дон Рамирес, еще один, честное слово, последний вопрос. Он совсем не про то.

– А про что же?

– Вот вы говорите о вере в Бога. А почему мы все время молимся не Богу, а святой деве дель Пилар?

– Святая дева дель Пилар или дева Мария на столбе особо почитаема у нас потому, что согласно легенде однажды дева Мария явилась на столбе покровителю Испании святому Сант-Яго и повелела ему воздвигнуть на месте того столба на берегу Эбро храм. Согласно другой легенде дева Мария также являлась в этом месте и тоже на столбе апостолу Иакову Старшему. Поэтому у нас испокон веку место это считается чудотворным, оно находится в Сарагосе и на нем теперь стоит церковь, куда народ идет со всей страны. Да храни нас, святая дева дель Пилар! – истово перекрестился дон Рамирес. – Я слышал, что многие из тех, кто прикладывался к раке в серебряном столбе, получали необыкновенные исцеления и чудесные избавления от бед.

Педро удивился, что до сих пор ни от кого не слышал такого простого объяснения и подумал, что когда-нибудь непременно заглянет в эту церковь, чтобы посмотреть на удивительный серебряный столб.

Словно прочитав его мысли, хозяин, сказал:

– Вот продадим повыгоднее овец да и отправимся с тобой в Сарагосу. Думаю, у нас обоих есть о чем попросить пресвятую мать.

Но овцы продавались плохо, приплод становился все меньше, и отара редела на глазах, не принося облегчения хозяину.

Так шли дни за днями.

Иногда в Мурнете, где Педро выбрал себе для становящихся все более редкими ночевок старый заброшенный сарай, появлялась маленькая дочь дона Рамиреса, хорошенькая, но словно не от мира сего, Клаудиа. Педро всегда лишь издали наблюдал за хрупкой, русоволосой и задумчивой девочкой, часто вспоминая при этом свою печальную сестренку, и сердце его таяло от нежности к этому одиноко бродящему созданию. Но он никогда не решался ни подойти, ни даже попасться ей на глаза, а по ночам страстно молил святую деву дель Пилар о чуде – пусть дочь хозяина сама увидит его, сама почувствует тот огонь жгучей нежности, что вот уже столько времени горит в его верной груди. Этот огонь странным образом вспыхнул в душе Педро с первого же мгновения, когда он увидел ее в желтом платье со старинной книгой в руках. Может быть, именно книга и сыграла главную роль в пленении Педро, ибо сам он читать не умел, и знавшие грамоту люди, тем более женщины, вызывали у него восхищение, граничащее с некоторым ужасом. Должно быть, всеобщее убеждение народа в том, что умение читать сродни колдовству, он принимал слишком близко к сердцу.

И святая дева услышала его молитвы, хотя и не без некоторых дополнительных усилий с его стороны. Простая уловка с кроликами дала ему возможность не только заговорить с Клаудией, не только пожать ее тоненькие руки, но и высказать свои чувства. Педро знал, что никогда, никогда не забудет той божественной ночи, того лунного света, который, как рождественская звезда, сиял над их головами, пока они стояли над новорожденными ягнятами. Как искренне благодарил он потом и святую деву, и Бога за то, что они привели его однажды в бла-

гословенный дом дона Рамиреса и позволили ему, простому мальчишке, сироте, стать нужным человеком для этой благородной семьи.

* * *

Педро проснулся лишь на рассвете следующего дня. Локвакса уже не было, только неразлучная, но постоянно огрызавшаяся друг на друга пара сидела у его изголовья, вероятно, в ожидании подачи. Педро хмыкнул, распахнул кроликов по карманам, надеясь развлечь Клаудиу и, выпив воды у колодца, зашагал к дому в переулке Ахо.

Переулок встретил его подозрительной тишиной и закрытыми ставнями. Ни звука не доносилось из дома де Гризальва. Педро, не раздумывая, грохнул пяткой по воротам, но, повторив этот прием несколько раз, добился только того, что из окна соседнего дома высунулась заспанная физиономия какой-то незнакомой старухи, закрестившейся и зачертыхавшейся одновременно.

– Где донья Клаудиа? – не обращая внимания на ругань, потребовал мальчик.

– А тебе какое дело, пашенок? – взвилась вдруг старуха. – Нету, исчезла, в трубу улетела, прости Господи!

– Что ты мелешь, глупая баба? – с презрением истинного мужчины возмутился Педро. – Где она – или я разнесу твой дом!

Но старуха только хлопнула ставнем. Дом же самих де Гризальва был явно пуст.

Все утро Педро потратил на ленивое с виду шатание по лавкам и площадям в надежде услышать хотя бы обрывок разговора о семье Гризальва, но все его усилия оказались бесполезными. Казалось, что ни дон Рамирес, совсем недавно завербовавшийся к генералу Каро, ни донья Мария, покинувшая этот мир всего день назад, ни дуэнья, которую знал в Бадалоне каждый, ни, наконец, Клаудиа, чья русая головка еще вчера прижималась к его плечу, никогда не существовали и, вероятно, являлись лишь его сном.

Мальчик решил даже прийти в церковь к падре Челестино, но священник, видимо, увидев его из окна, выслал навстречу непрошеному гостю здорового служку. Побледнев от унижения, Педро ушел, поклявшись при первом же удобном случае отомстить этому святоше.

К вечеру Педро поделился результатами своих наблюдений с Локваксом, на что старик пообещал пустить в дело свои связи. Однако и многочисленные знакомцы старого Лукаро не принесли ничего, если не считать той странной истории, что донью Марикилью похоронили не на третий день, как полагается, а в тот самый вечер, который он столь непростительно проспал, и на ее похоронах присутствовали лишь падре Челестино да жалкая кучка соседок.

– Не теряй головы, малыш, – уже ночью, за столом сказал ему Локвакс. – Хотя в твоём положении тебе впору ее и потерять. Сам должен понимать: если человека нет нигде, значит, он что?.. Где наша бывшая свобода? Увы, она снова канула в преисподнюю! А ведь еще не так давно наш досточтимый министр выгнал всех этих черных дьяволов из страны, и жить нам от этого не стало хуже! А теперь, что ж, все на попятную! Лягушатников испугались! Можно подумать, своими кадильницами эти чертовы прислужники дьявола спасут нас от их пушек! Вот увидишь, первыми побегут, путаясь в своих рясах!

Педро молча ел свою похлебку. Что он мог возразить горшечнику? С детства живя среди простонародья, в котором суровая богобоязненность прекрасно уживалась с насмешками над священниками и монахами, он слышал немало рассказов о людях, похищенных святой инквизицией среди бела дня. Но то были богохульники, развратные вельможи, еретики – а какой вред могла причинить истинной вере маленькая девочка или ее больная, никуда не выходившая мать? Педро вдруг вспомнил, как вчера, перед тем, как выскочить из дома дона Рамиреса, у ворот он налетел на донью Гедету с опущенной на лицо мантильей.

– А, это ты, Перикито. Я бы на твоём месте на некоторое время отправилась пасти овец куда-нибудь подальше. – Но он, утомленный двухдневной скачкой, а главное, безрезультатностью своих стараний, думал лишь о том, что не смог помочь Клаудии, и бессмысленно смотрел на сильно постаревшее лицо дуэньи. Неужели все, все оказалось напрасным?! Очевидно, вопрос этот был написан у него на лице, потому что Гедета вздохнула и, отвернувшись, прошептала. – Роды были очень тяжелыми, мальчик шел ножками вперед. Если бы Пре... повитуха прибыла хотя бы на полдня пораньше... – Увидев гримасу боли на его лице, дуэнья осеклась и сухо закончила. – В общем, мой мальчик, давай-ка отсюда, если жизнь тебе еще дорога.

– А отара? – глупо спросил он.

– Отара? – не менее растерянно повторила Гедета. – Да какая это отара? Продай ее, что ли...

Вчера Педро, конечно, приписал этот странный разговор несчастью, смутившему рассудок дуэньи, но сегодня, после всех обнаруженных им странностей, он показался мальчику полным некоего тайного смысла.

Стараясь не потерять нить своих размышлений из-за бесконечной болтовни Локвакса, Педро улегся на свою солому и демонстративно отвернулся к стене. Надо было вспомнить все с самого начала.

* * *

Дорога шла степью. В наступающем рассвете оттенки равнины и холмов были еще неразличимы. Дальние горы стояли, подернутые дымкой, а впереди расстилалась голая, каменистая земля под неподвижным куполом не желавшей уходить ночи. Лошадь, взятая у контрабандиста по кусочку меди определенной формы, которую дал ему Локвакс, бежала ровно, и ничто не смущало сердца Педро в тот предрассветный час, когда тьма переходит в свет. К полудню он уже въезжал в Сарагосу через Арравальское предместье и у первой же встретившейся ему старухи спросил, как ему найти некую Пресентасионату, повитуху, слава о которой достигла даже Барселоны. Старуха с ужасом отшатнулась и принялась истово креститься. Такая же история повторилась и с другой женщиной, помоложе, хотя та стала не креститься, а злобно отплевываться. Только тут он понял, что задача у него оказалась не из легких. К несчастью, произнесенное им имя услышала не только женщина. Какой-то мужчина неподалеку тут же бросился к нему, явно намереваясь схватить. Благо, Педро был не новичок в таких делах и, не мешкая ни секунды, ударил коня пятками в бока. Вслед ему понеслись проклятия вперемешку с обещаниями мрачного подземелья, всевозможных пыток и торжественного аутодафе.

Однако самое ужасное теперь заключалось не в том, что нужно было избегать этих нескольких человек, что явно запомнили его в лицо. И даже не в том, что весть о верховом мальчишке скоро неизбежно облетит все предместье. Самое ужасное было в том, что он, спрятавшись в зарослях на берегу Эбро сам и тщательно укрыв от всех случайных взоров коня, не знал теперь, как искать эту чертову повитуху. Время бежало неумолимо. Колокола на многочисленных соборах уже отзвонили конец дневной мессы, а он все сидел в кустах, грызя кулак, чтобы болью заглушить досаду. Неужели остается только вернуться не солоно хлебавши, так и не выполнив первой же просьбы Клаудильи?! Нет, только не это! Лучше смерть на костре! И Педро, оставив стреноженного коня в прибрежных зарослях и сделав себе из крепкой палки посох, беспечно насвистывая и уповая на удачу, направился пешком в раскинувшуюся перед ним Сарагосу.

Было уже далеко за полдень, когда он, миновав мост через Эбро, оказался на улицах этого пыльного, уныло величавого города. Шлепая босыми ногами по грязным улицам, и надеясь на простое везение, Педро с любопытством разглядывал попадавшиеся ему навстречу большие дома и громады башен, отчетливо вырисовывающиеся на фоне далеких гор. Так прошел

еще час, и, поняв всю бессмысленность такого шатания по городу, он вновь вернулся на набережную, где лениво катил свои зеленовато-серые воды Эбро. Там он полюбовался со стороны старинным мостом, который недавно перешел, и машинально насчитал у него семь арок. При этом он ни на секунду не забывал о своей задаче и лихорадочно соображал, как найти в этом большом городе всего лишь одну старуху, если о ней даже нельзя ни у кого спросить. С тоской он смотрел на лучи солнца, начинавшие косо ложиться на пыльные улицы, пытался что-то придумать и страшно злился на себя за то, что придумать ничего не мог.

Неподалеку от моста он вдруг увидел церковь, своей разноцветной глазурованной черепицей на кровле и куполах напоминавшую покрытые цветами холмы. Подойдя поближе, мальчик увидел, что это собор Нуэстра сеньора дель Пилар – храм девы на столбе. Мчась в Сарагосу, полный радужных надежд и воображавший себя героем, Педро ни разу даже не вспомнил об этом храме, который так хотел когда-нибудь посетить – и теперь решил зайти и помолиться, искренне веря, что святая дева непременно поможет ему. Войдя, он оказался в торжественной золотой тишине, увенчанной сверху на куполе удивительно живыми разноцветными картинами, повествующими о жизни девы Марии.³⁸ Сонм ангелов, изображенных в виде женщин в длинных одеждах, плыл по клубящимся облакам, а над ними сверкал золотой треугольник в потоке света, на котором были нарисованы какие-то буквы. В алтаре тускло светило изображение Мадонны, установленное на серебряном столбе. Педро подошел к нему и опустился на колени у самого основания статуи, украшенной крупными рубинами. Затем, почтительно склонившись, прикоснулся к одному из них губами и горячо помолился о сестре и родителях и... о самом главном сейчас. Потом, постояв еще немного перед Алтарем, вышел на улицу, полный надежды, что теперь-то пресвятая дева поможет ему и в остальном. Но на улице по-прежнему было пустынно и тихо.

Тогда, едва сдерживая злые слезы, он побежал в направлении моста, решившись лучше погибнуть, но спрашивать у всех встречных подряд, где можно найти эту старую ведьму. Неожиданно ему в голову пришла отчаянная мысль прикинуться одним из тех добровольных агентов святой инквизиции, что во множестве бродят по крупным городам и тайно обещают вознаграждение всякому, кто поможет разыскать намеченных ею жертв. Конечно, план этот был чрезвычайно опасен. Ему могли не поверить, могли отвести в аюнтамьенто³⁹ или к монахам, могли, наконец, просто обмануть, неверно шепнув адрес, чтобы опередить в выдаче колдуньи. Но ничего другого Педро все равно не приходило в голову. Он и так бездарно потерял уже полдня.

Он медленно брел по набережной, тщетно высматривая прохожих. В этот самый жаркий час дня город словно вымер, и только у самого моста он увидел какую-то женскую фигуру в черном, сидевшую за ограждением и бессмысленно взиравшую на медленно текущий, невозмутимый Эбро.

Педро быстро изобразил на лице совершенную беспечность и, игриво опираясь на посох, собрался, было, уже раскрыть рот, как вдруг до него донесся нежный мелодичный голос:

– Это ты ищешь Пресентасионату, малыш?

– Я, – опешил Педро, не зная теперь, как вести себя дальше и что говорить.

– А где же твой конь?

– Он... Он за городом, на берегу, – словно повинувшись какому-то волшебству, выдал мальчик свою тайну.

– В Арравале, по Барселонской дороге?

³⁸ Незадолго до описываемых в романе событий эта церковь была расписана Франсиско Гойей (1746-1828), за что он приобрел славу лучшего художника Арагона.

³⁹ Аюнтамьенто – городской совет.

– Да. Я из Бадалоны, – осмелел он, наконец, каким-то шестым чувством поняв, что святая дева дель Пилар в самом деле слышала его жаркие молитвы, и судьба улыбнулась ему.

– Тебя послала жена дона Рамиреса?

– Нет, сенья, ее дочь, с доньей Марией плохо.

– Так беги за своим конем со всех ног, парень, пока нам помогает сиеста. Я не могу идти с тобой по городу, это может плохо кончиться и для нас с тобой, и для доньи Марии. Надо успеть выехать из города, пока народ не высыпал на улицы.

Через секунду Педро уже буквально летел над мостом, шепча заклинания, чтобы коня никто не увел. Думать ни о чем другом у него не было ни времени, ни сил; стук сердца нещадно отдавался в висках, и пот ручьями стекал за пазуху. Стрелой пролетел он по пустынным прямым улицам Арраваля, стараясь не глядеть по сторонам, и вихрем пронесся обратно к мосту на коне, скрываясь от взоров за столбами поднимаемой им пыли...

И еще едва ли не час мчался он на всем скаку уже за пределами города, боясь спугнуть удачу и потерять эту странную, по-мужски ловко сидевшую за его спиной и прижимавшейся к нему упругой грудью женщину. Лишь далеко за Сарагосой, когда потускнели в жарком мареве ее купола и башни, Педро позволил и себе, и коню маленькую передышку у ручья. Теперь ему предстояло проделать еще более пятидесяти лиг по ужасным дорогам, кишасим всякими проходимцами и бандитами. Впрочем, последних Педро боялся не сильно, ибо в кармане у него лежал еще один медный кружок Локвакса, при виде которого лихой человек только весело приподнимет шляпу. На такой же кружок он в первом же городке сменил уставшую лошадь на свежую.

И он доставил повитуху в дом Рамиреса. Доставил еще до того, как донья Мария умерла.

Что ж, пусть донья Мария умерла, но умерла не по его вине. Он успел – и, значит, выполнил просьбу Клаудии. Конечно же, если бы немного пораньше...

Впрочем, теперь думать надо было не об этом. Поспешные похороны доньи Марии, исчезновение Клаудиты и Гедеты и нежелание падре Челестино разговаривать с ним явно связаны с появлением этой странной повитухи-ведьмы, которая возникла ниоткуда и так же в никуда пропала. В том, что он привез на крупе игреневого коня именно колдунью, Педро теперь уже не сомневался: слишком многое она знала, как видно, слишком многое умела и слишком удивительным было ее лицо, по которому в одно и то же время ей можно было дать и двадцать, и шестьдесят лет. Но неужели человек, который был готов добровольно проделать такой долгий путь, чтобы помочь роженице, потом мог как-то навредить ее семье? Для того чтобы прибрать к рукам имущество покойной? Но Педро знал, что Гризальва немногим богаче его самого, да и сам дон Рамирес, храни его воинство небесное, быть может, еще жив... В голове Педро возникали самые фантастические объяснения, и он вертелся на соломе до тех пор, пока не додумался до того, что колдунья-повитуха решила забрать Клаудию в свое логово и сделать из нее свою приспешницу и помощницу. Значит, надо было снова садиться на коня, мчаться в Сарагосу и...

Всю ночь Педро прометался, словно в бреду, а утром его растолкал Локвакс.

– Видно и на тебя напустила порчу проклятая старуха! – ворчал он, выгоня мальчика на улицу, где по заведенному им обычаю облил его тремя ведрами ледяной воды. – Иди, выпей стакан доброй мансанильи⁴⁰, прочисти мозги да выслушай, что я тебе скажу.

Педро даже обрадовался такому предложению, ибо понимал, что без помощи Лукаро ему вряд ли удастся вызволить Клаудию из лап сарагосской ведьмы. Зная обычаи ночного народа видеть, слышать и помалкивать, мальчик редко делился со стариком своими планами, а уж тем более чувствами, но сейчас горшечник был его единственной надеждой. Дона Рамиреса ему не найти.

⁴⁰ Мансанилья – белое виноградное вино.

– Пойдем-ка к морю, там, при шуме волн можно спокойно поговорить, – предложил Локвакс, по привычке называя свое передвижение на тележке ходьбой, и они отправились к берегу, для правдоподобия прихватив сети. Неугомонные Фатьма и Редуан последовали за ними.

* * *

Безоблачное небо сливалось с водой, замыкая мир и создавая впечатление, что тебя лелеет и охраняет могучая неведомая сила. Педро дотянул ящик со стариком до перевернутой лодки, и, сев в ее тени, без утайки рассказал Локваксу о своем недавнем путешествии и о своих догадках.

– Вот и получается, многоуважаемый дон Лукаро, что без вас мне не обойтись.

Калека усмехнулся и долго смотрел на невидимый горизонт.

– Не обойтись – это точно, малыш, да только для того, чтобы выбить из твоей глупой головы всякую чушь! Ведьма утащила девчонку – это ж надо додуматься! – Он вдруг расхохотался до слез на выцветших карих газах. – Бабы бредни, Перикито, бабы бредни! А если здесь и поднял дьявол, – вдруг сразу посерьезнел он, – то уж не тот, который с рогами, а, скорее, наоборот – с тонзурой. Говорю тебе, девчонка где-нибудь в монастыре и подальше. Не зря этот черт Челестино вертит хвостом и не хочет даже встречаться.

– А Гедета? – вырвалось у Педро, вдруг вспомнившего, как дуэнья предлагала ему продать овец.

– Со старухой, наверняка, хуже – сидит в каком-нибудь подвале и ждет тридцать первой статьи⁴¹, если, конечно, не догадалась куда-нибудь скрыться.

– Так что же мне делать?

– Смириться, мой мальчик. Тут мы ничего сделать не в силах. Забудь свою Клаудию. У настоящего контрабандиста не бывает недостатка в красивых девках. И чтоб больше про это дело ни слова. – На сей раз, вопреки своему обыкновению Локвакс был краток, и это более всего убедило Педро в том, что дела Клаудильи, пожалуй, и действительно очень плохи.

Он проводил старика до дома и, словно потерянный, зачем-то опять потащился в город. Как жестоко играет им судьба! Еще недавно ему казалось, что он обрел дом, отца, сестру. Но вот дон Рамирес на войне, и дороги к нему нет. А Клаудиа, странная девочка в коротком платье, склонявшая над толстой книгой русые кудри?.. Но, может быть, еще не все потеряно? Может быть, Господь, показавший ее ему в один прекрасный неяркий день, тем самым сделал его вечным ее защитником, который не должен отступаться ни перед чем...

Педро суеверно дотронулся до обрывка желтой камки, который носил теперь обернутым вокруг шеи, и решительным шагом отправился в Мурнету.

Продать нескольких, оставшихся от когда-то славной отары овец ему не составило особого труда – на рыночной площади в Барселоне их тут же купил какой-то крестьянин за тридцать реалов. Таких денег Педро не держал в руках сроду и теперь даже посчитал себя богачом. И, хотя его мучило ощущение, будто он обокрал дону Рамиреса, мальчик все же успокоил себя тем, что непременно спасет его дочь, а когда-нибудь потом, все равно вернет хозяину эти деньги. На пять реалов он сразу же купил дорожный мешок, боту – бурдюк из козлиной кожи, настоящую охотничью шапку и новый плащ. Без плаща в коварном испанском климате, когда днем – жара, а ночью – пронзительный холод, обойтись невозможно. В отношении же мула и навахи он очень надеялся на помощь Локвакса. Поэтому, придя в хибару, Педро дал своему единственному другу пятнадцать реалов, и через день у шаткой изгороди уже стоял крепкий

⁴¹ Статья тридцать первая инквизиционного судебного кодекса означала последующий приговор к сожжению на костре.

мул, а на столе лежала наваха – да не новенькая глупышка, не ведавшая запаха крови, а настоящая, наваррская, явно уже отправившая на тот свет немало негодяев и простаков.

Горшечник выслушал окончательное и бесповоротное решение мальчика и, пристукивая об пол деревянными кругляшами, которыми отталкивался при передвижениях, сказал.

– Глуп, ты, братец, как я вижу. Сам в петлю лезешь. Впрочем, может быть, ты и прав. Вот так и было в тот раз, когда мы под командованием самого Фридриха, великого прусского полководца, пошли в атаку на русские полки. Железный Фриц тогда уже завоевал пол-Европы, а уж как умело он это делал, скажу я тебе! С полным, так сказать, знанием и пониманием всей мировой тактики и стратегии! Помнится, был у него излюбленный военный маневр – косая атака. Никто не мог устоять! Это, парень, я скажу, не фунт табаку. Неожиданно всеми силами бьешь врага по одному флангу, поди-ка удержи. Трах-тарарах, фланг сминается, линия рушится, центр вынужден отступить и... тут уже никто ничего не может поделывать, только давай Бог ноги. Эту тактику придумал еще какой-то греческий известный полководец по прозвищу Ипаминанад, так, кажется называл его сержант Рамирес.

Так вот, сражение началось, линия на линию, ни туда, ни сюда, русские стоят крепко. Но тут Фриц как задаст им косую атаку по левому флангу, и пошел теснить. Эти русские черти держались-держались, да куда там против десятикратного перевеса, смяли мы их левый фланг, и тут пошло дело. Сам понимаешь, обход, угроза тылу и все такое... по всем военным стратегиям надо немедленно отходить. А уж когда войска начинают отходить, тут, если не ослаблять натиска, недалеко и до бегства, бросай оружие. А когда начинается такое бегство, я тебе, парень, прямо скажу, спасения уже никому нет. Ты стой до конца, бейся лицом к врагу и тогда, возможно, еще и выживешь. А если ты повернул спину, все, пиши пропало. Это уж, поверь мне, старому вояке, я на своей шкуре не раз испытывал. Не потому, что показывал врагу спину – меня бы теперь тогда и в живых не было! – а потому что видел, как другие гибли при таком бегстве целыми тысячами. – Педро, не ожидавший такого обильного многословия в этот час, все же стоял и терпеливо ждал, пока старик договорит. Он понимал, что они прощаются теперь надолго, а, возможно, и навсегда. Поэтому и старому одинокому Локваксу хотелось как можно дальше оттянуть этот миг разлуки. – Так вот, мы уже были готовы праздновать победу, а эти русские черти, ты только послушай, не побежали, а наоборот, как вдарили в штыковую. Что им тебе десятикратное преимущество, плевать! Орут и прут, прут и орут! Ну, тут по первой пруссаки даже и растерялись. Они ведь, дьяволы, вроде и неплохие вояки, но больно уж дисциплину чтут. Чуть что не по заведенному обыкновению, так теряются и не знают, что делать. Благо там наша испанская рота оказалась, мы тогда удержали эту русскую контратаку. Конечно, одной ротой много не сделаешь, но главное – сдержать первый натиск. Да сейчас, сейчас, – все же заметив нетерпение в глазах Педро, сказал Локвакс. – Сейчас доскажу главное. Дело тогда было жаркое. Целый день мы все пытались их опрокинуть. Давим и давим, а они штыковую за штыковой и, в конце концов, опрокинули черти Фрица и разбили всю армию. Пруссаки проклятые не выдержали – побежали все-таки! Так вот что, дорогой мой Педро, скажу тебе на прощание: стой всегда к врагу лицом и никогда не сдавайся, как бы жарко ни было. Я вот в том деле хоть и ноги потерял, да живу. И еще вот что, – вдруг прекратил поток красноречия старый вояка и, взяв лист платана, разломил его надвое. – Возьми-ка на память о старике. Быть может, когда еще и свидимся.

Педро бережно взял из рук старика вторую половинку листка и, не сказав больше ни слова, они отвернулись друг от друга и разошлись в разные стороны.

Больше в Бадалоне Педро Сьерпесу делать было нечего.

Его путь вновь лежал на север, к отрогам Маладеты, где среди гор приютилось немало монастырей, которые в отличие от подобных мест на равнине, действительно были закрыты от всего мира и его соблазнов. Почему-то Педро казалось, что кура Челестино непременно упрытал Клаудиу именно в такой монастырь. Ведомый огнем, не утихавшим в его груди, он

ехал, избегая людных поселков и лишь изредка позволяя себе ночевать в вентах – бедных постоянных дворах, со скудной едой, двумя соломенными тюфяками и множеством блох. Он слушал сплетни на площадях, вникал в разговоры аррьеро⁴², нанимался за два сентимо в трактиры, устраивался бесплатно водоносом при церквях, даже пару раз посетил заведения веселых девиц, но нигде и никогда так и не услышал заветного имени. Война, начавшаяся столь победоносно, обернулась поражением, и путешествовать по местности, где в любую минуту могли появиться французские солдаты, стало небезопасно. Но Педро, недавно впервые побривший своей навахой верхнюю губу, не думал об опасности и каждый вечер, укладываясь спать где-нибудь в очередной ложбине, дотрагивался до желтой камки, давно потерявшей свой цвет.

Но вот однажды ему все-таки повезло: где-то под Канфранком он услышал, что в городе стоят разбитые части генерала Вентуры Каро, и, не раздумывая, Педро погнал мула туда.

Увы, тайным надеждам Педро не суждено было сбыться. Часть уже снялась и ушла, и он не только не смог найти дону Рамиреса, но даже ничего не узнал о его судьбе. Никто не хотел говорить с подозрительного вида бродягой-подростком, а тем более сообщать какие-либо имена или адреса.

Проведя весь день в бесплодных уловках, злой и усталый, вечером, привязав мула у постоянного двора, он решил немного подкрепиться и подумать о том, что делать дальше. Сев за столик и заказав стаканчик риохи и миску ольи, Педро привычно осмотрелся по сторонам. В кабачке сидела обычная, ничем не примечательная публика, и только в полумраке в глубине он заметил несколько подозрительного субъекта. Его наметанный глаз быстро определил в нем опасного разводягу – малого, который наводит местный клан на одиноких чужаков.

«Что ж, наваха при мне», – устало подумал Педро, решив во что бы то ни стало подкрепиться, прежде чем предпринять какие-нибудь действия. «Мы еще посмотрим, кто кого обведет вокруг пальца», – ворчал он, принимаясь за еду и на всякий случай не выпуская подозрительного подростка из виду.

Конечно, правила кочевой жизни давно научили Педро осматриваться, прежде чем заказывать еду, и, заметив ловушку, делать вид, что заведение не понравилось и поскорее уносить ноги. Он был парнем не робкого десятка, от прямой опасности никогда не бегал, но и бессмысленно рисковать, еще так и не выполнив своего долга, не собирался. Однако сейчас он слишком устал для того, чтобы снова подняться и идти искать другое пристанище. И Педро спокойно ел, решив, как всегда, положиться на судьбу и на благосклонность всевидящей девы дель Пилар.

Закончив ужин и больше не заметив никаких подозрительных движений со стороны сучающего паренька в углу, Педро совсем было успокоился и даже позволил себе помечтать о ночлеге под здешней крышей, как вдруг простая мысль пронзила его ударом беспощадной всепоражающей молнии.

«Как посмел он забыть!? Растяпа! Лопух! Недостойный обрубок бычьей задницы! Быстрее, быть может, еще не поздно?!» – стучало в его мозгу. Но встал он спокойно и спокойно направился к двери, стараясь никак не выдать своего волнения. У него еще теплилась тайная надежда. Однако в следующее же мгновение рухнула и она.

Подтверждая все самые черные догадки, мальчишка, сидевший в полутемном углу, немедля метнулся к нему и, схватив за рукав, фальшиво и громко загнусавил:

– Подайте сироте пару сентимо, благородный дон...

Разумеется, обращение «дон», несмотря на широкие плечи Педро и темную тень над губой, было совершенно искусственным и только лишний раз убедило его в том, что эта примитивная в общем-то ловушка уже сработала. Мысленно ругая себя последними словами и уже не обращая ни на что внимания, он резко бросился к выходу, приготовившись вступить в

⁴² Аррьеро – профессиональные погонщики мулов.

бой с кем угодно. Злой на весь свет, на бездарно потерянный день и на самого себя, он рванул дверь – и вновь убедился в том, что все его опасения уже превратились в реальность.

Выход на улицу ему преградил пошатывающийся весельчак лет девятнадцати-двадцати, который, скорее всего, лишь притворяясь пьяным, заорал во всю глотку:

– Эй, ты, габачо⁴³, поосторожней! Ты чуть не сбил меня с ног! Чего носишься, как оглашенный, в приличном месте?! – и наглая улыбка не сходила с его лица.

Незнакомца все время качало то в одну, то в другую сторону, отчего Педро никак не мог обойти его без того, чтобы не оттолкнуть.

Ждать же было некогда, ибо, даже из-за широкой спины парня, перекрывавшей ему поле зрения, Педро успел разглядеть, что его мул отвязан и уже вовсю стучит копытами по мостовой.

Стараясь действовать как можно стремительнее и наверняка, Педро сделал ловкий выпад, который не раз уже позволял ему швырять на землю наглецов. Однако сейчас он неожиданно наткнулся на достойного противника. Продолжая изображать пьяного, парень будто случайно, качнулся вбок так ловко, что Педро сам, промахнувшись, едва не грохнулся на землю. Лишь чудом он устоял на ногах, но все же это никак не могло остановить мула, который уже был готов окончательно раствориться в темноте. Тем временем наглый детина все еще стоял перед ним и продолжал заговаривать зубы:

– Да, ты чего? Красным перцем закусывал, что ли? А, может, ты с сумасшедшего дома сбежал, а? Или тебе на пятки наступает святая инквизиция? Братец с зеленой ветвью... га-га-га...

Педро видел, что как бы ни изображал незнакомец пьяного, маленькие его глазки внимательно следят за каждым движением противника, и с ним, в силу его превосходства в весе и росте можно справиться, лишь проявив кошачью изворотливость и быстроту.

Расслабившись и повернувшись к нему спиной, будто вновь надумал зайти в кабачок, Педро, все еще слышавший размеренный стук копыт и не терявший надежды догнать угонщиков, резким едва уловимым движением с разворота махнул навахой, и она просвистела прямо перед лицом незнакомца. Как он и ожидал, бывший настороже парень резко отпрянул, и Педро успел проскочить мимо.

Однако торжествовал он одно только мгновение, ибо из темноты навстречу ему появились двое угонщиков уже без мула, которые так же нагло улыбались, глядя на растерявшегося подростка. Одного из них Педро тут же машинально окрестил про себя толстяком из-за его круглого, как бочка, живота, а второго – коротышкой.

– Послушай, парень, брось глупить, – примирительным тоном сказал один из них, увидев в руках у Педро наваху и прочитав на его лице отчаянную решимость. – Лучше убирайся отсюда подобру-поздорову, и мы тебя не тронем.

– Как бы не так, ублюдки! Лучше подобру-поздорову верните мне моего мула, – процедил Педро, чутко прислушиваясь к движениям у себя за спиной и не спуская глаз с двух стоящих перед ним парней. «Этот коротышка, однако, достаточно крепкий парень», – подумал он.

На какое-то мгновение парни даже опешили, но горячая испанская кровь долго не медлит.

– Про ублюдков ты напрасно сказал, недоносок, – прохрипел один из них и, вытащив свою наваху, двинулся навстречу.

Педро, бывший все время настороже, в это же мгновение почувствовал движение у себя за спиной и резко отпрыгнул в сторону, развернувшись при этом лицом к тому месту, на котором только что стоял – и вовремя. Первый парень, едва успевший увернуться от удара навахы перед входом в трактир, уже более не притворялся пьяным. Теперь промахнулся он и едва удержал равновесие из-за неожиданно исчезнувшего объекта нападения. Все трое противни-

⁴³ Габачо – презрительное название чужака, иностранца.

ков, мгновенно ставших серьезными, были теперь перед Педро. Они тоже поняли, что мальчишка, показавшийся им поначалу легкой добычей, не так уж прост, и с ним придется изрядно повозиться. Все четверо знали, что ни один из них теперь не уйдет отсюда до окончательной победы – такими уж вырастила их испанская улица, и такими они однажды умрут. Теперь уже никому: ни инквизиции, ни самому дьяволу было не остановить кровопролитие.

В этот момент стук копыт, неотвязно доносившийся до сознания Педро, смолк. Казалось, на какое-то мгновение остановилось само время. Все четверо понимали серьезность происходящего, и ни один не решался сделать первое движение. Педро понял, что время работает против него, потому что он здесь чужой, и, изобразив обманный рывок вправо, бросился влево. Маневр удался, потому что отреагировавший на правое движение левый противник в следующее мгновение, не успев переключиться, напоролся на нож Педро и на какое-то время вышел из игры. Однако двое других тоже не дремали, и если с одним из них Педро успел таки обменяться ударами, третий нанес удар без ответа.

Теперь у Педро была не только рассечена левая рука, которой он прикрылся от толстяка, но и пропорот бок. Толстяк, правда, тоже держался за плечо, один только коротышка оставался пока еще совсем невредим. Педро пронзила боль и дикая злость на то, что все может кончиться так нелепо. Он издал пронзительный вопль отчаяния и, решив, что толстяк совсем размазня, с неистовой яростью набросился на коротышку.

Толстяк действительно настолько растерялся от такого неистового отпора, что отпрянул в сторону, зажав рукой свою рану, и Педро, вцепившись мертвой хваткой в ненавистного коротышку, покатился с ним по пыльной улице. Глаза ему заливало потом и кровью. Уже ничего не видя и не слыша, Педро, словно дикая кошка, из последних сил работал руками и ногами, стараясь во что бы то ни стало стереть своего противника с лица земли. Он чувствовал то и дело, как адская боль пронзала его тело, но, не обращая на это внимания, все разил и разил коротышку короткими точными ударами, ожидая, что тот обмякнет и выпустит его из своих крепких стальных объятий...

* * *

Первое, что ощутил Педро очнувшись, непривычно нежное касание тонкого белья. Рассеченная бровь засохла и стянула все лицо, на теле не было живого места, но, главное, он был жив. Жив!

Педро с трудом повернул голову, чтобы оглядеться, и увидел комнату, обставленную просто, но с большим вкусом, а рядом с собой сидящего в кресле худощавого господина средних лет, с бородкой, в черном шелковом костюме, и при шпаге. Лицо его, туго обтянутое бледной кожей, напоминало бы призрак, если бы не яркие, живые, совершенно черные глаза с золотыми искорками. И эти глаза смотрели на Педро если не с участием, то с явным любопытством.

– А ты неплохо владеешь навахой, чико, – с неуловимым акцентом вдруг произнес он, слегка растягивая слова.

Глава пятая. Козни Лоренсаны

Жизнь при мадридском дворе бурлила.

Покинув герцогиню Осунскую и трясаясь ночью по каменным улицам столицы, архиепископ Антонио Деспиг окончательно все обдумал. План его был блестящ, и на этот раз Мануэлю не удастся отвертеться. Прибыв домой, архиепископ в благодушном настроении отправился в спальню. После приятно проведенного вечера, бодрящих яств и вин он намеревался завершить блаженство уходящего дня супружеской постелью. Конечно же, супружеской, принимая во внимание строгие законы целибата, постель можно было назвать только условно, но дородная Хосефа, много лет считавшаяся экономкой его преосвященства, считала ее именно такой – и сейчас пребывала уже в ней. Судя по всему, она не заметила вошедшего и продолжала спокойно спать, устремив хищный нос к потолку. Деспига вдруг разобрала редкая охота поребачиться, и, решив не открывать своего присутствия заранее, он потихоньку разделся, на цыпочках подошел к постели и осторожно влез под толстое пуховое одеяло. Однако едва благочестивый, но разохотившийся супруг приблизил губы к румяной щечке, как ему в ноздри ударил какой-то странный и очень знакомый запах. Приподнявшись на локте и пристально посмотрев на мирно посапывающую Хосефу, Деспиг с трудом разглядел на и без того пухлых щеках прилепленные плоские куски сырого бычьего мяса. Его едва не стошнило, и расстроенный архиепископ вынужден был повернуться на другой бок. Донья Хосефа в свои сорок лет все еще хотела нравиться.

* * *

Рассвет был мрачным. Архиепископ Антонио потянулся и широко зевнул. Ему так и не удалось сомкнуть глаз в эту ночь. Дело, которое он начал обдумывать, возвращаясь после парадного обеда у герцогини Осунской, было задумано очень тонко, и святому отцу не терпелось поскорее дать ему ход. Боясь оглянуться на все еще мирно сопящую Хосефу, он осторожно выбрался из постели и, не позвав слугу, стал одеваться сам, соображая, как лучше организовать день.

«Прежде чем идти на доклад к Лоренсане нужно непременно успеть переговорить с духовником Ее Величества и, хорошо бы, собрать уже все бумаги», – думал он. – Их высокопреосвященство будут весьма довольны мной».

Отправляясь к завтраку, архиепископ распорядился, чтобы закладывали карету. Настроение его, несмотря на отвратительный запах мяса и бессонную ночь, начинало заметно улучшаться. Жаль, конечно, что он не сможет рассказать его высокопреосвященству ничего определенного ни о таинственном госте герцогини, ни о странном человеке в темной одежде с бородкой клинышком, что сидел прямо напротив графа де Милано и за весь вечер не проронил ни слова. Но зато какой замечательный план предложит он Лоренсане! На этот раз королевскому борову вряд ли удастся отвертеться от объятий Святой инквизиции.

Итак, реализуя свой план, сразу же после завтрака дон Антонио направился прямо в королевский дворец и там, во дворцовой церкви, встретился со своим старым приятелем домом Рафаэлем де Мускисом, личным духовником королевы и епископом Авилы. Деспиг прекрасно знал, как де Мускис ненавидит Годоя. Маленький, но очень подвижный и живой, духовник королевы сам уже давно искал любую возможность свалить ненавистного премьера. Однако на каждое, даже самое осторожное замечание в его адрес епископ получал от своей духовной дочери только категорический отказ. Действия и личность Мануэля Годоя не подлежали никакому обсуждению.

– Да, да, я прекрасно знаю, мой дорогой, что с королевой сейчас говорить об этом бесполезно, да и не нужно. Мы пойдем другим путем.

– Вижу, любезный мой друг, вы уже что-то придумали. Не томите же, выкладывайте скорее.

Грузный и важный, казавшийся глыбой рядом с небольшим де Мускисом, архиепископ Деспиг немного помолчал и степенно продолжил.

– А вы знаете, дорогой мой Рафаэль, ничего особенного делать и не надо. Я долго обдумывал ситуацию, даже посоветовался с некоторыми умными людьми и понял, что чем проще мы будем действовать, тем вернее.

– Согласен с вами, любезный дон Антонио: чем проще интрига, тем вернее она срабатывает, – тут же подхватил де Мускис. Хотя Деспиг и не назвал ему людей, с которыми советовался, епископ, прекрасно зная привычки и образ жизни своего коллеги и приятеля, легко догадался, что, прежде всего, он имел ввиду герцогиню Осуну. А поскольку де Мускис считал герцогиню женщиной весьма умной и образованной, то живость его интереса к тому, что она придумала на этот раз, была действительно неподдельной.

– Мы поведем дело, дружище, нашим обычным порядком. В трибунал инквизиции должно поступить три самых ординарных доноса. Это, во-первых, позволит Лоренсане вполне естественным путем возбудить дело и начать расследование...

– А во-вторых, снимет со всех нас всякие подозрения, – радостно подхватил де Мускис.

– Да! Но есть еще и в-третьих!

– Но что же в-третьих, любезный дон Антонио?

– Мы сможем занять при Их Католических Величествах позицию не обвинителей, а как бы даже заступников этого негодяя...

– И это поможет нам не только сохранить и упрочить свои позиции, но и еще вернее свалить его!

– Итак!

– Итак?

– Теперь нам с вами нужно только определить, что именно будет написано в доносах и кто их подаст.

– Ну, это не составит большой проблемы. У этого безбожника столько грехов...

– Во-первых, он не посещает Церковь Христову.

– Да, да. А как говорил отец Киприан – *qui non habet Ecclesiam matrem, non habet Deum patrem*.⁴⁴

– Поэтому первый донос должен поступить от приора дворцовой церкви. И это проще всего устроить вам, мой дорогой друг. Пусть он напишет, что Князь мира давно уже не бывал у причастия.

– Верно. Только вы пообещайте ему, любезный дон Антонио, что мы сразу же переведем его куда-нибудь в другое место, чтобы длинные руки этого мужлана, в случае чего, не достали честного слугу Церкви.

– Конечно, конечно. Уж мы-то подыщем ему местечко.

– Итак, второй донос – женщины. Этого он и не скрывает, посему о недопустимой развратности первого человека государства может написать любой.

– Или любая.

– Верно. Я думаю, что и здесь проще всего подыскать кандидатуру было бы вам.

– Разумеется. Я даже знаю, кто сможет это сделать! Отец Франсиск, духовник недавно растленной Князем мира девственницы Роситы.

⁴⁴ Кому Церковь не мать, тому Бог не Отец (лат).

– Прекрасно. И, наконец, третье, – удовлетворенно сложил на животе руки дородный архиепископ Деспиг, – его коллекция живописи.

– Ага, любезный друг, вы, конечно же, имеете в виду ту самую богомерзкую картину?

– Естественно. Поскольку наша Святая Церковь запрещает изображение обнаженного тела...

– Так-то оно так, но с подобным обвинением дело обстоит не совсем просто.

– Почему же?

– Во-первых, кто может написать такой донос?

– Ну, думаю, кого-нибудь можно будет уговорить или... купить на крайний случай.

– А во-вторых, это обвинение скорее расположит, чем оттолкнет Их Католические Величества.

– Но это сейчас для нас и не важно, ибо главное на первом этапе заключается в том, чтобы начать расследование, возбудить дело. А уж причины отставки и заключения под стражу этого еретика будут выдвинуты гораздо более серьезные.

– Разумеется, вы, как всегда правы, мой любезный дон Антонио, однако все же лучше бы третий донос сразу же сделать более серьезным. Он мог бы, например, намекать на тайные связи с революционной Францией.

– А, пожалуй, вы правы, мой друг дон Рафаэль, – обрадовался архиепископ. – Такая ласточка пощечет его даже повернее всяких любовных интрижек.

– Итак, когда же вы идете на доклад к Его Высокопреосвященству, любезный дон Антонио?

– Сегодня в четыре.

– В таком случае, у меня еще есть время, и я постараюсь, чтобы к этому времени у вас уже был в руках донос от приора и отца Франсиска.

– А я подготовлю третий.

– И... – и оба священника, обменявшись лукавыми улыбками, раскланялись и разошлись в разные стороны весьма довольные собой.

* * *

Великий инквизитор Испании Лоренсана, этот почтенный старец, был чем-то озабочен. Пришедшему к нему с докладом Деспигу он предложил кресло и первым делом поинтересовался, как вчера прошел вечер у герцогини Осунской. Архиепископ подробно рассказал ему обо всем происходившем за столом, и, узнав, что ничего нового и необычного там не было, великий инквизитор, казалось, расстроился еще больше.

– Так, значит, они опять поносили Годоя и выискивали новые способы смены власти в нашей благословенной Испании?

– Да, Ваше Высокопреосвященство. Причем, и здесь они не пришли ни к какому решению. Этот загадочный граф Херонимо де Милано, как будто бы высказался против и власти императора, и выборов президента, однако сам ничего определенного не предложил и вообще вел себя чрезвычайно осторожно.

– Значит, эта странная личность никак не проявила себя?

– Практически, нет.

– Жаль, жаль. Ведь если, как вы утверждаете, этот граф де Милано и в самом деле прибыл к нам из Италии, то, сообщив о нем какие-нибудь важные подробности, мы могли бы оказать большую услугу лично Папе.

– Я прекрасно вас понимаю, и потому хочу сказать вам следующее, Ваше Высокопреосвященство.

– Что ж, говорите.

– Вы непременно сообщите Папе, что прибывший к нам из Италии некий граф Херонимо де Милано вел себя в Мадриде подозрительно скрытно, а потому вы советуете следить за ним в оба.

– Так-так, понимаю.

– Мы ничем не рискуем. Если граф окажется честным человеком, то никто не пострадает, поскольку мы не возводим против него никаких определенных обвинений, а если...

– А если он и в самом деле заговорщик, то Папа будет нам очень и очень признателен за то, что мы обратили на этого человека его пристальное внимание. Отлично, Деспиг, благодарю. А вот что касается того темного человека?..

– Увы, Ваше Высокопреосвященство, это гораздо хуже. Я видел его впервые, а он почему-то даже не был представлен. Судя по всему, этот странный человек – давний знакомый герцогини. Хотя...

– Что – «хотя»?

– Был один странный момент, Ваше Высокопреосвященство. Всего лишь один едва уловимый миг, когда герцогиня, сказав о том, что остается лишь сохранить на троне род Бурбонов, странно стрельнула в его сторону взглядом. Я в связи с этим отметил очень странное внешнее сходство этого незнакомца с фамильными чертами герцогов Наваррских. А это, как вы знаете, французская ветвь Бурбонов...

– То есть, возможно, герцогиня надеется произвести в стране смену династии Бурбонов испанских Бурбонами французскими, лично ей более приятными?

– Именно так, Ваше Высокопреосвященство. Однако, это только мое предположение. Точно же пока ничего не известно.

– Жаль... Однако время вскрывает все. И если он хочет что-то совершить в нашем королевстве, то рано или поздно начнет действовать. А начав действовать, неизбежно проявится так или иначе. Тут-то мы его и зацепим.

– Вы совершенно правы, Ваше Высокопреосвященство.

– Хорошо, с этим все. Есть еще что-нибудь?

– Да, Ваше Высокопреосвященство, – и архиепископ без лишних слов выложил на палисандровый стол перед великим инквизитором три доноса на дону Мануэля Годоя, герцога Алькудиа.

– Ого! Ну и ну! – не удержался от восклицания Лоренсана, просматривая содержимое бумаг. – Однако, дорогой мой друг Деспиг, все это давно известно и так, и эти бумажки сами по себе еще не дают нам никаких козырей. Так просто Мария Луиза ни за что не отдаст нам своего любимца.

– Согласен, Ваше Высокопреосвященство. Об этом я уже подумал.

– И что же придумали?

– А вот что. На основании этих доносов Вы, Ваше Высокопреосвященство, заведете дело и откроете тайное следствие, ведь согласно существующему уставу, Вы все равно теперь просто обязаны это сделать. Упрекнуть тут вас не за что.

– Так, что дальше?

– Дальше я напишу в Рим своему приятелю кардиналу Винченти письмо, в котором объясню ситуацию. Он растолкует все то, что происходит у нас Папе и подаст ваше прошение, в котором вы изложите пункты обвинения, выявленные следственной комиссией.

– Такую бумагу можно составить хоть сегодня, – оживился великий инквизитор. – Материалов в досье этого борового хоть отбавляй.

– Вы абсолютно правы, Ваше Высокопреосвященство. Здесь надо действовать быстро, пока кто-нибудь или что-нибудь нас не опередили.

– Да, да, верно, Деспиг.

– А как только мы получим указание от самого Папы...

– Тут Их Католические Величества, пожалуй, испугаются.

– Несомненно. У Папы в руках столько ниточек, на которых они висят, что королева будет вынуждена подчиниться.

Великий инквизитор воспрял духом, канцелярия лихорадочно засуетилась, и уже к исходу следующего дня в Рим отправился гонец, который для отвода глаз должен был доставить простой пакет от архиепископа Деспига его другу кардиналу Винченти.

* * *

Папа Пий VI, выслушав доклад кардинала Винченти и прочитав бумаги, подготовленные великим инквизитором Испании Лоренсаной, пришел в негодование.

– Как можно! – вскричал он. – Такая дикость в наше просвещенное время! Какой-то мужлан только благодаря тому, что у него красивые глаза и что он спит с королевой, развращает и разваливает такую прекрасную католическую страну, как Испания! Нужно немедленно положить этому конец! Кардинал Винченти, преступления этого так называемого Князя мира вопиют к небу! Стыд и позор, что такой человек состоит в первых советниках у Его Католического Величества Карлоса Четвертого! Сегодня же составьте ответ великому инквизитору Лоренсане, что я не только одобряю его действия по спасению Испании от этого негодяя, но и считаю, что положив конец нечестивым деяниям такого еретика, он избавит наместника Христа от злокозненного врага.

Однако судьбе не было угодно, чтобы праведный гнев верховного понтифика пал на голову нечестивого Князя мира. Солдаты молодого французского генерала Наполеона Бонапарта, уже занявшего к этому времени Милан, перехватили гонца с посланием кардинала Винченти архиепископу Деспигу.

Когда Наполеон вскрыл поданный ему пакет и увидел, что письмо написано на латыни, он попросил перевести ему содержание послания.

– Хм. А что за птица этот Мануэль Годой? – заинтересовался генерал.

Люсьен, его брат, состоявший при штабе в качестве иностранного советника, подошел к нему и что-то долго шептал на ухо, в результате чего суровое лицо юного генерала все больше начинала озарять улыбка. Наконец, сведения Люсьена истощились.

– Хм, хм. Замечательно. Ничего достойного четвертования и колесования, и уж, тем более, сожжения на костре я здесь не вижу. Папу самого не мешало бы поджарить. Впрочем, с ним у меня еще будет время потолковать, а этого развратного еретика можно считать нашим другом – позаботьтесь о том, чтобы бумага попала прямо к нему в руки.

* * *

Мануэль Годой держал в руках послание Папы Римского великому инквизитору Испании Лоренсане, переданное ему верным секретарем Мигелем Бермудесом, и не верил своим глазам.

– Вот каналы! – невольно выругался он после прочтения документа. – Спасибо, Мигель. Ты свободен.

«Да я же вас в порошок сотру, черти в сутанах! Меня – на костер, подумать только! – пнув первое попавшееся кресло, возмутился Годой. – Немедленно иду и открываю эти идиотские козни королеве, и мы еще посмотрим, кто кого! Весьма неплохо одним ударом сразу же свалить эту парочку!»

– Лоренсана и Деспиг, Деспиг и Лоренсана, – бубнил он себе под нос идя по коридорам, не разбирая дороги и едва не задевая плечами гвардейцев дворцового караула. Те с восторгом провожали его глазами: гвардия обожала своего Мануэлитю.

В дверях у приемной королевы он неожиданно столкнулся с выходящим оттуда духовником Марии Луизы. Тот учтиво поклонился, но на его сухом лице змеилась непривычная мерзкая ухмылка. Мануэль также слегка склонил голову в приветствии, однако улыбаться ему совсем не хотелось, и красивое лицо его осталось совершенно бесстрастным.

«Еще одна каналья, – подумал он. – Да их тут целое гнездо! Этот чертов святоша де Мускис тоже ненавидит меня лютой ненавистью».

– Ах, доброе утро, мой чико, – запела навстречу своему любимцу королева, откровенно подаваясь ему навстречу всем своим надушенным, сверкающим и дряблым телом. – Какой приятный сюрприз! Ты пришел в неурочный час! Я так соскучилась!

Дон Мануэль понял, что скоро вырваться ему не удастся: пухлые нежные руки Марии Луизы уже отпускали фрейлин, туалет можно закончить и позже. В другое время Годой осадил бы королеву достаточно резко, но почему-то сейчас его злость обратилась не на любовницу, а на ее духовника. Механически отвечая на приветствия и жадную ласку, первый министр уже понял, что сейчас не скажет королеве ни слова о письме, а вместо этого покорно будет заниматься тем, чего хочет от него эта пышная, еще пахнущая теплом постели женщина. «Да, – размышлял Мануэль, притворно улыбаясь и механически бормоча страстные слова, – этот каналья непременно из той же компании. И я уж позабочусь, чтобы и он не остался в стороне. Вот уж дудки! Нужно только подумать, как и его зацепить тоже...»

Выйдя от королевы через полчаса, Мануэль брезгливо поправил растрепавшиеся волосы и тщетно попытался избавиться от ощущения, будто прикоснулся к чему-то чрезвычайно неприятному, наподобие жабы, каких они в детстве ловили по берегам Гуадианы. И все из-за этого проклятого письма! Спрятав послание до поры, он решил как следует поразмыслить, справедливо рассудив, что если эта бумага у него в руках, надо распорядиться ею поэффективней.

Допустим, он показал бы Марии Луизе эту энциклику прямо сейчас... Что могло из этого выйти? Годой попробовал мысленно проиграть возможное развитие событий.

– Ну, что же, – сказала бы королева, зевая после бурных ласк, – мы и без этих бумаг знаем, что сеньор великий инквизитор и архиепископ Деспиг тебя не любят. Да и пусть себе не любят, в обиду я им тебя не дам.

Только этим все и кончилось бы. А потом она как истая католичка посоветуется со своим духовником, и эта ехидна Мускис непременно передаст все своему приятелю Деспигу, если не прямо Лоренсане. И тогда они будут знать, что Папа дал добро, и еще, чего доброго, успеют принять свои меры. А, зная о том, что великий инквизитор действует с согласия самого Папы, в тягбу с ним королева просто не решится вступить. Точно так же, как сейчас она не решится снять его на основании одной только этой бумаги.

Положение, однако, отвратительное.

Годой понимал, что играет вслепую: во-первых, он не знал, не получили ли Деспиг с Лоренсаной такого же послания, которое запросто могли продублировать. В таком случае ему нужно быть готовым ко всяким неожиданностям уже прямо сейчас.

Во-вторых, для того, чтобы Мария Луиза, предпринимая ответные действия против этих каналов, поменьше колебалась, необходимо собрать на них значительные компроматы. Да заодно приплести и этого мерзкого святошу де Мускиса, который, наверняка, тоже приложил руку к их затее. В противном случае, он ускользнет, потому что в бумаге о нем нет ни слова.

Поразмыслив таким образом, Годой принялся действовать.

Одеваясь, он словно мимоходом вызвал к себе своего человека из канцелярии великого инквизитора и велел ему собрать как можно больше улик против двух высокопоставленных лиц церкви: архиепископа Деспига и епископа де Мускиса. Падре Варфоломей, умевший понимать поручения с полунамека, и сейчас прекрасно понял, какие именно улики нужны его патрону. Привычно опустив глаза, Варфоломей выскользнул из покоев герцога и, потирая руки, нарочно

пустился в обход мимо Норичиадо⁴⁵, дабы посмаковать разлившуюся по всему его существу радость от предвкушения конца развернувшейся интриги.

Затем Годой спустился в дворцовую кордегардию. Там его появление было встречено громом радостных возгласов без всякой субординации и бокалом простого портвейна.

На мгновения злость его прошла, ибо он испытывал почти физическую радость, видя вокруг себя эти молодые задорные лица, так напоминавшие ему самого себя несколько лет назад. И почему бы Марии Луизе не обратить внимание хотя бы вот на этого лейтенанта Сальвию... или даже на совсем юного Мембрильо? И оставить его, Мануэля, наконец, в покое... Годой печально усмехнулся и, быстро отобрав дюжину гвардейцев покрепче, приказал им не отставать от него ни на шаг.

Однако прежде чем идти к королеве, следовало придумать дополнительные меры, к которым нужно прибегнуть, дабы как можно вернее и тише свалить противников, возглавляемых таким авторитетом, как лично его высокопреосвященство. Просто арестовать лицо такого уровня не удастся: это скандал на всю страну и открытый конфликт с Папой. На это Их Католические Величества никогда не решатся. Что же делать?

Мануэль не на шутку беспокоился. Препятствий слишком много. Но, как человек, всегда старавшийся по возможности не задумываться о завтрашнем дне, поскольку и сегодняшний-то достался ему случайно, Годой отправился во главе своего бравого взвода на ночной разгул во дворец Алькудиа, где ждала его единственная отрада жизни.

* * *

Пепа, сидевшая на турецком диване с ребенком, не поднялась ему навстречу, но черные глаза ее блеснули.

– Посмотри, каков у тебя сын!

Поцеловав подставленную Пепой розовую, словно персик, щеку, Мануэль склонился над диваном. Малыш, несмотря на поздний час, еще не спал, и он взял его на руки. Глаза маленького Игнасио смотрели серьезно и спокойно. «Мальчишка покладист и добр, не то, что Франсиско. Вот что значит дитя, зачатое по любви», – удовлетворенно подумал Мануэль и еще раз взгляделся в тонкие черты ребенка. Пепа, всегда словно ревновавшая сына и не любившая, когда Мануэль пристально его разглядывал, грациозно устроилась на диване, взяла гитару и запела старинный романс о том, как дона Альваро де Луну⁴⁶ вели на казнь.

*Ваша благостьня будет
благом для души греховной, –
так молящиеся пели
под трезвон под колокольный...*

– Как он похож на тебя, Пепа! – пробормотал Годой. – Но Пепа только вспыхнула и томно прикрыла глаза, а малыш вытянул ручку и, все так же серьезно глядя на Мануэля черными печальными глазами, схватил его за нос. – Это нос, а не шпага, – рассмеялся бывший гвардеец.

– У-у-у, – вдруг нарушил молчание маленький Игнасио.

А Пепа, глядя на них, все продолжала тянуть свою грустную песню.

*Был богаче всех вчера он,
а сегодня подаянья*

⁴⁵ Норичиадо – дворцовая тюрьма.

⁴⁶ Альваро де Луна – фаворит короля Кастилии Хуана II, впавший в немилость и казненный в 1453 году.

просит он у вас на саван...

– Что это ты затянула заупокойную? – вдруг вспомнив о своих неприятностях, обратился к ней Мануэль. – Смотри, накличешь беду.

Пепа со вздохом отложила гитару, лениво поднялась и, медленно подойдя к возлюбленному, прижалась бедром к его бедру. По всему телу Мануэля потекла сладкая истома. «Вот чертовка! – в который раз поразился он. – Никак не могу понять, чем она меня так пленяет. Я перепробовал их сотни, молодых, красивых, всяких, но этот голос, это равнодушие, эти движения избалованной кошки... Нет, я никогда не смогу отказаться от нее».

– Мне грустно, Мануэлито, – вдруг капризно, но с подлинной тоской в голосе произнесла Пепа.

– Да отчего ж ты грустишь, глупая? Ведь у тебя все есть. Я люблю тебя по-прежнему. И малыш так хорош...

– Да, хорош, ничего не скажешь. И ты меня любишь, это правда. Вот только не кажется ли тебе странным, Мануэлито, что этот замечательный малыш будет носить имя никому не известного капитана артиллерии, погибшего при взятии острова Мальорка? Игнасио Тудо – и все. Игнасио Тудо – и только.

– Опять ты об этом, – Мануэль скривился. – Ты же прекрасно знаешь мое положение при дворе. Потом, со временем я все устрою, но сейчас...

– Потом и со временем. Со временем и потом. Постоянно одно и то же. Но потом приходит и уходит, время идет, а все остается по-прежнему.

– Но, дорогая...

Пепа вновь села на диван и демонстративно вытянула свои стройные длинные ноги, соблазнительность которых лишь подчеркивала легкая ткань платья, скроенного по последней парижской моде. При этом ее движениями край платья немного приподнялся, обнажив изящные лодыжки. Грациозным ленивым движением она опять взяла гитару и запела еще тоскливей:

*Он, кто мог своею властью
сделать каждого маркизом,
графом, герцогом, прелатом,
командором иль магистром,
он, кто жаловал поместья,
титуты дарил вельможам,
умирает как преступник.
«Жертвуйте, кто сколько может!»⁴⁷*

Мануэль, опять вспомнив о проклятом письме, поцеловал ребенка в лоб и осторожно передал маленького Игнасио дуэнье, попросив ее уложить мальчика спать. Как только они скрылись за дверью, Мануэль взял гитару из рук Пепы, осторожно отставил ее в сторону и молча сел, положив дразнящие ноги возлюбленной себе на колени.

– Ты, в конце концов, накаркаешь мне беду, – сказал он и поведал историю с письмом. – Так что, ты, быть может, недалеко от истины в своем романсе.

– Все может стать. И твой сыночек так и останется бастардом.

– Ах, Пепа, это совсем не шутки...

– Но кто здесь шутит? Дай мне папелито.

Годой дотянулся до столика, раскурил для Пепы длинную и тонкую севильскую сигарету и попытался оправдаться.

⁴⁷ Перевод М. Донского.

– Я, конечно же, предпринял кое-какие меры, но как доложить об этом королеве! Боюсь, она не решится сместить великого инквизитора, а тот, в конце концов, так или иначе получит ответ от Папы, и...

– А, Мануэлито, не сгущай краски. Королева все равно никому тебя не отдаст. Если только...

– Что, если только?..

– Если только ты не перестанешь время от времени спать с ней, – полные губы Пепы сложились в презрительную усмешку и она сняла ноги с его колен, дразнящее проведя при этом оголенной лодыжкой едва ли не перед самым носом Годоя.

– Но, глупышка, ты же знаешь... – с досадой встав начал Мануэль, ибо этот разговор повторялся с завидным постоянством.

– Все знаю, хабладорито, и даже больше, чем все. Только такое знание не нуга, и от него мне не слаще, – и Пепа вновь потянулась за гитарой.

– Пепа, прошу тебя, не надо, – поймал он ее сухие пальцы. – Пойми, пока я не найду какого-нибудь хода, чтобы отбить эту коварную атаку святош, мне не до веселья. Конечно же, при дворе я никому не подаю вида, но с тобой-то я могу быть откровенен, не правда ли? – Мануэль вновь сел на диван на этот раз вплотную к своей возлюбленной. Желание все больше начинало разбирать бывшего гвардейца.

– Твоя правда, хабладорито, твоя. Но у меня есть и своя. И заключается она в том, что только тот настоящий мачо, кто может бросить все свои печали, да сделать хотя бы раз в жизни действительно то, что хочется ему, а не кому-то другому.

– А разве я...

– Да, милый мой чико, – передразнила королеву Пепа. – Ты никогда не делаешь того, что может не понравиться королеве по-настоящему. Даже если тебе очень этого хочется.

– Естественно, ведь от этого зависит мое благополучие и даже жизнь. Но что за намеки, Пепа?

– Какие намеки, Мануэлито?! Я просто говорю, что тебе давно уже следовало бы жениться на мне и дать мальчику свое имя. Или ты скажешь, что тебе совсем не хочется этого?

– Разумеется, я был бы счастлив! – ответил он, уткнувшись взглядом в пышную дразнящую даже сквозь ткань грудь.

– Так сделай это. Ради своего счастья хотя бы. Или ты боишься? Боишься лишиться королевской ласки?

Мануэля передернуло при воспоминании о последнем свидании с Марией Луизой, и он искренне вздохнул.

– Ах, Пепита, к чему такие слова? Ничего я не боюсь. В конце концов, мои постельные обязанности перед королевой давно стоят у меня поперек горла. Эти идиоты Бурбоны делают все, что захотят, а я только отдуваюсь за все их прихоти. Вот отделаюсь от чертовых святош да и уйду в отставку. Однако сейчас сделать это решительно невозможно. Меня тут же упекут в подвалы инквизиции, и на этом все кончится.

– А послушай, Мануэль, – вдруг оживилась Пепа, которая в продолжение всего разговора о чем-то напряженно размышляла. – Если я помогу тебе избавиться от этих святош, ты женишься на мне?

– Да как ты можешь мне в этом помочь?

– Это уж мое дело. А твое ответить: да или нет.

– Мне бы не хотелось впутывать тебя во всю эту гнусную политику.

– Разве меня возможно впутать в политику? Вот глупец! Ты все сделаешь сам. Послушай, если причина твоей нерешительности только в этом, просто пошли подальше всех этих святош – вот и все. Я бы плевала на все это, – при этих словах Хосефа действительно презри-

тельно сплюнула приставшую к губе крошку табака, – а вот малыша не стоит навсегда оставлять бастардом.

– То есть как это, послать подальше? – оторопел Мануэль.

– А так, в Рим. Раз они так любят этого своего Папу, так пусть и катятся к нему и не мешают здесь людям жить так, как им хочется.

– Но... Рим осажден французами, и Папе сейчас не до гостей...

– Неужели ты тоже так считаешь? А я вот думаю как раз наоборот: сейчас он как никогда нуждается в поддержке верных ему людей.

– Как, как ты сказала?! Как никогда нуждается в поддержке!.. Пепа, ты гений! – и с этими словами Мануэль вскочил с дивана, подхватил на руки тяжелую, несмотря на тонкую талию и узкие ножки Пепу, и закружился с ней по комнате. – Ах, черт! Пепа! Что бы я без тебя делал?! Мы обвенчаемся с тобой тотчас же! Эй, музыку сюда, вина! – Двое гвардейцев, стоявших за дверями, тут же помчались исполнять приказания. – Бежим, бежим в мою домашнюю часовню, падре Челестино, должно быть, еще там!

* * *

В ту же ночь премьер-министр Испании, Князь мира, герцог Алькудиа, дон Мануэль Годой обвенчался в домашней часовне своего дворца с Хосефой Тудо и после бурной брачной ночи едва успел появиться к первому приему у королевы. Мария Луиза в это утро была капризна, зато ее фаворит предельно любезен, однако от всех стремлений августейшей любовницы Годой на этот раз мягко отказался, сославшись на легкое недомогание, заодно оправдывая им же свой поздний подъем.

– Да, чико, а король уже справлялся о тебе и так подозрительно сказал мне: «Странно, что именно сегодня его и нет».

– Так и сказал?

– Да, именно так и сказал. А когда я спросила, какая же странность в твоём сегодняшнем отсутствии, он ответил, что именно сегодня он хотел спросить тебя об одном деле, а тебя не оказалось.

– А Его Величество не изволили сказать, о каком именно деле хотели поговорить со мной именно сегодня?

– Нет, как я ни просила. Его величество ограничился лишь тем, что просил тебя зайти к нему, как только появишься.

– Но что же вы сразу мне не сказали об этом?

– Ах, чико, как ты не понимаешь! Мне не хотелось сразу отпускать тебя сегодня... Но раз ты такой бука, то так уж и быть, иди. Король, должно быть, уже совсем в нетерпении.

Раскланявшись и поцеловав унизанную перстнями руку, Годой с гулко бьющимся сердцем, через весь дворец направился на половину короля. «Что там еще такое? Что за спешка? – в волнении думал он, одолеваемый нехорошими предчувствиями. – Вряд ли это касается вестей из инквизиции. Если бы Лоренсана уже получил ответ Папы, то эти святоши первым делом направилась бы к королеве, а не к королю. Значит, дело в другом... Неужели этому олуху уже донесли о моем тайном венчании?» – вдруг в ужасе подумал он. – Но ведь я постарался принять все меры предосторожности, до поры до времени эта новость для всех должна оставаться тайной. Челестино – человек верный и вряд ли начнет затевать против меня скрытые интриги. В свидетелях были только Браулио, которого заподозрить трудно, и дуэнья. Старой карге тоже совсем не резон идти против интересов своей хозяйки...» – Мануэль так и не нашел вразумительных причин для столь срочного вызова к королю, а между тем до приемной Его Католического Величества оставались считанные шаги.

– Ага, пришел, – громовым голосом приветствовал его Карлос. – Что это ты, голубчик, сегодня, против обыкновения, отсутствовал во дворце с утра?

– Вчера с вечера, Ваше Величество, я отправился к себе в Алькудию, – начал Годой, пытаясь по выражению темно-голубых и словно смотрящих в пустоту глаз короля угадать, действительно ли он уже знает о происшедшем в часовне, или его вызов касается чего-либо другого.

Однако лицо короля с глазами, как у слепца, по-прежнему ничего определенного не выражало.

Мануэль уже собрался перевести все в шутку, как в следующее мгновение Карлос, освобождая первого министра от дальнейших мучительных раздумий и всяческих отговорок, нетерпеливо выпалил:

– Ладно, черт с ним, меня не интересует, что вы там делали в своем дворце, но что это за болтовня, позвольте спросить?

– Какая болтовня? О чем вы, Ваше Величество?

– Вот, прочтите! – и король небрежно сунул Годую под нос какую-то бумагу.

Мануэль уставился в нее и против короткого ногтя короля прочел:

«Он предлагал мне, Ваше Величество, устроить у нас Директорию на манер французской...»

Все сразу стало ясно. Годой даже не спросил об авторе, прекрасно зная, что такое мог написать только министр юстиции Мельчиор де Ховельянос.

– Одну минуту, Ваше Величество, – сказал Мануэль и, не поклонившись, выскочил из кабинета. Карлос Четвертый в недоумении пожал вслед ему плечами, но продолжал спокойно ждать. Он, в общем-то, и до этого не очень волновался, а теперь, за одну минуту ничего страшного случиться не успеет. Втайне король все-таки глубоко надеялся на благополучное разрешение вопроса. Карлос привык к своему первому министру и ничего не хотел менять.

Мануэль стрелой летел к себе в кабинет, по пути бормоча проклятия в адрес этого черта Ховельяноса. «Вот ведь каналья, не я ли вытащил его из забвения и помог вновь оказаться на первых ролях в этом государстве! Вот она – благодарность человеческая».

У себя в кабинете Годой, несмотря на адский беспорядок, довольно быстро нашел черновик того письма, которое недавно послал министру юстиции, и с ним вновь побежал в приемную короля. Какая-то старая фрейлина, которую он едва не сбил с ног, только пискнула, словно мышь, и прыгнула в сторону. Мануэль ворвался в кабинет почти не запыхавшимся и точно так же, как за минуту до этого король, указал ногтем его величеству ту свою фразу, которая была истолкована министром юстиции таким вопиющим образом.

Король, хмуро глядя в довольно-таки аккуратно исписанный черновик, прочел:

– При существующей сегодня у нас в Испании форме правления мы можем достичь даже намного большего, чем французы со всем их так называемым демократическим устройством. Но впрочем, если вам угодно, мы можем организовать и у нас нечто вроде королевской Директории. Однако, все это лишь пустые формальности... – король перестал читать и полным признательности взглядом посмотрел на своего любимца, Князя мира, кавалера ордена Золотого руна.

– Вы свободны, Мануэль, – Годой без лишних слов раскланялся и, уже на выходе услышал распоряжение Карлоса, громовым голосом данное королевскому секретарю. – Пригласите Ховельяноса и поживее.

Мануэль был уже достаточно далеко от приемной, когда до него донеслись ругательства Его Императорского Величества, никогда не стеснявшегося в выражении никаких своих чувств.

– Все, больше ничего и никого не хочу слушать! Убирайтесь в преисподнюю, к черту на рога, куда угодно! Чтобы больше я вас не видел ни в Мадриде, ни в его окрестностях...

* * *

Всю следующую неделю Годой наслаждался миром и покоем, царившими и в королевской, и в его собственной семьях. По истечении же недели он, наконец, получил от отца Варфоломея не только содержание всех трех доносов, но и множество дополнительных свидетельств, вполне достаточных для того, чтобы совершенно опорочить де Мускиса и Деспига в глазах Их Католических Величеств. Щедро оплатив услуги своего верного слуги, Князь мира был несказанно доволен. Теперь у него в руках достаточно козырей против этой проклятой троицы и он может в любой момент одним ударом отделаться не только от трех опаснейших врагов, но и снискать себе славу человека, показавшего этим инквизиторам их действительное место и значение.

Насвистывая крамольную песню марсельского полка, ноты которой совсем недавно достал ему всезнающий Браулио, Мануэль привычно вошел в покои королевы для утреннего доклада, но на этот раз застал ее против обыкновения уже не одну, а с духовником. Сухонький священник немедля отскочил от королевы и замер в выжидательной позе. На Марии Луизе не было лица.

«Что еще успела нашептывать ей эта каналья? Неужели святоши опередили меня?» – лихо радочно соображал Мануэль, однако томно потупил глаза и двусмысленно улыбнулся. Королева сделала вид, что ничего не видит. Тогда ему пришлось произнести какую-то дежурную фразу, и только тогда Мария Луиза молча сделала рукой знак де Мускису удалиться. Священник, подобрав полы сутаны, стремительно прошел мимо Мануэля, обдав его затхлым мышинным запахом, и скрылся за дверью. Годой ни на миг не сомневался, что назревает буря, но никак не мог угадать источник и направление готовящегося удара. Времени на размышления больше не было: не успели еще замереть вдали гулкие шаги маленького священника, как Мария Луиза, ставшая вдруг из пепельной красной, выпалила:

– Мразь! Да как после этого ты смеешь показываться мне на глаза, ублюдок!

– Что случилось, Ваше Величество? – продолжал любезно улыбаться Годой, давно привыкший, что в иные минуты королева может выражаться, как погонщик мулов. – Что опять нашептал вам этот, с позволения сказать, духовник?

– Молчать, презренная тварь!

– Да что это такое, черт побери! – наконец, не выдержал и тоже выругался Годой.

– Пошел вон! Я даже не желаю с тобой разговаривать! – крикнула Мария Луиза и, не дожидаясь, пока Мануэль покинет ее, стремительно вышла сама и направилась прямо к королю.

В аванзале королеву ждала камарера-майор, старшая статс-дама, которая, согласно этикету, должна была сопровождать ее. Однако Мария Луиза в раздражении отмахнулась и одна стремительно шествовала через все коридоры и залы, отделявшие ее покои от покоев короля. По пути перед ней расступались лакеи, вытягивались в струнку и брали на караул стоявшие у дверей офицеры, раскланивались встречавшиеся придворные – и все с любопытством отмечали признаки гнева в чертах Ее Католического Величества.

Вскоре следом за королевой в глубокой задумчивости и совсем не так стремительно проследовал в том же направлении премьер-министр дон Мануэль Годой. Двор замер в ожидании развязки очередного скандала между королевой и ее любимцем. До сих пор все подобные ссоры заканчивались для дона Мануэля только новыми почестями и титулами.

* * *

Истинной причины гнева королевы во дворце не знал никто, кроме ее духовника. Старая лиса де Мускис вчера вечером встретился с Деспигом, и, едва веря такой удаче, они тщательно обсудили невероятную новость, сообщенную служкой домашней часовни дона Мануэля Годоя. Деспиг не зря постоянно твердил мальчику о всевозможных подарках и продвижении по церковной лестнице, если тот сможет добыть что-нибудь интересненькое о том, что творится во дворце герцога Алькудиа. И вдруг сказочное везение, о каком Деспиг не смел и мечтать: герцог Алькудиа тайно обвенчался в своей домашней церкви с метреской Пепой Тудо! Какой подарок в преддверии ответа из Рима! Теперь Мария Луиза отдаст им этого борова без всякого сожаления.

– Но, быть может, все-таки лучше сначала дождаться ответа от Папы? – осторожно спросил де Мускис. – И тогда уже сразу одним ударом...

– Я думаю, дорогой мой дон Рафаэль, ждать ответа Папы нам не надо. Ты только сумей подать королеве это известие так, чтобы в порыве ревности она тут же отстранила его от двора. А уж тут-то мы его и подхватим. Когда же дело закрутится, остановить его будет весьма трудно. Даже королеве, которая, конечно, остынет и пожалеет о своем поступке. А там, глядишь, придет и ответ из Рима.

– И тогда уже финита ля комедия, – довольно подхватил де Мускис.

– *Homo proponit, sed Deus disponit!*⁴⁸ – в тон ему пропел архиепископ, даже не подумав о том, что эта истина равно справедлива и для них самих.

Оба святоши одновременно прыснули в кулаки; один в круглый и мощный, другой же в маленький и сухонький.

* * *

Мария Луиза, проходя бесконечными полутемными коридорами к королю, у которого не бывала уже много месяцев, лихорадочно обдумывала линию своего поведения. Добиться от короля согласия на заточение этого негодяя в государственную тюрьму в Памплоне? Или отправить его, как положено благородному преступнику, в Северную Африку? Но ведь Карлос может не согласиться даже на простую отставку! Этот неутомимый сатир имеет над королем власть не меньшую, чем надо мной... Боже мой, отчего? Что хорошего находит король в этом глупом животном? Карлос, разумеется, снова начнет твердить, что мы помиримся, не пройдет и полдня...

Слезы стояли в глазах королевы, в любой момент готовые брызнуть. Но Мария Луиза недаром была итальянкой, гордой и мстительной, прошедшей школу лжи Пармского двора, наконец, королевой, – и она держалась. Она шла с пылающим лицом сквозь шпалерные, гостиные, коридоры и залы, не замечая никого вокруг, и ее изворотливый ум, ум оскорбленной женщины и правительницы, измышлял наиболее точный удар.

Сказать ему просто, что этот кабан Мануэль тайком женился на своей девке? Карлос только посмеется и все, или еще того хуже – скажет, что наш друг действительно не женат и давно пора бы остепенить молодца... И тут вдруг в голове королевы пронеслась гениальная мысль. Она даже остановилась и, быстро оглядевшись, привычно нашла причину своей внезапной остановки прямо посередине комнаты. В следующее мгновение уже более спокойным шагом королева подошла к висевшему на стене зеркалу.

⁴⁸ Человек предполагает, а Бог располагает (лат.)

Машинально поправив прическу и взмахнув веером, чтобы остудить пылающее лицо перед тем, как предстать перед королем, она, словно во сне, монотонно повторила про себя несколько раз: «Женат – неженат, женат – неженат...»

Когда Мария Луиза с королевской грацией и едва ли не с улыбкой на увядших губах вошла к королю, ее план мести созрел уже окончательно.

Глава шестая. Королевские салески

От мягкой руки падре Челестино успокаивающе пахло ладаном и миндальным мылом, и Клаудиа постаралась забыть сейчас обо всем, кроме этих тонких пальцев на своем плече. Она почти не понимала, что говорит ей падре и куда он ведет ее. А тем временем они уже вышли на улицу, миновали задворки домов в переулке и оказались в тенистом церковном саду, примыкавшем к ризнице церкви Святого Иеронима. Там Челестино, наконец, отпустил ее плечо и усадил девочку на одинокую скамью среди затейливо подстриженных кустов. Только тут Клаудита заметила, что она вышла из дома в чем была: в простой юбочке без корсажа и полотняной рубашке без платка.

– Посиди тут, сейчас я принесу тебе шаль, – все с тем же серьезным и озабоченным выражением лица сказал Челестино и скрылся в ризнице.

По всей округе все более и более отчетливо разливался свет утра; Клаудиа уже видела каждый лист и каждый камешек на дорожке так, словно она смотрела через круглое увеличительное стекло, которое однажды показал ей отец. Отец... Но теперь нет ни отца, ни матери, ни брата... Незамечаемые ею слезы потекли из глаз, и в тот же момент из дальнего конца сада послышались легкие неспешные шаги. Девочка испуганно вскочила, прислушиваясь, но уже в следующий момент на повороте из масличной аллеи показалась одинокая широкая фигура в монашеском облачении. Она словно плыла по воздуху и протягивала к девочке руки. Клаудиа быстро опустилась на колени и забормотала «Аве». Но теплая, пахнувшая точно так же, как и у падре Челестино, рука легко потянула ее вверх.

– Твое благочестие похвально, дитя мое, – пропел низкий женский голос. – Встань.

И Клаудиа снова оказалась на скамье лицом к лицу с точной копией Челестино, но в женском облике и в одеянии королевской салески.⁴⁹

– Я знаю о твоей печали, – продолжила монахиня, внимательно вглядываясь в заплаканное лицо. – Но Господь посылает нам испытания лишь для того, чтобы мы поднимались все выше и выше. Перед тобой открывается великий путь...

Опытным взглядом мать Памфила, настоятельница монастыря святого Франциска и родная сестра куре Челестино, уже увидела в чистом, строгом и одновременно страстном личике сидящей перед ней девочки то, о чем втайне мечтает каждая настоятельница – возможную святую. Святую для собственного монастыря. Святую, которая становится таковой без всяких усилий. Это обычно происходит легко и незаметно. В то время как другие идут к вершинам шаг за шагом, обрушивая камни и стирая в кровь ноги, таким вот крошкам бывает дано подняться одним лишь движением, дыханием, мыслью. И эта девочка из таких. Она с легкостью может стать святой, обрести настоящую благодать без самоистязаний и аскетизма. И настоятельница уже явственно видела в заплаканных невыспавшихся темных глазах девочки скрытый жар этой благодати. Как хорошо, что она не поленилась откликнуться на просьбу брата и приехала в такую даль, дабы на время забрать несчастного ребенка. Теперь она не отдаст девочку никому. Ведь святая, а на первых порах даже примерная послушница – это не только слава, это настоящая реклама монастыря, оправдание его существования. Как и все монастыри Испании, монастырь Святого Франциска знал и конкуренцию, и финансовые кризисы. Его богатые покровительницы, в число которых входила даже Франсиска де Салес, герцогиня де Уэскара⁵⁰, могли в любой момент отвернуться от него и начать отдавать свои пожертвования в другое место. А

⁴⁹ Салески – монахини ордена Пришествия Богородицы, одним из основателей которого был святой Франциск Салесский.

⁵⁰ В Испании идалго имели право на шесть имен, гранды – на двенадцать, гранды же первого ранга не были ограничены в количестве имен. Герцогиня Альба, о которой здесь идет речь, имела, благодаря знатности своего происхождения, тридцать одно имя.

из этой малышки можно сделать многое... «Какая удача! – подумала она. – И отец неизвестно где... А старуха-дуэнья будет молчать». Вслух же аббатиса сказала уже более приземленным, чем раньше тоном:

– Сейчас тебе надо прийти в себя и молиться о матери, которая умерла, не раскаявшись и не приняв святого причастия. Я возьму тебя с собой, и ты сможешь выполнить свой долг сполна.

Из ризницы вышел падре Челестино с большой шалью в руках.

– Ну, вот, вы уже и познакомились. – Он заботливо укутал Клаудиу. – Небо да хранит тебя, моя девочка. В руках матери Памфилы ты будешь в безопасности. Карета уже готова.

Коаудиа в ужасе подняла на Челестино глаза.

– А Гедета? Мама? Я даже не успела с ними попрощаться!

– Не все в нашей власти, Клаудита, – вздохнул падре.

– А мои книги?!

– В монастыре достаточно книг.

– А кукла?! – потеря отцовского подарка, которым она так и не успела насладиться, отозвалась в душе девочки настоящей болью.

– Время кукол, к сожалению, закончилось, – отвернулся падре, и Клаудиа вдруг отчетливо поняла, что еще крепче сжавшая при этих словах ее ладошку рука матери-настоятельницы не оставляет ей никаких шансов.

– А что скажет отец, когда вернется?

– Я все объясню ему. Ну, ступайте. И да хранит вас Бог. – Челестино поднял руку в благословении, перекрестил их и стоял неподвижно до тех пор, пока две фигуры не скрылись за маслинами, где находилась потайная калитка.

* * *

Всю долгую дорогу до монастыря, стоявшего высоко в горах, откуда берет начало Арьеж, Клаудита запомнила только как душераздирающий скрип колес, которые нарочно не смазывали, чтобы их оглушительный визг оповещал всех о приближении кареты и заставлял расступаться более простые повозки. Иногда, чтобы размять ноги, они с настоятельницей выходили на дорогу и останавливались перед странными пирамидками из камней с крестами наверху или досками, с нарисованными на них картинами гибели тех, кто тут лежал. Клаудиа пристально вглядывалась в изображения понесших лошадей или разбойников, боясь обнаружить под одной из таких досок отца – и с облегчением вздыхала до следующей остановки. Она думала, что настоятельница будет заставлять ее беспрестанно молиться, но мать Памфила, наоборот, разговаривала с ней совершенно о простых вещах: цветах, животных, домашних заботах. На следующий день разговор зашел и о чтении.

– Так ты умеешь читать? – осторожно спросила аббатиса.

– Да, амма. На испанском и греческом.

Святая, говорящая на греческом! Несомненно, у малышки способности к языкам, и если обучить ее еще латыни и французскому, цена ее поднимется во много раз. Сама будучи женщиной образованной, Памфила прекрасно знала, какая редкость обнаружить в своей стране ребенка, тем более, девочку из небогатой семьи, знающую не то что грамоту, но даже мертвый язык. Испания была поголовно неграмотной. Даже многие придворные дамы не умели в те времена слагать буквы в слова...

Монастырь поразил Клаудилью своей прозрачной чистотой. Он стоял почти на краю высокой скалы, и снежные вершины струили на него свой тихий неземной свет. Бесшумные монахини, словно тени, сновали по его холодным переходам и кельям, и даже колокола звонили здесь тонко и печально. Это была обитель белизны.

Встретили девочку вполне радушно и немедленно накормили изысканными кушаньями, которых она никогда не ела дома. Потом она перешла в руки матери-кастелянши, сухопарой и желчной.

– Где твои вещи?

– У меня ничего нет.

– Неужели у тебя нет никаких украшений? – удивилась кастелянша.

– Нет. А разве в монастыре нужны украшения?

– Если ты не захочешь принять пострижения и уйдешь однажды, тебе все это могло бы понадобиться.

– Когда мне понадобится уйти из монастыря, я обойдусь и без украшений, – почти грубо ответила девочка.

– Дитя мое, – сурово проговорила старуха, – запомни отныне раз и навсегда, в стенах этой обители никто не имеет права говорить так решительно и высокомерно. Правила нашего ордена являются обязательными для всех нас, даже для матери Памфилы. Послушание – наиболее благородная добродетель всякого христианина.

Затем кастелянша положила перед Клаудией карандаш и велела перечислить все вещи, которые девочка хотела бы забрать из своего дома.

– Твой отец был благородным идальго, и у вас дома обязательно должны быть какие-нибудь ценности. Если ты пожелаешь однажды уйти из монастыря, тебе все будет возвращено.

В ответ Клаудиа только потуже запахнула шаль, которую ей дал кюре Челестино и молча отодвинула в сторону карандаш...

* * *

Ей отвели небольшую, изящно меблированную комнату рядом с покоями настоятельницы, которая показалась девочке даже роскошной после убогой обстановки родного дома. Но только тут, среди выбеленных стен, сидя у окна, из которого открывался вид на прекрасную поляну, перерезаемую слабым ручейком зарождавшейся реки, она поняла вдруг всю безысходность своего нынешнего положения. Этот ручеек оказался единственным живым проявлением среди нагроможденных повсюду камней, и Клаудиа неожиданно совсем не по-детски окончательно ясно осознала, что она в тюрьме. Ей вдруг стало до боли отчетливо ясно, что больше она никогда уже не пробежит по живому лугу, не прильнет к теплому боку овцы, не пропоет веселой песенки, а главное, никогда больше не увидит отца – потому что ее отсюда просто не выпустят, и никто никогда не узнает, где она. Из нее сделают такую же бесплотную тень, какие она видела сегодня в трапезной. И крик животного ужаса вырвался из груди девочки, ибо страшно в десять лет лишиться всех близких, но еще страшнее потерять возможность радоваться солнцу и оставаться самой собой.

Всю эту долгую весеннюю ночь простояла Клаудиа у раскрытого окна, загнанным волчком мечась в поисках выхода. Благородная древняя кровь предков не позволяла ей больше кричать и плакать – она взывала к действиям, поскольку только делом можно заглушить снедающий душу ужас. И к утру, когда ее келью стал заливать розовый и нежный свет, у окна стоял уже другой человек: человек, твердо решивший не сдаваться. Для начала девочка решила добиться всех мыслимых и немыслимых высот, какие может предоставить монашеская жизнь. Она станет примерной послушницей, она выучит все, что можно – свойства растений и трав, языки, искусство ходить за ранеными – она станет аббатисой, святой, кем угодно... Но она добьется возможности покинуть этот склеп и найдет отца.

Скоро Клаудита, названная по монастырским обычаям сестрой Анной, поняла, что начать свое восхождение по лестнице монастырского успеха совсем не трудно. Что может быть легче механического телесного послушания, послушания трупа, когда дух свободен и тверд?

Послушание – надежнейшее оружие, а тайна – надежнейшее убежище. Девочка безукоризненно выполняла все распоряжения, исходили ли они от матери Памфилы или от последней сестры-привратницы, но никто, глядя в эти горящие глаза, обрамленные голубоватым апостольником, не смел требовать от нее большего, чем она отдавала им. Кроме того, пережив первое, самое трудное время заточения, Клаудиа научилась находить определенное удовольствие в гулких кельях, в маленьких, густо насаженных во дворе гвоздиках с запахом перца, в строгой одежде, во времени, отмеряемом ударами колокола, в потоке прекрасных спокойных молитв, в полете голубей, выпускаемых в полдень, в натертых до блеска плитах пола, во всей этой бесконечной пустыне, которую во что бы то ни стало надо пройти... К тому же, поначалу в силу своего возраста Клаудиа еще не была втянута в те подспудные интриги, которые процветают в любом замкнутом людском сообществе, да и настоятельница, лелея свою тайную мечту, пока еще давала девочке относительную свободу. В конце концов, благодать дается не размышлениями над божественными таинствами, а Божиим откровением, которое может воспринять только открытая, не закосневшая во грехе душа. И Клаудии разрешалось собирать травы на склонах гор и не умерщвлять плоти так, как двум сотням ее товарок.

Но, следуя телом за всеми установлениями, девочка огораживала свою душу все более прочными решетками. Каждую ночь она вспоминала отца, мысленно, как слепая, проводя руками по родному лицу, запоминая каждую черточку; она представляла себе мать, какой видела ее в тот последний счастливый день, когда они с папой зашли к ней в спальню поиграть в биску. Клаудиа даже придумала себе игру с нерожденным братом, воображая, что он все-таки родился. Девочка мысленно возилась с ним, пеленала, целуя пухлые ножки, потом учила ходить, лепетать первые слова, играть на лужайках Мурнеты... И постепенно маленький брат стал для нее даже большей реальностью, чем какая-нибудь монастырская ключница.

Однажды, пытаясь успокоить расплакавшегося брата, которого, в честь славного Сиды, назвала Родриго⁵¹, Клаудиа вдруг вспомнила про забавных кроликов Педро. И смуглое лицо широкоплечего мальчика на миг заслонило призрачный облик брата. И вновь в ее ушах зазвучал ломающийся мальчишеский голос: «Если я тебе когда-нибудь понадобится – только позови! Я сделаю для тебя все на свете». Где он сейчас, этот Педро Серпьес, которому уже никогда больше не выполнить своего обещания? Но Клаудиа не позволила себе заплакать – отныне она может надеяться только на себя.

Но мимолетное воспоминание о Педро все-таки пробило брешь в столь старательно устраиваемой внутренней обороне Клаудии: оно вернуло ей забытую полудетскую мечту о другом юноше, который скакал когда-то наперерез волку, а теперь, как шептались вокруг, распоряжался в королевской постели, как в своей. Разумеется, Клаудиа не верила ни одному плохому слову, что порой говорили о нем в кругу сестер – Мануэль оставался для нее сказочным принцем – но робкий тягучий ручеек чувства, почти заглохшего под горными снегами, неожиданно вышел из берегов. Засыпая, она теперь представляла себе не только родителей и Родриго, но и стройного всадника в роскошном костюме, который спрыгивал с лошади и протягивал к ней руки. Это, как скоро после определенных событий поняла Клаудиа, взросло ее тело. И она, в отличие от остальных, не стала бояться его, она наслаждалась им, лелеяла его, смело купала в истоках Арьежа летом, натирала снегом зимой и любила, как единственное, что ей оставалось любить. Ей и в голову не могло прийти, что настоятельница, настраиваемая постоянными наущениями монахинь да и сама видевшая опасные настроения девочки, следит за каждым ее действием и ждет только удобного момента, чтобы прекратить столь чудовищное богохульство.

Обычно по вечерам пятницы мать Памфила приглашала Клаудию к себе и дружески беседовала с ней об успехах в языках, соблюдении постов и выполнении послушаний. И на сей раз

⁵¹ Родриго Диас де Бивар (1043-1099), прозванный Сидом – герой испанского героического эпоса.

девочка вошла в покои настоятельницы, чуть более живые, чем остальные помещения монастыря, сразу же, как закончилась вечерняя служба. Памфила быстрым взглядом окинула вытянувшуюся фигурку, чьи уже девичьи бедра и тугую грудь не скрывало даже просторное одеяние, но спокойно спросила, протягивая руку для поцелуя:

– Ну, каковы твои победы за эту неделю, сестра Анна?

Клаудиа смиренно поцеловала руку и тут обострившимися вместе с расцветом тела чувствами вдруг вспомнила этот забытый запах, шедший от выхоленных пальцев – от них все еще пахло долгой дорогой до церкви с книгой в руках, золотой пылью, рассказами Челестино... И она забылась.

– Вы, наверное, получаете известия от падре, вашего брата, амма?

Лицо настоятельницы превратилось в маску. Девочка не только не смела спрашивать об этом, она давно уже должна была забыть этот маленький приморский городок!

– Если я их и получаю, то они никаким образом не касаются тебя, сестра Анна. Да и кого они могут касаться? – Бедной маленькой сироты Клаудии де Гризальва? Так ее нет. Монастырской послушницы Анны? Так для мира нет и ее – она существует только для святого Франциска. Разве ты не знаешь, что тебя ждет постриг? Кстати, я давно собиралась поговорить с тобой об этом. Твое примерное поведение и благочестие дают мне возможность сократить срок твоего послушания. Зачем обязательно ждать, когда пройдет четыре года? Думаю, что после Рождества ты будешь окончательно готова посвятить себя Господу полностью. Но, – Памфила белым пальцем с алмазным перстнем едва не коснулась груди Клаудии, – я вижу, нам предстоит еще серьезная борьба с дьяволом. Твой дух высок, но тело еще не побеждено. Разве ты никогда не слышала об экстазе, о тяжелых умерщвлениях плоти, о столах из келий, о проступающей сквозь платье крови? – Клаудиа, побледнев, только опустила глаза. – Значит, скоро узнаешь сама.

Так Клаудиа оказалась в самой отдаленной части монастыря, небольшой часовне на самом краю его владений. Густой лес скрывал неотапливаемую часовню и со стороны главного здания, и со стороны дороги к недалекой французской границе. Поначалу девочка даже обрадовалась своему уединению – здесь ничто не отвлекало Клаудию от игры ее воображения, а холодные ночи и душные дни молодой организм переносил достаточно легко. Через высокие окна она часами могла смотреть на таинственную, но так хорошо знакомую ей жизнь леса, вдыхая чистый, всегда пахнувший снегом воздух. Могла спать, когда захочется, свернувшись калачиком на полу и завернувшись в шерстяной плащ, могла мечтать и первое время могла даже заниматься латынью, ибо ей оставили латинские книги. А самое главное – она имела возможность познавать себя, пускаясь в отчаянные путешествия по бездонным лабиринтам души и чувств. Мать Памфила совершила ошибку, предоставив Клаудии эту отсрочку в несколько недель, ибо, когда она появилась в часовне с тонкой плетью в рукаве рясы, перед ней стоял уже не ребенок, тоскующий о доме, но существо, уверенное в том, что сумеет сыграть свою партию с этим миром.

– Я вижу, ты здесь бездельничаешь, маленькая тварь! – И острый хвост плетки оставил на гладкой щеке девочки алый рубец. – На колени! Я научу тебя любить Господа!

Клаудиа от неожиданности тут же и в самом деле упала на колени, но уже в следующий момент получила резкую пощечину. Ах, да! Она же забыла поцеловать руку настоятельницы...

Выйдя от затворницы, мать Памфила улыбалась, и это не было улыбкой получившего свое наслаждение садиста или впавшего в экстаз церковника. Нет, она была в общем, доброй женщиной и улыбалась только тому, что план ее выполняется успешно, что девочка оказалась именно тем материалом, из которых лепятся истинные святые. Кроме того, судя по последнему письму брата, об отце ее так ничего и не слышно... А то, что пришлось поднять на малышку руку, беспокоило ее мало – без этого невозможно. Пусть знает, что с ней здесь никто не будет особо церемониться. И мать Памфила, вполне довольная собой, направилась в трапезную.

Клаудиа же еще долго стояла на том месте, где настиг ее удар, и смотрела, как звонко капает кровь из рассеченной щеки на каменные плиты часовни. Гордость не позволяла ей плакать, а открытость начавшейся борьбы, как она полудогадалась-полупоняла, только упрощала ее действия. В тот же вечер у нее отняли все книги, кроме молитвенника, и вместо полноценной еды стали приносить лишь специально непрочпеченный хлеб, гнилую фасоль и воду. Плащ отобрали тоже.

И, может быть, настоятельница, в конце концов, добилась бы своего после нескольких месяцев таких истязаний, ибо Клаудиа, поначалу мужественно встретившая новую полосу своей жизни, спустя пару недель начала предаваться таким бурным фантастическим грезам, которые легко могли завести ее в объятия настоящей одержимости. Она разговаривала с отцом, помогала матери, воспитывала брата, но уже не в мечтах, а реально бродя по часовне и то подметая незримым веником пол, то моя несуществующую посуду... Девочка сначала придумала это лишь для того, чтобы греться, но опасная власть такого «театра для себя» скоро поглотила ее почти без остатка. И глухими ночами, когда ухали у самых окон совы, и откуда-то с гор слышался далекий рев, Клаудиа опускалась на колени и протягивала руки не к Господу, а к таинственному рыцарю, призраку, Сиду, Мануэлю Годю, который вдруг принял в ее воображении вполне определенные черты молодого генерала с кудрями до плеч.

Неизвестно, чем закончились бы все эти игры, если бы в один из пасмурных дней, когда снег идет понемногу, но безостановочно, ей не забыли принести даже той скудной пищи, которую она теперь получала. Клаудиа подумала, что это из-за непрекращающегося снегопада, и даже обрадовалась, получив возможность длить свой спектакль, не отвлекаясь на приход сестры с кухни. Сегодня она решила дать себе представление «В лавочке у Франсины». Она пришла туда вместе с малышом Родриго, долго выбирала финики и шербет, болтала с сапожником, как вдруг рев в горах, который она слышала уже не однажды, но только ночами, послышался гораздо ближе, чем раньше. Он медленно, но неуклонно нарастал, и в нем уже можно было различить отдельные звуки: грохот и крики.

Клаудиа в ужасе прижалась к ледяной стене: обвал! Горная лавина, от которой нет спасения даже убегающим, а уж не то, что девочке, запертой в часовне. Обвалы часто случались в этом районе Пиренеев, и история монастыря святого Франциска насчитывала немало случаев, когда гибли не только сестры, но и разрушалась часть построек. Это увеличивало святость места, и этим сальески даже особенно гордились.

Клаудиа мгновенно представила себе длинный ровный ряд белых надгробий во внутреннем дворе, где покоились погибшие от стихии монахини, и предательский страх оледенил ее хуже мороза. Она стала отчаянно колотить в дверь и кричать, но звуки из часовни, построенной специально для уединения вдалеке от всех, не могли достичь монастыря даже в самую тихую погоду, а сейчас шум превратился в какую-то адскую какофонию. Стены вздрагивали, погасла единственная свеча, и за окнами с пронзительным писком замечались перепуганные летучие мыши.

Понимая, что про нее забыли, и никто не придет ей на помощь, Клаудиа прижалась к прутьям ржавой решетки, пытаясь хотя бы увидеть то, от чего ей сейчас придется погибнуть. Грохот повторялся с какой-то странной периодичностью, и каждый раз ему мягко вторил осыпающийся с сосен снег, становившийся то багровым, то желтым. Зрелище это настолько заворожило девочку, что она не заметила, как, вжимаясь все плотнее в железные прутья, оказалась на улице по плечи. И, уже не раздумывая, куда и зачем она побежит, Клаудиа протиснула дальше свое узкое тело и упала в мягкий снег. Какое-то время она лежала, не чувствуя холода и ощущая только мощные вздрагивания земли, к которой прижалась, словно ища защиты. Наконец, она решила поднять голову и увидела, что в стороне монастыря полыхает разноцветное зарево.

И уже не обращая внимания на намокшее, колом вставшее одеяние и набившийся в башмаки снег, Клаудиа помчалась, не разбирая дороги, прямо через лес туда, где, наверное, еще оставались люди, и где, как ей казалось, можно было спастись.

Но, не пробежав и куадр⁵², она остановилась: тяжкий грохот сменился частым сухим треском, а уж этот звук Клаудиа не спутала бы ни с чем. Впереди разгоралась отчаянная ружейная стрельба.

И только тогда девочка вдруг вспомнила о том, что совсем рядом бушует война с богомерзкими французами, поправшими веру и казнившими помазанника Божьего. Разговоры об этом то и дело велись в кухне, пекарне и даже в молельне; у некоторых сестер были среди сражающихся братья или знакомые, и Клаудиа сама с жадностью ловила каждое слово в надежде узнать что-нибудь об отце. Но сейчас она растерянно остановилась, забыв про сводящий ноги мороз. Бежать вперед? – Что ждет ее там, среди выстрелов? Ведь проклятым французам наверняка ничего не стоит убить маленькую послушницу. Клаудиа затравленно обернулась в сторону покинутой часовни. Но вернуться? Куда? В темноту и холод ее тюрьмы? В горы, где она замерзнет, ибо не знает дороги никуда, кроме как к монастырю? Или все-таки попытаться пробраться к обители? Девочка уже сделала шаг вперед, как страшное колючее слово «постриг», отнимающее у нее все надежды, вновь вспыхнуло у нее в памяти. Она вновь в нерешительности застыла.

Перестрелка между тем разгоралась все сильнее. Были уже слышны крики десятков мужских глоток, едва ли не перекрывающих истошные вопли женщин. Клаудии стало совсем страшно, захотелось вжаться в снег, в дерево, съежиться, исчезнуть... но отец! Вдруг он там, а она из-за своей трусости лишится возможности увидеть его и... спастись! И девочка, не слушая выстрелов, побежала вперед.

К тому времени, как она выбралась на опушку леса, левая часть монастыря была уже объята пламенем, но из правой еще доносились редкие выстрелы обороняющихся. Клаудиа, как замороженная, смотрела на разгул одной из самых страшных и самых красивых стихий – пожар в ночи. Снег вокруг тек грязными ручьями, смешиваясь с казавшейся черной кровью. Повсюду виднелись мертвые тела. Вдали, под ярко-оранжевыми небесами с визгом метались салески, то тут, то там настигаемые солдатами, одетыми в какие-то лохмотья, весьма отдаленно напоминающие форму. Остановившимися глазами Клаудиа видела сразу и клубы пепла, поднимающиеся там, где падали сгоревшие балки, и бегущих с криками французов, упорно штурмовавших незанятую еще часть обители, и отвратительные сцены насилия. Совсем неподалеку от нее, так что можно было рассмотреть пышные белые бедра, лежала какая-то монахиня, бесстыдно темнея развороченным лоном. Кто она, девочка так и не смогла понять – лицо у несчастной было раздроблено прикладом.

Скоро стрельба почти совсем стихла, и французы уже стали выкатывать из подвалов бочки с винами и готовившейся только у Святого Франциска особой настойкой из ауреллы. А Клаудиа все не могла заставить себя пошевелиться. Она уже давно поняла, что искать отца здесь бессмысленно. Неожиданно новая мысль овладела ей и стала мучительно грызть девочку, не давая ответа: неужели ее папа, ее умный, добрый, замечательный папа точно так же расстреливал из пушек монастыри и насиловал беззащитных женщин?! «Нет, нет, не может быть! Мой папа не безбожник!» – едва ли не вслух выдохнула она. И тут мудрый инстинкт одинокого зверя подсказал ей, что сейчас освободившиеся от боя солдаты напьются и запросто могут начать бродить по близлежащему лесу. Надо было уходить. Но куда? Клаудии ничего не оставалось, как вернуться к часовне и вновь забиться на свое убогое ложе, обхватив руками колени и уткнув в них голову...

⁵² Куадра – испанская мера длины в 463 метра.

Так она прожила два дня, непрерывно молясь Господу о том, чтобы эти ужасные французские солдаты, кричавшие такими громкими гортанными голосами, ее здесь не обнаружили. Голодная, потерявшая ощущения рук и ног, она жевала хвою, сосала снег и несколько раз ходила к развалинам, прячась лисой, почти невидимая в своем голубом облачении. Французы ушли только на третий день. Над пожарищем еще кое-где курились дымки, и стояла особенная смертная тишина. Клаудиа прокралась вдоль закопченной стены, стараясь не смотреть по сторонам и не вдыхать приторный запах разлагающихся тел. Она уже не боялась быть убитой – она хотела только одного: поест и согреться. Добравшись до разграбленных погребов, она жадно сгрызла какие-то протухшие остатки окорока, вылизала лужу мальвазии под незаткнутой бочкой и заснула, прислонившись к ней спиной, радуясь теплу древесины.

Так ее и нашли оставшиеся в живых монахини. Их было не больше десятка, но, благодарные Господу за спасение, они, словно стайка трудолюбивых птиц, немедленно принялись вить среди руин новое гнездо.

И только через несколько дней Клаудиа спросила сестру Флорису, искусную вышивальщицу, которая отсутствовала во время зверского нападения, уехав продавать монастырские вышивки в Уржель:

– А что стало с матерью Памфилой?

– Разве ты не знаешь? Ее схватили и долго требовали выдать место, где спрятаны монастырские сокровища. Но она, конечно же, ничего не сказала, и ее буквально растерзали. Говорят, тело опознали только по бриллиантовому кольцу, которое эти богохульники почему-то не заметили.

Клаудиа вспомнила мягкую белую руку, уведшую ее поздним весенним утром в другую жизнь, и невольно прикоснулась к щеке. Что ж, она не держит зла ни на куре Челестино, ни на его сестру... Но теперь ничто не будет напоминать ей о постриге и никто не будет стараться сделать из нее святую. Святой теперь сделалась сама погибшая настоятельница, о которой скоро стали ходить в горах легенды...

* * *

После ухода французов все силы насельниц были брошены на воссоздание прежней налаженной жизни. Место матери Памфилы заняла порывистая сухая мать Агнес, присланная сюда из далекой жаркой Малаги и привезшая с собой нескольких сестер из своей бывшей обители. Она постоянно ежилась от холода и большей частью занималась какими-то сложными монастырскими интригами, в которых Клаудии по ее малолетству не было места. Да и никто теперь не знал истории этой молчаливой девушки, большую часть времени проводящей за латинскими и греческими книгами. Правда, на последние аббатиса косилась с недоверием и как-то раз, подойдя к девочке в молельне, сказала.

– А известно ли вам, сестра Анна, что у нас в Испании усомниться в католической вере – то же самое, что усомниться в вере христианской? – Клаудиа склонила голову. – И любой отец сам подкинет дров в костер еретички, которая читает недозволенные писания...

– Я читаю лишь Иоанна Дамаскина⁵³, – не поднимая головы, ответила Клаудиа и, не дождавшись окончания разговора, вышла.

Впрочем, скоро этот разговор принес Клаудии определенные перемены в ее положении. С самой весны по обители пошли слухи, что их посетит кардинал герцог де Вальябрига. К этому событию готовились все, начиная от настоятельницы и кончая последней посудомойкой. После разграбления, пожара и мученической смерти большинства салесок, в монастырь ручьем

⁵³ Дамаскин Иоанн (ок. 675 – до 753) – византийский богослов и философ, чьи работы признаются и католической и православной церквями.

потекли пожертвования, и меньше чем через год, он снова уходил в небо всеми четырьмя башнями. Однако внутри все еще было пусто и сыро, а потому основную ставку мать Агнес решила сделать на подвижничество своих подопечных. Действительно, пережившие ужас монахини удвоили, если не утроили свою набожность, над обителью сиял ореол подвига матери Памфила, и привлеченные его светом, сюда теперь шли многие. Однако пылкой южанке аббатисе все не хватало какой-то изюминки, какого-то блеска.

Вальябрига появился в полдень, но уже с шести утра салески стояли рядами во внутреннем дворе и молились, перемежая молитвы пением. Клаудиа, как самая юная, стояла в первом ряду и почти механически повторяла слова молитв и хоралов – она думала о том, что кардинал едет сюда из Мадрида и, несомненно, еще несколько дней назад видел того, кто после ночной атаки французов окончательно занял ее мысли. Ведь это именно он, как говорили все вокруг, смог остановить ужасное кровопролитие и заключить мир с Францией. Князь мира представлялся ей теперь уже не юношей на коне, а почти богом в золотых одеяниях и с ярким чувственным лицом уроженца Эстремадуры. Грезя о своем неведомом рыцаре, девочка даже не заметила, как прошли долгие шесть часов, и только вздрогнула, когда весь двор залил алый свет кардинальской сутаны. Монахини упали на колени, а Клаудиа, как ребенок, не сумев отвести глаз от восьмиконечных бриллиантовых звезд, все продолжала разглядывать этого высокого молодого человека в красных одеяниях. Кардинал улыбнулся, глядя на столь юное серьезное лицо, не скрывавшее детского восторга, но, проходя, плавным движением руки все же заставил девушку последовать примеру остальных.

После торжественной мессы дон Луис-Мария герцог де Вальябрига как член королевской семьи и к тому же человек молодой и вполне светский пил кофе в заново отделанных покоях аббатисы. Поговорив о столь неожиданном процветании монастыря и его благотворном влиянии на этот дикий горный край, он перешел на более интересные для него темы.

– Вы не слышали о последней выходке герцогини Осуны? – Настоятельница в восторге прижала руки к сердцу и приготовилась слушать. – Представьте себе, французский посол, этот безбожник, с коим мы теперь вынуждены водить дружбу, пригласил герцогов Осуна на ужин, и, увы, бедняга, выставил слишком мало шампанского. И что вы думаете? – кардинал небрежно перекинул ногу на ногу под тяжелой сутаной.

Настоятельница, никогда в жизни не видевшая герцогиню Осуну, но столько слышавшая о ней, изобразила на своем подвижном лице намек на нечто непристойное.

– Ни за что не догадаетесь. В ответ герцогиня приглашает посла к себе на ужин, и, когда он к ним прибывает, велит напоить до отвала шампанским... его лошадей.

– Да и поделом этому лягушатнику, – рассмеялась аббатиса. – А что слышно о герцогине Альба, нашей благодетельнице?

– О, герцогиня Альба устроила такое, чего, кроме нее, пожалуй, никто и никогда не смог бы сделать. Вы не слышали о пожаре в ее новом дворце?

– Нет, Ваше высокопреосвященство. Мы живем уединенно, скромно...

– В таком случае вы не знаете этой истории.

– Не знаю, Ваше высокопреосвященство.

– Так вот, герцогиня недавно построила себе новый роскошный дворец Буэнависта, решив затмить его прелестью даже королевскую резиденцию. Вы же знаете, она вечно во всем соперничает с нашей Марией Луизой.

– Да, это известно всей Испании.

– Вскоре в этом новом дворце случился большой пожар, нанесший значительный ущерб, и герцогиня, конечно же, обвинила в поджоге королеву. Однако, поскольку у нее не было прямых улик, она придумала следующее: восстановила дворец, сделав его еще более роскошным, и пригласила на открытие королевскую чету.

– И королева не отказалась от приглашения?

– Королева, должно быть, побоялась, что отказ будет расценен как доказательство ее виновности, и, конечно же, приняла приглашение.

– И что же герцогиня?

– О, это было фантастическое зрелище! В самом конце праздника, проходившего чрезвычайно весело и с предупредительнейшей любезностью, начался поразительный фейерверк. Все сверкало и взрывалось, рассыпая по парку целые снопы искр и языки пламени. Поначалу никто ничего не заподозрил, но потом вдруг всем гостям, находившимся в это время в саду, стало ясно – полыхает только что восстановленный дворец герцогини. Все потеряли дар речи, и вдруг в этой тишине, нарушаемой лишь треском гигантского пламени, прозвучал отчетливый и веселый голос герцогини, стоявшей рядом с Их Католическими Величествами: «Чтобы более ничем не утруждать своих друзей, я решила, что на этот раз лучше сама сожгу свой дворец!»

– Пресвятая дева! А что королева?

– Королевская чета тут же покинула герцогиню. А на следующий день ей было предписано покинуть Мадрид и отправиться в самое отдаленное ее поместье, в Сан Лукар.

– Вот бедняжка. И она уехала?

– Да, через месяц после этого, сделав вид, что покидает столицу на три года из-за траура по мужу, который внезапно умер.

– Несчастный герцог. Ему же было никак не более сорока.

– Увы. Но он все последнее время болел, так что смерть его ни для кого не явилась неожиданностью.

– Но какова герцогиня! – с блестящими глазами вновь воскликнула аббатиса.

Насладившись произведенным эффектом, дон Луис позволил своим мыслям потечь еще в более свободном направлении и тут же вспомнил черные восторженные глаза в шпалере встречавших его монахинь.

– А что это за дикарка, которую мне пришлось едва ли не силой поставить на колени? – улыбнулся Луис-Мария.

– А, сестра Анна. Это одна из тех, кто пережил французское нападение, ваше высокопреосвященство.

– Бедный ребенок! Надеюсь, она осталась чиста? – кардинал многозначительно изогнул светло-каштановую бровь.

– О, да. Она пряталась в лесу.

– Прекрасно. Позовите ее.

И Клаудию вновь привели туда, где она еще совсем недавно впервые услышала страшное слово «постриг». На этот раз она быстро преклонила колени и поцеловала протянутую руку, не выпуская при этом прижатую к груди книгу.

– Встаньте, дитя мое, – бархатным голосом произнес кардинал. – Я вижу, вы усердны и никогда не расстаетесь с писаниями святых отцов.

– Да, ваше высокопреосвященство. Я стараюсь читать как можно больше.

– *Ti mantchaneis?* – заметив, что в руках девочки греческая книга, спросил Луис-Мария, с явным удовольствием оглядывая точеное бледное личико, капризный, но твердо очерченный рот, упрямый подбородок и пыльные, но печальные глаза.

– *Plutarhe, o hierie pater,* – и Клаудиа протянула старинный том.

– *Kai ti legei ton axion patera?*

– *Prepon esti ten men psuchen odune, ton de gastera semo askein.*

– *Pos kalos legeis, o pai!*⁵⁴ Боже праведный, так эта малышка и в самом деле читает на греческом! – едва верил своим глазам кардинал.

⁵⁴ – Что ты изучаешь?– Плутарха, святой отец.– И что говорит этот достойный муж.– Следует упражнять душу горем, а желудок – голодом.– Как прекрасно ты говоришь, дитя (греч.)

– И на латыни, и на французском, ваше высокопреосвященство, – радостно ответила Клаудиа, не видевшая в своих умениях ничего особенного, но обрадованная возможностью поделиться ими.

– Кто же научил тебя?

– Испанскому и греческому – падре Челестино в Бадалоне, а латинскому и французскому – амма Памфила, да хранят ее ангелы в Царствии Небесном.

– Так ты из дворян?

– Я – Клаудиа Рамирес Хуан Хосе Пейраса де Гризальва, ваше высокопреосвященство.

– Хм. И ты собираешься посвятить себя Богу?

Тут вдруг Клаудиа на мгновение растерялась. Сказать в лицо кардиналу, что вся ее жизнь здесь направлена лишь на то, чтобы выйти отсюда – невысказано. Но и лгать... И снова страх пострижения охватил девушку. Она покраснела, низко опустила голову и пробормотала:

– Как будет угодно Господу, ваше высокопреосвященство.

– Что ж, ступай. – Луис-Мария еще раз скользнул опытным мужским взглядом по стройному телу, проступающему сквозь тонкую ткань, и снова протянул руку для поцелуя. – Грешно скрывать такой перл учености и благочестия в вашей глуши, – небрежно заметил Вальябрига, как только за послушницей закрылась тяжелая дверь. – Как она сюда попала?

– Говорят, ее привезла мать Памфила. Вероятно, бедность семейства...

– Ее кто-нибудь навещает?

– Никто, ваше высокопреосвященство. И никакой почты.

Луис-Мария задумчиво посмотрел на свои длинные отполированные ногти.

– Вы будете отвечать мне за нее головой, мать Агнес. В силу некоторых обстоятельств я не могу торопиться, но через год я заберу ее у вас и переведу в одну обитель в Мадриде. А пока предоставьте ей все возможные в ее положении удобства: ну, тонкое белье, прогулки, хорошее вино... Через год она должна стать настоящим цветком. И не забывайте регулярно сообщать мне о ней – у меня, как вы понимаете, есть немало других дел, чтобы самому напоминать вам об этом.

* * *

С этого дня Клаудиа получила относительно большую, чем остальные, свободу и, не понимая причин, постаралась использовать ее на совершенствование своих знаний в области лекарственных трав и медицины. Теперь после заутрени она могла уходить в горы и собирать всевозможные корни, плоды и листья, чтобы, придя в монастырскую аптеку, внимательно выслушивать наставления старой матери Терезы.

– Вот алтей – это от першения в горле, а это кассия – при спазмах в желудке... А вот арникой надо пользоваться весьма осторожно, она может привести к черной меланхолии... Ну, а это ладонь Христа – спасение от всех болезней...

Часто в этих одиноких прогулках Клаудии приходила мысль о том, что можно вот так идти и идти по густым вянущим лугам и никогда больше не повернуть назад. Но она знала, что таким образом ей никогда не дойти до родной Бадалоны, ибо пропавшую королевскую салеску тут же кинуться искать повсюду, и первый встречный агент святой инквизиции, не обнаружив у нее на руках разрешения настоятельницы, вернет ее уже не в монастырь, а в подвал. Таких историй она наслушалась в обители предостаточно. Да и куда она пойдет? Не к падре же Челестино! И не в лачугу Педро, которого, конечно, уже давно там нет. А где искать донью Гедету? Значит, надо ждать другого выхода.

Но этот другой выход, намеки на который Клаудиа стала получать очень скоро, испугал ее не меньше пострига. Спустя пару месяцев после посещения кардинала аббатиса вызвала ее к себе и весьма любезным тоном поинтересовалась, устраивают ли послушницу Анну те условия,

в которых она живет. Девушка, верная своему тайному оружию – послушанию, призналась, что большего ей не нужно. Тогда мать Агнес достала из складок своей рясы бархатную коробочку и фальшиво небрежным жестом протянула ее девушке.

– Его высокопреосвященство кардинал де Вальябрига высоко оценил твою ученость и твое рвение в соблюдении постов и служб – он присылает тебе это как залог его милости и ожидает от тебя еще большего усердия.

Клаудиа поклонилась и, не глядя, убрала коробочку в карман.

– И ты даже не посмотришь, что там? – с нескрываемым разочарованием удивилась аббатиса.

– Я счастлива любым знаком внимания его высокопреосвященства.

«А девчонка – далеко не такая простушка, как я полагала, – подумала мать Агнес. – Возможно, сначала она сгодится еще и мне».

– Видишь ли, нельзя понимать жизнь в обители лишь как череду бессмысленных послушаний. У нас здесь есть своя жизнь, и свои удовольствия.

– Мне ничего больше не нужно.

– Не надо торопиться, милая Анна. Хочешь кофе? Или немного малаги?

– Благодарю вас, мне ничего не надо.

– Но ты любишь книги. Постой, у меня есть замечательное издание «Божьего града»⁵⁵ и за твое прекрасное поведение я готова дать его тебе. Разумеется, лишь на несколько дней. Наслаждайся, но помни: человеку чистому душой все кажется чистым и целомудренным. Испорченные же натуры во всем видят только зло и соблазн.

– Благодарю, – спокойно ответила Клаудиа и вышла, взяв томик *in quarto* в розовом сафьяне.

Оказавшись у себя в новой просторной келье, она встала у окна, полная сладостного предвкушения, охватывавшего ее всегда перед чтением хорошей книги, и наугад раскрыла тяжелый томик. Через секунду он с глухим стуком упал на пол, и веером промелькнувшие страницы явили девушке еще худшее зрелище: внутри книги святого были искусно вклеены омерзительные картинки блудодейства и порока во всех его возможных видах. Краска гнева и стыда бросилась в лицо Клаудии, и уже осторожно, как ядовитую змею, она вынула из кармана подарок его преосвященства. Однако, раскрыв коробочку, ничего опасного не увидела: перед ней на белоснежном атласе живым светом сиял крупный изумруд мавританской огранки. Повинуясь извечной женской склонности, она надела тоненький обруч на палец – и впервые поразились красоте своей руки, которую внезапно раскрыло кольцо. Бедной девочке, не имевшей лучших игрушек, чем вырезанные из дерева свистульки и сваленные из овечьей шерсти куклы, такой перстень показался просто сказочной роскошью. Клаудиа долго ходила по комнате, то поднимая рукой в кольцо подол рясы, то берясь за ручку двери, то поправляя накидку на ложе – и все эти движения, совершаемые рукою в кольцо, казались ей бесконечно изящными и грациозными. Но вот она протянула руку, чтобы поднять лежавший на полу страшный том, и вдруг резкий отсвет изумруда лег на изображение обнаженной одалиски, изгибающейся в объятиях какого-то солдата... И неожиданно девочке стал пронзительно ясен смысл кардинальского подарка.

Через несколько мгновений придя в себя, она с омерзением сдернула с руки кольцо и захлопнула книгу. Ужас предстоящего смешался для нее и с ужасом открытия постыдных внутренних тайн церковной жизни. Она сразу вспомнила и слышимые в детстве рассказы в лавочке о том, как под Жероной осушали кладбище за монастырем и обнаружили там целые кучи костей новорожденных младенцев, а в Таррагоне один монах обесчестил всех девушек, посвятивших себя Богу. Тогда она воспринимала это лишь как страшные сказки, а теперь...

⁵⁵ «О Граде Божьем» – труд Блаженного Августина.

А теперь для нее с новой силой вдруг зазвучали слова матери Памфилы, которая в первые же дни привела ее к склепу, где в одной из ниш, увенчанных разбитым распятием, была какая-то могила.

– Эта сестра, – пояснила настоятельница, – в сопровождении своего любовника бежала из монастыря, но была поймана и приговорена к смерти. Она была живьем замурована в нишу. Что же касается ее возлюбленного, то его сожгли на костре. А рядом ниша, где за попытку бежать из монастыря заживо погребена сестра Анна.

Прометавшись всю ночь без сна, Клаудиа поняла, что пока ее спасением по-прежнему является лишь все то же ее обоюдоострое оружие: молчание и послушание.

Наутро она, не скрывая своей томной бледности, вернула аббатисе книгу.

– Какое усердие, Анна!

– Я читала всю ночь, амма.

– И, надеюсь, насладились вполне?

Клаудиа подняла на мать Агнес ясные глаза.

– Я не столь совершенна в вопросах построения Града Божьего и потому прошу вас дать мне в помощницы какую-нибудь сестру постарше, дабы она разъяснила мне все тонкости.

Настоятельница пришла в восторг от такого оборота дела и немедленно указала девочке на сестру Антонию, девушку лет семнадцати, веселую и бойкую, но с прозрачными, ничего не выражающими глазами. Сестра Антония была одной из тех, кого мать Агнес привезла с собой из Малаги. Сойтись с нею Клаудии не составило особого труда: она умела располагать к себе людей, а несколько намеков на то, что она, дворянка, не гнушается обществом дочери торговца, несколько партий с ней в тутэ, несколько переписанных нот – и Антония посчитала Клаудию своей лучшей подругой.

– Надо же, какая ты простая! – не переставала восхищаться монахиня. – А все говорят, что ты гордячка. И как здорово, что мы с тобой подружались! Теперь можно завертеть столько всего интересного! – И Антония уже тянула губы к ее уху, то ли для того, чтобы сообщить что-то неприличное, то ли для поцелуя. Но Клаудиа, выслушивая ее нашептывания, быстро вновь надевала на себя свою броню прилежания и замкнутости, и Антонии приходилось отступать.

Так за несколько месяцев притворства Клаудии удалось узнать больше, чем за три года настоящего труда и благочестивой жизни. Кардинал де Вальябрига регулярно справлялся о ней и посылал то несколько бутылок французского вина, то вольную греческую комедию, то даже румяна или пудру. И то, что было для нее гнетущим позором и ужасом, остальными в обители воспринималось почему-то как величайшее везение, и сама настоятельница, передавая подарки, глядела на Клаудию почти влюбленными глазами. Как правило, все, кроме книг, девушка отдавала в обитель, и потом часто видела то яркую краску на щеках аббатисы, то бокал вина на ее столе. Аббатиса все чаще приглашала Клаудию разделить с ней трапезу и вела долгие бессмысленные разговоры ни о чем. Она крала у Клаудии время от занятий, которые стали ее убежищем вдвойне, и доводила девочку почти до озноба своими жадными взглядами и ласковыми прикосновениями. Эти взгляды скоро стали беспокоить девушку гораздо больше кардинальских подарков. Вальябрига был в Мадриде, а мать Агнес – за стеной.

И однажды Клаудиа не выдержала и впрямую спросила об этом у Антонии.

– Сестра Антония, скажи, а почему мать аббатиса в последнее время смотрит на меня как-то странно? И так со мной ласкова?

Антония долго хохотала, но потом ответила:

– Ой, сестра Анна, знаешь что, лучше не говори об этом больше никогда и ни с кем, кроме меня. А за это я готова раскрыть тебе еще одну тайну.

При этих словах Клаудиа почувствовала, что теперь ей придется залезть в монастырскую грязь еще дальше, но, в конце концов, она уже достаточно взрослая, и чем больше узнает теперь, тем легче ей будет потом найти возможность покончить с этой ужасной монастырской

жизнью. «Право, лучше уж стирать на рыбаков в первой прибрежной деревне, чем проторчать всю жизнь здесь!» – с тоской подумала она, но вслух весело сказала:

- Так Расскажи мне скорей, сестра Антония.
- Хорошо, только придется тебе немного подождать...

* * *

Через несколько дней, в один из ненастных осенних вечеров, когда ветер дьяволом выл в монастырских башнях, Антония, лукаво улыбаясь, с видом заговорщицы предложила Клаудии прогуляться по саду. Лил дождь, подряски прилипали к телу, но Антония шла в темноте уверенно, словно днем. Наконец, в глубине сада показалась небольшая, едва различимая в ночи часовня. В отличие от той часовни, в которой Клаудиа ожидала своего пострига, эта находилась на территории монастыря, но никем не посещалась и вечно была заперта на замок. Она в числе одной из немногих построек сохранилась при нападении, то ли благодаря своей заброшенности, то ли просто по недостатку времени у грабителей, рыскавших внутри монастыря.

– Это один из павильонов уединения, – удивилась Клаудиа. – Зачем мы сюда пришли? Он ведь заперт, а ключ только у настоятельницы и... – Но она не закончила фразы, ибо уже в следующее мгновение Антония жестом фокусника достала из кармана ключ и с тихим смехом открыла тяжелую, набухшую водой дверь.

Войдя внутрь в кромешный мрак и сырость, она сунула Клаудии в руку огарок свечи, тщательно заперла часовню изнутри и, взяв Клаудию за руку, подвела ее к алтарю. Затем сестра Антония отодвинула в сторону налой, и удивленная Клаудиа увидела, что под ним скрывалось большое отверстие в полу. Сестра Антония взяла у Клаудии вдруг потухшую от пахнувшего снизу холода свечу и, взяв ее за руку, повела по каменной лестнице вниз, предложив ступать осторожно, чтобы не оступиться.

– Может, зажжем свечу? – осторожно предложила Клаудиа, чувствуя, что ей становится просто физически плохо от липкого мрака и потной горячей руки Антонии.

– Нет, нельзя, – торопливо шепнула та и еще сильнее стиснула пальцы.

Они долго шли по подземелью, касаясь осклизлых стен, пока не достигли новых ступеней и не стали подниматься. Тут вдруг сестра Антония горячо прошептала Клаудии в ухо:

– Если тебе дорога жизнь, ступай тихо, как мышь, и не подавай никаких признаков жизни.

Теперь они оказались опять где-то наверху, ибо неподалеку тускло поблескивало маленькое оконце. Клаудиа хотела было подойти и попытаться рассмотреть, где они, но Антония вдруг зачем-то легла прямо на пол.

– Подойди сюда и делай, как я, – жестами приказала она.

Дрожа от холода и омерзения, Клаудиа последовала указаниям Антонии, и они вдвоем прильнули к щели среди мусора и сухих листьев. Перед ними, освещенная несколькими свечами, была видна просторная комната, в которой Клаудиа сразу же узнала покои настоятельницы.

Стояла глубокая ночь, но мать Агнес находилась в обществе послушницы, лицо которой было скрыто покрывалом, и новенькой девятилетней девочки, появившейся в монастыре на днях. С голубиным воркованием все трое делали вещи, которым Клаудиа не знала даже названия... Бедная Клаудиа и не подозревала, что их строгая мать настоятельница может быть настолько нежной и ласковой.

Сколько пролежали они так на ледяном полу, Клаудиа не помнила – наверное, на какое-то время она просто потеряла сознание. Наконец, Антония дернула ее за рукав.

– Уходим, быстро! Вышла луна – а нам еще надо пробраться обратно.

По подземному коридору они бежали уже бегом, и только на воздухе, где ненастье неожиданно сменилось ясной лунной ночью, Антония, довольная произведенным на подругу впечатлением, пояснила:

– На языке матери Агнес это называется «платонической любовью». А если тебя интересуют более интимные подробности, приходи завтра ночью ко мне в келью. Я вижу, с тобой можно иметь дело. – И она сунула в руку Клаудии ключ, который та механически взяла. – Этим ключом открываются в монастыре любые двери, кроме тех, что ведут наружу. Отдашь мне его завтра.

Клаудиа снова провела бессонную ночь. Она чувствовала себя преступницей, ключ жег ей руку, не помогали ни молитвы, ни воспоминания об отце. Теперь перспектива попасть в руки кардиналу де Вильябриге, хотя девушка уже не сомневалась больше в его намерениях, начинала казаться ей чуть ли не спасением, по крайней мере, выходом. Весь день она провела, как в бреду, и после полуночи прокралась в келью к Антонии. К ее удивлению, там пылал камин, а на столе красовались пастила и фрукты.

Клаудиа намеренно остановилась у самой двери и протянула Антонии ключ.

– Вот он, а от остального меня избавь.

Монахиня проворно спрятала ключ.

– Я хочу тебе только добра. Привыкни к таким зрелищам. Это, в частности, поможет тебе понять, что от них не умирают, а заодно и быть готовой к более худшему. Буду с тобой откровенна: если ты, в конце концов, не согласишься на притязания настоятельницы, тебя ждет мало хорошего.

Клаудиа гордо вскинула голову.

– Я пережила смерть матери, провела несколько недель в лесной часовне на хлебе и воде, уцелела при разграблении монастыря...

– Ах, вот как! Ну, тогда тебе и вправду нечего бояться. В таком случае просто сядь со мной рядом и послушай, что я тебе расскажу. Время от времени в главном зале собираются все монахини и послушницы, и самую юную из них полностью раздевают и туго прикручивают ремнями к скамье, так что она не может даже двинуться. Вперед выходит какая-нибудь из «платонических» любовниц матери Агнес с пучком березовых веток и начинает хлестать обнаженное тело. Бедняжка извивается от боли и стонет. Спина ее постепенно начинает представлять собой открытую зияющую рану, с которой обильно сочится кровь. Но вот нескончаемые крики обессиливают бедняжку, и она лишается чувств. Тогда наша добрая мать настоятельница брызгает ей в лицо водой или одеколоном, и после того, как бедняжка приходит в себя, ей наносятся еще несколько ударов, положенных до полного счета. Остальные, приговоренные к наказанию, сидят рядом, в ужасе ожидая своей очереди.

– Неужели здесь всех так наказывают?

– Нет, не всех. Некоторых наказывают иначе. Некоторых хлещут бичом по мягким частям тела. Эти несчастные обычно кричат еще энергичнее и громче. Но их не привязывают к лавкам, а взирающие на их муки сопровождают каждый удар бурными выражениями восторга. Потом эти сестры, встав после такого наказания, совсем не плачут, а нагло и довольно улыбаются. И в свою очередь принимаются за дело.

– За какое дело?

– Берут в руки бич и отчаянно хлещут по оголенным местам своих истязательниц. Здесь принято, чтобы приговоренные по очереди наказывали друг друга.

– Но зачем это?

– Благодаря таким наказаниям закаляется характер и притупляется чувство стыда. Впрочем, все они просто-напросто получают от этого дикое удовольствие.

– Все?

– Да, все. Кроме тех, кого хлещут березовыми ветками. Эти потом неделями не могут встать с постели.

– Но ничего этого здесь никогда не было! Ты просто запугиваешь меня! – громко воскликнула Клаудиа, порываясь уйти.

– Возможно, пока и не было. Или было при вашей Памфиле, когда ты была еще дурочкой и крепко спала по ночам. Разве ты не знаешь, что среди монахинь большинство уже успело пройти огонь и воду, вкусить всех благ и мерзостей привольной жизни? Они укрываются в монастыре лишь для того, чтобы еще энергичнее упражняться в своих... страстях, поверь мне.

– И что же... теперь?.. – едва прошептала Клаудиа, даже и не подозревавшая, что от всех этих ужасов ее охраняет пока один лишь каприз его высокопреосвященства.

– Теперь? Теперь ты снова придешь ко мне завтра, и я научу тебя, как понравиться матери Агнес.

– А если я не захочу ей понравиться?

– Тогда тебя будут стегать березовыми ветками.

Клаудиа встала и молча ушла.

В ее распоряжении оставались сутки.

* * *

В самом начале декабря еще до рассвета салески были разбужены перезвоном колоколов. Клаудии спронежь показалось, будто эти торжественные звуки уже призывают всех обитателей монастыря для наказания единственной непокорной послушницы, и она заметалась по комнате, как по клетке. Однако забежавшая за ней Антония, заговорщицки, уже как сообщнице, подмигнув, объяснила причину такого необычного шума. Оказалось, что в этот день большинство сестер должно было отправиться в Уржел, дабы присутствовать там при исполнении приговора местного аюнтамьенто.

– Но, как ты понимаешь, это, конечно, дело рук самого дона Рамона.

Это имя⁵⁶ наводило страх на всю Испанию, им не даром пугали детей, и Клаудиа вздрогнула, будто огонь уже лизал ее ноги.

– Возьми себя в руки, Анна. Ночью ты должна быть в форме, а это дневное развлечение только подогреет тебя, как следует.

– В чем же обвиняют этого человека? – уже спускаясь вниз, спросила все-таки овладевшая собой девушка.

– Это, между прочим, женщина, жена одного местного крестьянина, – ответила всезнающая Антония. – Говорят, она утверждала, будто Иисус Христос открыл ей, что освятил ее тело, изменив ее плоть и кровь в субстанцию своего тела, чтобы ближе соединиться в любви с нею. Каково! О ней много спорили повсюду, а в это время поклонники водили ее по улицам в торжественной процессии с зажженными свечами, провожали в церковь, кадили ладаном, как святую... Ну, дело кончилось, разумеется, подвалом, да не только для нее, но и для некоторых особенно ярких ее сообщников. И вот сегодня ее сожгут, а приходский священник и два монаха, виновные в сообщничестве, будут до самого места казни следовать босиком в коротких одеждах с дроковой веревкой на шее вслед за санями с еретичкой. Потом их навсегда лишат сана и сошлют куда-нибудь, наверное, на Филиппины. Но бежим, я слышу, уже понукают лошадей.

До Уржеля путь был неблизким, около семи лиг, и процессия из неуклюжих колымаг, возглавляемая шегольской каретой аббатисы, тащилась вдоль реки часов пять. Клаудию охватило лихорадочное возбуждение. Она не покидала стен монастыря уже несколько лет, ост-

⁵⁶ Дон Рамон Хосе де Арсе, архиепископ Бургоса, Сарагосы и патриарх Индии, глава испанской инквизиции в описываемое время, сменивший Лоренсану.

рый пряный воздух с долин Сегре кружил голову, и сердце разрывалось от возможности снова оказаться в городе, среди людей... Когда еще такой случай повторится? Девушка пыталась представить себе, как выскользнет из рядов салесок, смешается с толпой, наймется стряпухой, прачкой... Но ее одеяние? Ее белые руки, по которым любой угадает беглую монахиню или дворянку?

Старые кареты уже загрохотали по булыжникам главной площади городка, а Клаудиа так и не могла ничего придумать.

Площадь была уже запружена народом, среди которого шныряли монахи-францисканцы, собиравшие подаяния на будущие обеды за упокой души еще живой жертвы, и сомнительные личности, предлагавшие за плату скамеечки, чтобы лучше было видно. На балконах вокруг тоже было немало женщин. От деревянного помоста толпу отделяла цепь солдат, и Клаудиа с колотящимся сердцем пыталась рассмотреть, нет ли среди них отца. Все были возбуждены, ведь подобного аутодафе в Испании не было уже лет десять, если не больше, поэтому сюда стекались и сгонялись люди со всей округи. Перед королевскими салесками, которые парами шли к помосту, чтобы встать вторым рядом после солдат и петь зауспокойные молитвы, расступались, и глаза Клаудии металась между лицами, словно она надеялась увидеть хотя бы одно знакомое.

Но вот часы пробили полдень, и на помост вывели еретичку.

Она шла, одетая в традиционное санбенито⁵⁷, и языки его пламени, направленные вниз, при каждом шаге колыхались, будто настоящие. Это была еще достаточно молодая и очень красивая женщина, и шла она медленно, оттягивая последнюю минуту. Но вот уже она упала на колени на ступенях помоста, и монахини обступили ее плотным кольцом, чтобы никто не видел, как она будет исповедываться в последний раз. Потом женщину подтолкнули наверх и, расчистив место между вязанок хвороста и сена, привязали к столбу.

Осужденная попросила прощения у человека, который должен был запалить огонь, и из последних сил простонала:

– Слава пресвятой деве дель Пилар!

И в тот же момент загудело, завывало на пронзительном ноябрьском ветру пламя, раздался истошный вопль жертвы, и Клаудиа, в ужасе отвернувшись в сторону толпы, почувствовала, что сознание покидает ее. Последнее, что она увидела, был какой-то проталкивавшийся поближе к действию высокий юноша с черными волосами, собранными сзади в косу по моде тореро...

⁵⁷ Санбенито – одеяние типа мешка желтого цвета, разрисованное огненными языками, устремленными вниз – в знак поражения зла огнем небесным, надеваемое на приговоренного к сожжению на костре.

Глава седьмая. Чудесное избавление

В забытый богом городок неподалеку от андоррской границы Педро попал достаточно случайно: наставник отправил его туда, дабы передать некий пакет человеку, который должен был перейти Пиренеи и остановиться в первой же самой богатой гостинице, которой оказалась «Пасо де пече». Задание это не составляло никакого труда, если не считать, что за любым иностранцем всегда тщательно наблюдала инквизиция, и передача пакета могла легко закончиться в известном подвале. Во всяком случае, для представителя испанской стороны. Но Педро, который в свои семнадцать благодаря постоянным упражнениям и жизни на воздухе выглядел на все двадцать, не очень опасался зеленых посланцев, а риск только придавал предприятию прелести.

Одетый учеником тореадора, в плотно обтягивающих коротких штанах, высоких чулках и куртке, он беспрепятственно добрался до гостиницы, и до положенного времени власть поел и отоспался. Потом он совершенно незаметно сумел передать пакет в шелковистой бумаге некоему господину явно республиканского толка. И после выполнения поручения, предпочитая путешествия ночью, договорился с арреро на вечер. Теперь у него в распоряжении оказалось целых полдня. На эти полдня Педро вознамерился пройти на городскую площадь, чтобы свести там знакомство с какой-нибудь, по выражению наставника, субреткой, и приятно провести подаренное судьбой время. Он уже давно научился не терять в жизни ни минуты, ибо порой эта минута могла оказаться последней. Но по дороге его захлестнул поток людей, нервно куда-то торопящихся, и из обрывков их разговоров юноша понял, что на площади городка намечается торжественное аутодафе – будут жечь еретичку. Такого в Испании не было уже более десяти лет. Его молодая здоровая натура содрогнулась от одной мысли о предстоящем событии, но выбраться из потока людей было не так-то просто. Поэтому, не испытывая особой необходимости идти против, он стал двигаться в том же направлении, тем более, что какая-то часть его существа все-таки влекла юношу навстречу предстоящему ужасу, хотя Педро и старался изо всех сил идти помедленней.

Когда он оказался на площади, где еще полчаса назад намеревался насладиться бойкими глазками и туго натянутым чулком под шерстяной юбкой, там уже стояли ряды солдат, и приезжие сестры-монашки заунывно тянули литанию. С высоты своего роста Педро видел, как сначала над осужденной склонились голубой волной салески, как затем ее привязали, как взметнулось пламя и как одна молоденькая монахиня, видимо, в первый раз присутствовавшая на казни, отвернувшись, полубезумными глазами обвела толпу и начала клониться в обмороке.

И вдруг что-то в этих черных, расширенных от ужаса глазах, буквально пронзило юношу, и в следующее мгновение в его сознании ярко вспыхнула далекая ветреная весенняя ночь над равнинами Каталонии...

– Клаудиа! – прошептал он, еще не веря себе, и рванулся в толпу.

Но когда он добрался до помоста, потерявшую сознание салеску уже несли к ряду старых карет. Расталкивать ряды монахинь он не мог, как не мог и подобраться поближе к колымаге, окна же в ней оказались наглухо закрытыми кожаными шторками. Костер еще полыхал, и Педро справедливо рассудил, что монахини не смогут разойтись до тех пор, пока он горит, ибо их и привезли сюда для того, чтобы сопровождать своим пением душу несчастной. Значит, у него оставалось еще полчаса. Он щедро бросил песету оборванцу-мальчишке, крутившемуся рядом, чтобы тот присматривал за каретой, а сам помчался на почтовую станцию и, отдав все имевшиеся у него деньги, взял выносливого кордовского жеребца.

Вернулся он вовремя – монастырские повозки уже втягивались в переулок, и Педро понял, что их путь лежит прямо на север, в горы. Туда вело две дороги: вдоль Сегре и на Андорру. Поскольку в открытую следовать за монастырскими повозками было неразумно, надо

было немедленно решить, какую из них следует выбрать. Юноша поставил на то, что такие развалюхи не рискнут ехать горными перевалами, и быстро погнал коня к реке. Только теперь, когда мысли его, наконец, оказались свободными, он смог полностью отдаться своим размышлениям и переживаниям. Клаудиа – здесь! Клаудиа – в одеянии королевской салески! Из-за плотно охватывавшего ее голову апостольника он даже не успел толком разглядеть, как она сейчас выглядит, и если бы не этот обморок, если бы не эти глаза... Педро даже вздрогнул от одного сознания того, что мог не заметить, не узнать Клаудилью, о которой почему-то даже не вспоминал в этот день. И, пораженный этой мыслью, он инстинктивно сильнее сдвинул шенкелями бока жеребца. Тот обиженно всхрапнул, и юноша, знавший, что если ты хочешь надеяться на животное, как на самого себя, надо и относиться к нему так же, ласково потрепал горячую шею.

– Прости, ниньо⁵⁸, я неправ.

Значит, она не в подвалах, а в обители... Но какой волей – своей или чужой? Педро вспомнил живую девочку на лугах Мурнеты и суеверно дотронулся до заветной косыночки на шее. Нет, какая из нее монахиня! Неужели они силой заставили ее постричься?! Или обманом? Ничего, главное, он теперь знает, где она. Осталось только уточнить место, а там – посмотрим. Прожив несколько лет у своего нового покровителя, дона Гаспаро, человека в своем роде уникального, Педро не только научился философски смотреть на религиозные обряды, но и понял, что католическая церковь – не единственная сила в мире. Он вырвет ее оттуда, вырвет откуда угодно. Если не сам, то с помощью дона Гаспаро.

* * *

Несмотря на все испытания, постоянно выпадавшие на долю юноши с самого рождения, Педро все же необычайно везло. Во время драки у придорожного трактира, когда он уже терял сознание, ему вдруг показалось, что топот копыт его мула возник было вновь, но потом раздробился на грохот множества подков и стал нарастать до оглушительной силы, пока не оглушил его окончательно.

Педро был уже без сознания, когда над ним склонился какой-то незнакомец в темной одежде и перевернул его на спину.

– Вот это бой, граф, – сказал он подходящему к нему человеку, в такой же темной одежде.

– Да, хватка прямо-таки мертвая – не человек, волк.

– Вы думаете, они мертвы?

– Похоже.

– Оба?

– Сейчас посмотрим, – с этими словами граф склонился сначала над одним неподвижным перепачканным в крови телом, затем над другим. Приложив ухо к груди, ладонь к устам и попробовав пульс, он выпрямился и сказал. – По здешним меркам мертвы оба.

– Что значит, по здешним меркам, граф?

– А то, дорогой мой друг, что если бы в этот момент здесь не оказались мы с вами, то это заключение можно было бы считать окончательным.

– Значит, в данный момент жизнь еще не совсем покинула их?

– Покинула. Но еще может вернуться, если пожелаете.

– Сделайте одолжение, граф. Такие люди нам могут оказаться весьма полезными.

– Извольте, дорогой друг. Сейчас я возьму свой саквояж.

С этими словами граф отправился к карете, достал из багажного отделения небольшой дорожный саквояж и вернулся к двум бездыханным молодым людям. Немного поколдовав

⁵⁸ Ниньо – мальчик (исп.)

над ними, влив в раздвинутые пальцами губы какой-то микстуры и похлопав обоих парней по щекам, он вдруг сказал в легком раздумье.

– Да, похоже, успели вовремя. – И, обернувшись к своему спутнику, заметил. – Придется нам с вами, любезный друг, далее ехать без прежнего комфорта. Вы как-то хвастались мне, что ваша карета снабжена специальными раскладывающимися сиденьями, легко преобразующими ее во вполне приличную двухместную спальню?

– Я не отказываюсь от своих слов, граф.

– Тогда извольте распорядиться.

Спутник графа отдал свите из шести всадников, одетых едва ли не в такие же темные одежды, как и он сам, нужные распоряжения, и через несколько минут оба бессознательные, но уже с признаками жизни тела были осторожно уложены в карете рядом друг с другом.

Когда через сутки Педро пришел в себя и впервые увидел рядом со своей постелью дон Гаспаро, он несказанно удивился и даже не сразу понял, что именно сказал ему про наваху этот невысокий, но с необычайно живыми глазами человек.

– Кто вы? Где я? – забормотал он. – Неужели я уже на небесах, и вы – Бог?!

– Нет, молодой человек, вы пока еще на земле. И я не Бог. Хотя, возможно, для вас и посланец Божий. Меня зовут дон Гаспаро. А вас? Мы не обнаружили при вас никаких документов.

– Я – Педро. Просто Педро Сьерпес, бродяга и сирота. Но как я оказался здесь, у вас, господин?..

– Дон Гаспаро. Мы с моим другом нашли вас бездыханным на дороге, когда возвращались домой.

– Бездыханным?!

– Да, Педро. Практически вы были уже мертвы, и моему другу, замечательному врачу, потребовалось немало усилий и искусства, чтобы вернуть вас в этот мир. Впрочем, согласно его указаниям, вам, чтобы окрепнуть, придется провести в постели еще около месяца.

– Месяц?!

– Увы, предписания моего друга должны выполняться неукоснительно, иначе полного успеха не обещаю. Так что приготовьтесь не торопиться.

С этими словами дон Гаспаро налил в диковинный зеленый бокал воды, достал какой-то пузырек, капнул несколько капель и протянул питье Педро.

– Теперь вы должны выпить это и снова уснуть. Завтра я опять приду, и мы побеседуем подольше.

Педро протянул еще слабую руку и взял бокал из руки своего спасителя, едва не выронив. Однако, успев вовремя собрать волю в кулак, поднес бокал к губам, даже не расплескав, и жадно выпил содержимое. Израненное тело мгновенно охватило блаженство, и юноша стал погружаться в забытие так быстро, что даже не заметил, как дон Гаспаро тихо, словно кошка, покинул комнату.

С каждым следующим днем дон Гаспаро разговаривал с Педро все дольше и дольше, и юноша постепенно рассказал ему все и о своей короткой жизни, и даже о доне Рамиресе.

– А что это за грязный обрывок ткани нашли мы у вас на шее? – вдруг спросил однажды у Педро его спаситель.

Юноша даже вспыхнул от неожиданности, но быстро поборол свои чувства. С одной стороны ему было несколько неловко, что он скрыл от этого замечательного человека историю с Клаудильей, а с другой стороны, Педро уже давно страдал из-за исчезновения своей единственной драгоценности и никак не мог заставить себя спросить об этом обрывке у дон Гаспаро.

– Это мне дала дочь дон Рамиреса, – с некоторым внутренним облегчением выдал он. – Но ведь вы его не выбросили?.. – вдруг с тайной надеждой взглянул он в глаза этого загадочного человека. Ожидая услышать из его уст утвердительный ответ, юноша все же слегка

побаивался увидеть в черно-золотых глазах легкую усмешку презрения или снисходительности.

– Нет, не выбросил, – совершенно без всякой насмешки спокойно ответил дон Гаспаро. – Но, надеюсь, вы не обидитесь на меня за то, что я все же велел отмыть ее от грязи и крови?

В словах и во всем облике дон Гаспаро было при этом столько простого человеческого понимания и заботы, что Педро схватил его руку и благодарно выдохнул:

– О, благодарю, благодарю вас!

После этих слов дон Гаспаро достал из-за пазухи столь драгоценный для юноши обрывок ткани и передал его Педро.

– Вы любите ее? – спросил он затем таким же спокойным и ровным голосом, как говорил всегда и обо всем.

– Как родную сестру, – облегченно ответил Педро. – Ей было десять лет, когда мы расстались. И я не знаю, увижу ли ее когда-нибудь вновь.

– Знаете, Педро, – после непродолжительной паузы вдруг сказал ему дон Гаспаро, – я видел тогда, как вы дрались. Скажу прямо, вы замечательный боец, хотя и действуете во многом еще не очень умело.

– Не очень умело? – удивился юноша. – Но ведь меня...

– Знаю, знаю, вас учили лучшие бойцы на навах. И, кстати говоря, именно с одним из таких бойцов вы и столкнулись в последнем поединке.

– Да, он, похоже, оказался искуснее.

– Я бы так не сказал. Вы оба оказались достаточно искусны, но оба недостаточно обучены.

– А разве тут можно еще чему-нибудь научиться?

– О, еще очень и очень многому, – рассмеялся дон Гаспаро. – Если желаете, по истечении месяца можете не уходить от меня сразу...

– О, дон Гаспаро, – вдруг жарко прервал его Педро, – если только вы меня не выгоните, я готов всю жизнь служить вам.

– А как же дон Рамирес?

– Я не знаю, где он сейчас. И к тому же... дон Рамирес меня уже все равно отпустил, он даже разрешил мне продать его овец. Да и вообще, я думаю, что если дон Рамирес даже когда-нибудь и отыщется, он тоже сразу же станет вашим другом.

– Как знать, мой мальчик, как знать, – задумчиво ответил дон Гаспаро.

– Все равно, дон Гаспаро, теперь вы для меня, как родной отец, и моя жизнь прежде всего принадлежит вам.

– В этом, пожалуй, вы правы, юноша. Но служба у меня полна опасностей.

– Для Педро в этой жизни нет ничего интересней, чем опасности и приключения.

– Но ведь ты даже не знаешь того, ради чего уже готов жертвовать своей жизнью, едва к тебе вернувшейся.

– И знать не хочу! – решительно отрезал Педро, едва не вскочив с постели.

– То есть?! – дон Гаспаро едва удержал его.

– Не хочу и все. Для меня достаточно знать, что это нужно вам, а остальное меня совершенно не интересует. Поверьте мне, дон Гаспаро. Не выгоняйте меня.

– Что ж, я вам верю. С этого момента можете считать, что состоите у меня на службе.

Педро в порыве благодарности схватил белую руку своего нового покровителя и поцеловал ее. Это был первый человек в его жизни, который обращался к нему на вы...

* * *

Через несколько дней он уже начал вставать, и тогда дон Гаспаро познакомил его еще с одним человеком из своего окружения. Это был невысокий стройный мужчина, с мягкой

походкой, желтым круглым лицом и блестящими раскосыми глазами. Педро до сих пор никогда не видел таких людей – незнакомец был явно откуда-то не из Испании и даже не из Европы, поскольку еще во времена своего детства в Барселоне Педро насмотрелся и на французов, и на англичан, и даже на русских. Этот был совершенно не из их числа.

Но с этих пор Су Цзы, как представил его Гаспаро, или учитель Су, как вскоре стал называть его Педро, повсюду сопровождал пока еще слабого юношу, как бы заново уча его ходить. И юноша постепенно перенимал его походку, манеру двигаться и чуть ли не манеру говорить. Силы возвращались к Педро мощным внешним потоком, и очень скоро он стал чувствовать себя вполне здоровым.

За все время пребывания в замке дон Гаспаро, стоявшем далеко от больших дорог, Педро не знал никаких забот и огорчений. Расстроился он только однажды. В тот день Педро впервые гулял в саду один, без провожатых, как вдруг увидел перед собой того самого коренастого парня, с которым около двух месяцев назад сцепился в смертельном поединке. Педро, хотя и чувствовал себя еще не вполне восставшим из пепла, внутренне собрался и приготовился подороже продать свою жизнь, но ни в коем случае не отступить перед этой наглой улыбающейся физиономией.

– С возвращением на землю, дружище, – неожиданно сказал коренастый, и улыбка его стала еще шире и еще наглее.

– Ты, может, думаешь, ублюдок, что я теперь ни на что не годен? Да я и без навахи растерзаю тебя зубами и когтями.

– Ну-ну, полегче, мучачо⁵⁹. Я вижу, ты просто не в курсе, – спокойно сказал коренастый, но улыбка все же сошла с его лица.

Неизвестно, чем бы закончилась эта встреча, если бы в следующий момент рядом не появился сам дон Гаспаро.

– Это Хуан, а это Педро, – спокойно сказал он, будто и не заметив напряженной позы обоих. – Я знаю, при первой встрече вы так и не успели друг другу представиться. Но это было в прошлой жизни, в нынешней вам пора, наконец-то, познакомиться. – Дон Гаспаро говорил совершенно спокойно, в то время как оба молодых человека продолжали молча стоять, напряженно рассматривая друг друга. – Хуану я уже успел кое-что сказать о вас, Педро. Теперь послушайте и вы. Когда я нашел вас, вы оба были практически мертвы. Таким образом, вы уже расквитались с прошлыми обидами сполна, а новых заводить я вам не советую. Я знаю, вы оба готовы идти до конца – именно поэтому вы оба у меня на службе, и в моих прямых интересах сделать вас лучшими друзьями, а не врагами. Вы поняли меня, Педро?

– Да, дон Гаспаро. Я все понял. Я никогда и ни в чем не нарушу ваших интересов. Отныне я готов считать Хуана своим другом, – сразу же ответил Педро холодным и четким голосом.

– А вы, Хуан?

– Пусть он сначала извинится.

– Извинится за что?

– За ублюдка.

– Ах, Педро! Вы уже успели оскорбить моего слугу! Как вы могли позволить себе такое!

– Извините, дон Гаспаро. Я не знал, что он ваш слуга. Я думал, он снова пробрался сюда, чтобы все же разделаться со мной. – После этих слов Педро немного помолчал, опустив глаза, а потом решительно поднял их на бывшего противника. – Извини, Хуан. Я ошибся.

– Ладно, – снова слегка улыбнулся и пообмяк Хуан. – Я прекрасно понимаю тебя. Но и ты должен тоже меня понять. Стоит только раз спустить кому-нибудь оскорбление...

– Да, Хуан, я понимаю, – все еще холодно ответил Педро. – Отныне мы с тобой вместе будем служить дону Гаспаро. А это значит, что ты для меня отныне будешь как брат.

⁵⁹ Мучачо – парень (исп.)

– А теперь, в знак заключенного вами союза, пожмите друг другу руки.

Юноши повиновались, и дон Гаспаро увел Хуана, оставив Педро на попечение как раз в этот момент подошедшего учителя Су.

– Пиро, – спокойно обратился к юноше Су Цзы, не очень чисто говоривший по-испански, – с завтрашнего утра вы вместе с Ханом приступите к изучению боевых искусств. Отдых закончился, пора готовиться к великим подвигам...

* * *

Более двух лет Педро с Хуаном ежедневно занимались то с учителем Су, раскрывавшим перед ними все тайные возможности тела, кулаков, ног, простых посохов и любого вида оружия; то с гувернерами, специально нанятыми для них доном Гаспаро, обучавших юношей светским манерам и французскому языку; то, наконец, с самим доном Гаспаро, который погружал их в тайники человеческой души и рассказывал о ведущих идеях, испокон владеющих человечеством и отдельными людьми.

И вот теперь Педро уже возвращался со своего первого самостоятельного задания. Поспешно доложив дону Гаспаро о благополучном выполнении поручения, юноша тут же, едва не задышавшись, стал рассказывать хозяину о внезапной находке.

– Вы же помните, я говорил вам о ней, дон Гаспаро. И теперь, наконец-то, ее можно спасти.

Однако пыл юноши, который, тайно преследуя кортеж салесок, выяснил, где находится их обитель и даже сумел нарисовать весьма профессиональный и подробный план монастыря и окружающей местности, был охлажден весьма быстро.

– Святой Франциск? – улыбнулся, как всегда, лишь уголками губ дон Гаспаро. – Это не так-то легко, мой мальчик. Монастырь патронируют такие люди, как герцогиня Альба и лично кардинал Вальябрига, родной племянник короля. Местоположение, насколько я вижу из вашего описания, тоже крайне невыгодное для подобных предприятий: стены практически переходят в скалу над рекой, а единственный подход ведет по совершенно открытой дороге. Не будете же вы брать монастырь штурмом, Перикито?

Педро только прикрыл глаза густыми, как у восточной красавицы, ресницами.

– Я поклялся себе и ей, что никогда не оставлю ее в беде.

– А вы уверены, что она в беде?

– Да! Я чувствую это! Ее похитили, заставили, увезли силой!

– А если, наоборот – спасли?

– Но от чего? Она не совершила ничего, что могло бы...

– Любое действие чем-либо да вызвано. Расскажите-ка мне эту историю поподробнее и при этом постарайтесь посмотреть на все события не взглядом мальчика из приморской лачуги, а мудрым взором человека, которому уже многое дано и многое открыто.

Педро охотно последовал предложению своего наставника и рассказал ему всю ту давнюю историю, не утаив от донна Гаспаро ничего.

– Интересно, весьма интересно. Значит, исчезли все? И эта Пресентасионата тоже? Пойдите, вспомните точно, когда это было, я имею в виду день смерти доньи Марии.

– 14-го апреля, четыре года назад.

– Какая значительная дата, отлично. И вы говорите, девочка хороша собой?

– Она не просто хороша, она красива, как ангел... У нее в лице – душа, – не зная, как лучше выразить необыкновенность внешности Клаудии, сказал Педро.

– Прекрасно, прекрасно. Но, пожалуйста, поточнее опишите мне ее родителей, черты лица, характер...

Выслушав подробный отчет, Гаспаро после непродолжительного размышления поднял уголки губ.

– Что ж, посмотрим, посмотрим. Я не против того, чтобы вы вытащили ее оттуда. Можете пользоваться моими деньгами, в разумных, разумеется, пределах, а конюшней и библиотекой – в неограниченных. И напоследок, один небольшой сюрприз.

Дон Гаспаро поднялся и со своей всегда поражавшей Педро грацией кошки достал с полки большой том лиловой кожи. Положив его на колени, он долго листал его, словно ища чего-то. Наконец, остановив свой взгляд на одной из страниц, обратился к Педро.

– Так вы говорите, что там настоятельницей сейчас является мать Агнесс?

– Да.

– Подойдите сюда и ничему не удивляйтесь.

Педро склонился над обтянутым черным шелком плечом и, стараясь никак не изменить выражения лица, стал смотреть на раскрашенную акварелью гравюру. В комнате, напоминавшей не то келью, не то какой-то гарем, несколько полуобнаженных женщин предавались на пышных диванах противоестественной любви. – Видите, – при этом слове розоватый длинный ноготь наставника указал на лицо самой откровенной из них. – Это бывшая графиня де Альяга, а ныне – мать Агнес, королевская салеска. Большого мне вам сказать нечего. Имеющий уши для того, чтобы слышать, да услышит...

* * *

Через пару дней Педро снова покинул Памплону с большой альфорхой⁶⁰ через седло, одетый как бедный разорившийся дворянин. Уже за воротами его нагнал Хуан.

– Ты идешь один, Перикито?

– Да. Пришло время доказать, что нас учили не зря, и проверить, на что мы способны.

– Ты сам сказал – мы.

– Это мой личный экзамен, Хуан, и он пострашней, чем у Су.

– Но все же вдвоем было бы проще. Ведь, как я понимаю, в случае неудачи, ты рискуешь не только собой?

Педро с благодарностью глянул на своего товарища и тронул коня.

– Вот что, старина, – вдруг, вновь остановив коня, обернулся он, – если и в самом деле хочешь помочь, сгоняй в Сарагосу и попытайся найти там некую повитуху по имени Пресентасионата. Только, смотри, будь осторожен – за ней, кажется, немало грехов!

И Педро ускакал в облаке сухой зимней пыли. Но направился он не на север к горам, а на восток к Порту Бо. Там он провел два дня в венте, болтая и попивая матаро⁶¹ с контрабандистами, и тройку ночей на берегу, поджидая нужную ему лодку. А наутро с набитой сумкой пустился прямо к горам, где провел еще день в разговорах с местными жителями, расспрашивая их о пастбищах и погоде. Потом, купив у них пару меховых курток, Педро отправился дальше.

И вот в ненастный день рождественского сочельника в воротах монастыря Святого Франциска раздался негромкий, но уверенный стук. Мать-привратница, томившаяся завистью к остальным, отдохавшим сейчас перед ночной службой, поспешила открыть деревянное оконце и увидела спешившегося красивого молодого человека в фиолетовом плаще.

– Я проделал долгий путь с побережья и ищу вашу обитель в горах вот уже вторые сутки. Метель и снегопад измотали меня окончательно, – сказал он, стряхивая с себя и коня обильную изморось. – Я – дон Диего Кавьерса, сын разорившегося помещика из Картахены. Все, что у

⁶⁰ Альфорха – седельная сумка.

⁶¹ Матаро – каталонское вино.

меня осталось – это святые книги, и, будучи человеком благочестивым, я хочу принести их в дар монастырю, столь чудовищно пострадавшему от нечестивцев.

Благочестивого юношу немедленно провели на монастырскую кухню, где он снял плащ и отдал его просушить. Пришелец оказался смуглым красавцем в народном духе – видно, кровь его благородных предков нередко мешалась с кровью крестьян Мурсии. Слух о красивом незнакомце, решившем подарить монастырю книги, быстро облетел всю обитель, и несколько сестер и послушниц уже прибегали в кухню, якобы по делу. В числе первых оказалась и Антония. Она тут же поднялась в комнату Клаудии, которая вот уже более двух недель, прошедших после аутодафе, лежала в жару и лихорадке.

– Тебе давно бы пора подняться, дорогая, – заметила она. – Тем более, сегодня помимо праздничной службы есть причина поинтересней. – Но Клаудиа лишь вяло повернула голову. Глядя на эти страдающие глаза, можно было и впрямь поверить, что перед ними действительно все еще стоят площадь и пламя костра. Первые несколько дней девушка и вправду прометалась почти в бреду, но потом, осознав, что болезнь позволяет ей оттянуть ночное появление в келье Антонии, и дальше прекрасно имитировала нервную лихорадку. – Нам Господь послал подарок под праздник: смуглый красавчик, от которого так и пышет жаром, сидит на кухне матери Исидоры. – В ответ Клаудиа только устало прикрыла ресницы.

После ночной службы, длившейся до трех часов, дон Диего был позван наверх, куда он и последовал, не расставаясь со своей набитой альфорхой. Покои аббатисы дышали жаром и запахами пряностей; на столе стояло вино и пестрели сласти.

– Я дон Диего... – снова начал юноша, но настоятельница прервала его.

– Я уже слышана о вашем благочестии, дон Диего. Поешьте и выпейте с дороги, а потом мы поговорим с вами и о ваших дарах.

Юноша, не стесняясь, взялся за изысканные кушанья, и мать Агнес с радостью увидела, что он ест и пьет изящно, как истинный дворянин. Кроме того, он был действительно необычайно хорош: с длинными мускулистыми ногами, широкими плечами и суровым, но нежным лицом.

– Так вы, я вижу, получили неплохое образование? – игриво обратилась к нему аббатиса, не отрывая глаз от Диего и наливая ему еще фанкарралья⁶².

– Немного, – улыбнулся он и посмотрел в окно. За окном уже начинало светать. – Благодарю вас, но мне бы хотелось все же показать вам книги.

– Что ж, прошу вас. Я с удовольствием посмотрю их вместе с вами, – и мать Агнес указала место рядом с собой на широком диване.

Дон Диего спокойно сел и высыпал прямо на колени настоятельница несколько книг в тисненых серебром и золотом переплетах.

– Вот, пожалуйста, например, Фома... – Он раскрыл книгу, и сердце аббатисы сладко дрогнуло. О таком она не смела даже мечтать! Перед ней в смуглой мужской руке лежало редчайшее порнографическое издание Карреля.

– Какая щедрость! – воскликнула она. – И все остальные книги такого же качества?

– Несомненно.

– Но откуда...

– Дорогая графиня, кто же из побывавших хотя бы раз в Малаге не слышал о вас?! Я счастлив услужить вам.

– В таком случае и я не останусь в долгу, драгоценный дон Диего! Я...

Но продолжать ей уже не понадобилось – жаркие уста юноши прильнули к ее устам, а рука уверенно вздернула вверх подол сутаны...

⁶² Фанкарраль – легкое красное вино.

После первых стремительных и жадных ласк последовала томительная истома, а за нею и полное блаженства отдохновение. Выпив еще по бокалу вина, Диего с графиней вновь завели ленивый и томный разговор.

– Ах, дорогая графиня, – не скрывал своего наслаждения дон Диего, – да у вас тут прямо рай земной. Столько хорошеньких юных девочек. Небось, не теряете время даром?

– От такого человека, как вы, было бы неразумно это скрывать, – томно улыбнулась аббатиса.

– И, надо полагать, все вышколены должным образом?

– В общем-то, да.

– Но откуда такая неуверенность, графиня? Неужели осталась какая-то строптивница, что не хочет утолить страсти столь роскошной женщины, как вы? Ни за что не поверю.

– Вы можете, конечно, не верить мне, дон Диего, но, тем не менее, такая строптивница все-таки нашлась.

– Должно быть, прескучная и нехороша собой?

– И на этот раз вы ошиблись, совсем наоборот. Малышка на удивление соблазнительна.

И вдруг в голову настоятельницы пришла блестящая мысль: перед такой мужской красотой, перед такой галантностью эта маленькая упряmica, пожалуй, не устоит. Конечно, ей тяжело сразу же начинать с женщинами, но она страстна, она чувственна, это видно даже по глазам, и, возможно, красота мужского тела скорее соблазнит ее. Дивные картины поплыли перед мысленным взором матери Агнес, и, совсем позабыв в этом любовном чаду о строгом наказе Его Высокопреосвященства, она поправила рясу, прическу и схватила колокольчик.

Тут же вбежавшая сестра Антония, выслушав приказание настоятельницы, сказала:

– Но вы же знаете, амма, она больна еще после Уржеля, – напомнила ей Антония.

– Ничего страшного, дойдет, не рассыпется.

– Так это ваши салески пели на аутодафе? – обернулся к аббатисе после ухода сестры Антонии отошедший к окну дон Диего. – Я присутствовал там тоже – изумительные голоса.

– Благодарю. И, представляете, именно эта строптивница прямо у помоста умудрилась хлопнуться в обморок, и валяется уже почти две недели.

Тем временем Антония почти насильно одела Клаудию, вернее, накинула прямо поверх ночной рубашки две шали: одну на плечи, другую вокруг бедер, и подтолкнула к дверям.

– Иди же, тебе сказочно повезло.

Слова эти испугали девушку даже сильнее, чем, если бы ей сказали, что ее ведут на пытку. Напоследок она схватила кардинальское кольцо. «В крайнем случае, скажу... Скажу, что храню верность Его Высокопреосвященству...» – лихорадочно придумывала она способы защиты. Но мать Агнес оказалась не одна. На диване рядом с нею сидел красивый черноволосый юноша, что-то неуловимо томящее напомнивший Клаудии.

– Ну, наконец-то, – вполне беззлобно приветствовала ее аббатиса. – Это дон Диего, – юноша встал и, слегка побледнев, склонился в низком поклоне. – Выпей вина, Анна, – И предложила аббатиса и налила большой бокал. Клаудиа неожиданно даже для себя самой решительно подошла к столику, взяла бокал и выпила его залпом. Комната поплыла у нее перед глазами.

– Ну, что же, она и в самом деле прелестна, – вдруг развязно произнес дон Диего. – Знаете что, давайте сделаем так. Мне ужасно претят все эти ваши постные монастырские клички: Анна, Исидора и тому подобное. Имена должны соответствовать ситуации, не правда ли? Давайте устроим маленькую галантную игру. Допустим, я на этот раз буду зваться... ну, скажем, Редуан, а Анна, разумеется, Фатьма. А вы, графиня... Как вам понравится имя Гедета?

Клаудиа не верила своим ушам. Кто перед нею? Враг или друг? Это шанс на спасение или ловушка? Как разгадать это? Как вести себя? И тогда она малиновыми от вина губами почти капризно прошептала:

– А мне не нравится имя Редуан. Почему бы вам не назваться, например, просто Перикито?

– Перикито? Не очень изысканно, зато отдает жестокостью и силой. Значит, Перикито, отлично. – Юноша широко улыбнулся, и в сердце Клаудии растаяли последние сомнения. Перед ней был Педро, маленький пастух, поклявшийся быть с ней везде... – Я за, а вы согласны, Гедета?

Аббатиса в ответ лишь томно прикрыла глаза и потянулась к дону Диего всем телом.

Клаудиа сразу же опустила веки.

Однако красавец юноша вдруг мягко и легко отстранил аббатису и подошел поближе к Клаудии. Затем, обойдя ее со всех сторон, пристально оглядел и сказал:

– Дорогая графиня, я вижу, вы совершенно правы. Эта дикарка еще не совсем готова к тому, что нам от нее нужно. Она нам испортит всю обедню. Давайте поступим так. Для начала пусть Фатьма пойдет и почитает наши книги. А я пока предпочту остаться в вашем прекрасном обществе. Ведь мы никуда не торопимся, графиня, не так ли?

– Ну, если вы так считаете, мой милый Диего, – снова загорелась от обещанного продолжения блаженств аббатиса, – то я тоже ничего не имею против.

– В таком случае, извольте, милая Анна, то есть Фатьма, взять это, – юноша вручил Клаудии стопку принесенных с собой книг, а затем присел на диван рядом с аббатисой.

– А теперь идите к себе и внимательно изучите сии мудрые книги – в них ваше спасение.

– Да, да, милая, послушай умного человека, – и мать Агнес жестом отправила Клаудию обратно.

Едва сестра Анна, прижав к груди стопку книг, вышла, мать Агнес вновь было всем телом потянулась к своему гостю, но дон Диего спокойно заплетал в косу свои иссиня-черные волосы.

– Надо вам заметить, дорогая графиня, я не люблю дешевую любовь втроем. И тащился сюда из Картахены не за девственницами, а...

– Что ж, больше ее здесь не будет. Вот ключ от лестницы и моих покоев. Надеюсь, вы еще поживете у нас, тем более что идет снег, и все дороги занесены.

– Несомненно, графиня.

* * *

Снег действительно шел еще целую неделю. Дон Диего остался в монастыре, где ему отвели комнату рядом с кладовой. Впрочем, он вел жизнь скромную, почти никуда не выходил, и даже его ночные посещения аббатисы оставались тайной для всех, кроме сестры Антонины, ночевавшей за каменной стеной по соседству с покоями аббатисы. Сладострастные стоны дразнили ее молодое воображение, и она все удивлялась, почему на этот раз настоятельница столь жадна и ни с кем более не делится своим счастьем.

Клаудиа же, тем временем, пребывала в полном недоумении. В тот момент, когда она, полуодетая и почти без сознания, оказалась у себя в комнате, девушка прежде всего мысленно поблагодарила милого Педро за то, что он избавил ее от ужасного действия, в которое не прочь была вовлечь ее настоятельница. И только потом начала лихорадочно соображать. Педро здесь, и надо выстроить свое поведение так, чтобы не допустить ни одной ошибки, которая помешала бы его плану. Ах, если б еще знать, каков этот план! Он велел ей читать книги. Что крылось в этом приказании? Возможность найти спокойствие в мудрости веков? Обнаружить у кого-то из древних авторов похожий план побега? Как бы там ни было, девушка вняла этому совету и посрешно схватила за книги.

Неожиданно обнаружив в них все те же пошлые картинки, девочка сначала едва не отбросила их с омерзением, но, немного поразмыслив, все же принялась внимательно изучать содер-

жимое. Ей становилось буквально физически плохо от этих бесконечных голых тел и органов, но она крепилась изо всех сил. Но ответа найти все не могла. Клаудиа прекрасно понимала, что до тех пор, пока Педро находится где-то рядом, ей ничто не грозит. С другой стороны, вынужденное бездействие угнетало ее; день проходил за днем, а она все никак не могла найти того, что именно предлагал ей найти в этих книгах Педро. По вечерам она часами стояла у окна, вглядываясь в мутную пелену, словно стараясь разглядеть там какой-нибудь свет – знак надежды. По истечении шести дней, измученная неизвестностью и не находящими выхода мыслями, она совсем лишилась сна.

На следующий день после службы к ней вдруг подошла мать настоятельница.

– Не надо так бледнеть... Фатъма, – насмешливо сказала она. – В принципе я довольна тобой. Ты уже получила первый урок, и теперь дело только за дальнейшим развитием. Изучай книги. Я не тороплю – в таких делах спешка может лишь навредить.

Придя к себе в келью и брезгливо взглянув на уже до тошноты опротивевшие ей пошлые книги, девочка стиснула пальцами лоб. Неужели Педро обманул ее? Но зачем? В таком обмане не было никакого смысла. Или...!? Ужасная мысль пронзила ее сознание – а что если он действительно предлагает ей именно этот путь спасения?!

Снег за окном, как нарочно, падал все гуще, заливая комнату мертвенным белесым светом.

– В этих книгах ваше спасение, – в сотый раз, как заклятие, повторила Клаудиа. – Но она ничего не нашла в тех томах, что лежат в ее комнате повсюду. Ее взгляд скользнул по картинке, изображавшей псарню... Какая мерзость!.. «Нет, не может быть, чтобы Педро меня обманул!» – вдруг подумала она и, забыв о стыде, вновь жадно бросилась листать страницы.

Спустя несколько часов, красная, с пересохшими губами, она захлопнула последний том, опять так ничего и не обнаружив. Но не мог же Педро просто так посмеяться над ней! И вдруг она вспомнила: да, точно, на одной из картинок были два резвящихся кролика! Как же она сразу не обратила на них внимания?! Клаудиа снова судорожно пересмотрела все книги, пока, наконец, не нашла эту странную картинку – на лугу резвятся два кролика, а вдали пасется овечка. И больше ничего. До рези в глазах разглядывала она эту картинку, но опять ничего не могла понять. Наконец, в отчаянии и ярости она просто вырвала эту совершенно чуждую здесь страницу. Книга шлепнулась на пол, развалившись на две части, и из-под тисненого сафьяна выскользнул легкий белый листочек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.